

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXII, 2019, № 1

Выходит 2 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки
«Институт восточных рукописей РАН»

**Посвящается 120-летию со дня рождения монголоведа
Л. С. Пучковского**

191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Тел.: (812) 315-87-28
orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь,*
кандидат филологических наук (Россия)
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чешская Республика)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *доктор исторических наук,*
профессор (Монголия)
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Формат 60x90 1/8. Объем 13¹/₄ печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»
Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5 e-mail: editor@isvoe.ru

В НОМЕРЕ:

Леонид Сергеевич Пучковский — жизненный путь и научное наследие (*Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов*)

Приложения (подгот. к публ. Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек)

Список трудов Л. С. Пучковского (сост. Н. С. Яхонтова) 6

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ЭТНОГРАФИЯ

Е. В. Асалханова. Художник Санкт-Петербургского буддийского храма О. Б. Будаев (1887–1937) 32

А. В. Зорин, А. А. Сизова. О коллекции книг и изобразительных материалов, привезенных Б. Я. Владимирцовым в 1926 г. из Пекина. 45

Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова. Религия как публичное пространство политики. Размышления историографов по поводу монографии Орловой К. В. «Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.)». М.: ИВ РАН, 2018. 400 с. 49

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Т. Г. Басангова. Кот/кошка в калмыцком фольклоре 55

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О. В. Лундышева. Рукописи на тохарском Б из коллекции Березовского: фрагмент двуязычного текста «Уданаваги» 58

АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ

М. И. Тубянский. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода. Предисловие, подготовка переиздания, примечания, приложение Т. В. Ермаковой и Е. П. Островской 64

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. В. Кульганек. Круглый стол «Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность» 87

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей историка и востоковеда Александра Ивановича Андреева (*Т. И. Юсупова*) 89

К 70-летию С. Г. Батыревой, доктора искусствоведения, почетного члена Российской академии художеств, заслуженного деятеля искусств Республики Калмыкии (*Е. В. Асалханова*) 91

IN MEMORIAM

Памяти Павла Леоновича Гроховского (*В. Л. Успенский*) 93

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Главы двенадцатая, тринадцатая (перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой) 95

Информация об авторах. 105

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

MONGOLICA

St. Petersburg Journal of Mongolian studies

Vol. XXII, 2019, No 1

Published since 1986

Issued twice a year

Founder: Federal State Institution of Science
«Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences»

**In commemoration of the 120th anniversary
of the birth of Russian mongolist
Leonid Sergeevich Puchkovsky**

18, Dvortsovaya emb. St. Petersburg,
191186, Russia
Tel.: +7-812-315-87-28
orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru

Editorial board:

I. V. Kulganek, *editor-in-chief, D. S. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov, *secretary, PhD. (Philology),
Russian Federation*

G. Bilguudei, *D. S. (Philology), Mongolia*

B. Agnes, *PhD. Hungary*

J. Legrand, *D. S., Professor, France*

V. Kapishovska, *PhD. Czech Republic*

S. L. Neveleva, *D. S. (Philology),
Russian Federation*

K. V. Orlova, *D. S. (History),
Russian Federation*

M. P. Petrova, *PhD. (Philology),
Russian Federation*

R. Pop, *PhD. Romania*

L. G. Skorodumova, *D. S. (Philology),
Russian Federation*

T. D. Skrynnikova, *D. S. (History),
Russian Federation*

S. Chuluun, *D. S. (History), Professor, Mongolia*

N. Khishigt, *PhD. (History), Mongolia*

N. S. Yakhontova, *PhD. (Philology),
Russian Federation*

IN THIS ISSUE:

Leonid Sergeevich Puchkovsky — his life and academic heritage (<i>N. S. Yakhontova, I. V. Kulganek, A. V. Zorin, D. A. Nosov</i>)	6
---	---

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES

E. V. Asalkhanova. Artist of the St. Petersburg Buddhist Temple Osor Budaev (1887–1937)	32
A. V. Zorin, A. A. Sizova. On the collection of books and paintings brought by B. Ya. Vladimircov from Beijing in 1926	45
L. V. Kuras, I. S. Tsyrempilova. Religion as public space of politics. Thoughts of historiographers about the monograph «Christianization of the Kalmyks in the context of internal and external policy of Russia (middle of XVII — beginning XX c.)» by Orlova K. V. M., 2018	49

FOLKLORE STUDIES

T.G. Basangova. Cat as a character of Kalmyk folklore	55
--	----

RELATED DISCIPLINES

O. V. Lundyшева. Tocharian B manuscripts in M.M. Berezovsky' collection: a bilingual Udānavarga Fragment	58
---	----

THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS

M. I. Tubyansky. Some problems of the pre-revolutionary Mongolian literature. Foreword, re-edition, notes and appendix by <i>T. V. Yermakova</i> and <i>E. P. Ostrovskaya</i>	64
--	----

REVIEWS

I. V. Kulganek. Round table «Mongolian Studies in St. Petersburg: a retrospective and modernity»	87
---	----

ANNIVERSARIES

Anniversary of the historian and orientalist Alexander Ivanovich Andreev (<i>by T.I. Yusupova</i>)	89
To the 70th anniversary of S. G. Batyreva, Doctor of Arts, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Republic of Kalmykia (<i>by E. V. Asalkhanova</i>)	91

IN MEMORIAM

In memory of Pavel Leonovich Grokhovsky (<i>by V.L. Uspensky</i>)	93
---	----

OUR TRANSLATIONS

V. Inzhinash. Red Chamber of Tears. The Novel. Chapters twelve and thirteen (translated from Classical Mongolian by <i>L. G. Skorodumova</i>)	95
Information about the authors	105

Леонид Сергеевич Пучковский
(1899—1970)

Леонид Сергеевич Пучковский — жизненный путь и научное наследие

DOI 10.25882/mvh5-vz65; © Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов, 2019

Леонид Сергеевич Пучковский, видный ленинградский ученый-монголовед, оставил значительное научное наследие в области исследования рукописей монгольских народов. Являясь автором двух монографий, более чем 50 научных статей, он внес большой вклад в научное описание монгольских и бурятских рукописей, хранящихся в Институте востоковедения АН СССР/ИВР РАН. Связав всю свою жизнь с Институтом, он выполнял труднейшую задачу по выработке принципов научной систематизации, каталогизации и описания рукописей. Он стоял у истоков современного монголоведного изучения рукописного дела, которое было продолжено Д. Карой, А. Г. Сазыкиным, В. Л. Успенским, З. К. Касьяненко, а в настоящее время успешно развивается благодаря работающим в ИВР РАН монголооведам — Н. С. Яхонтовой, Н. В. Ямпольской, Д. А. Носову, А. А. Сизовой, А. А. Туранской.

Л. С. Пучковский родился 9 ноября (по новому стилю) 1899 г. в г. Юрьеве Лифляндской губернии (ныне г. Тарту, Эстония) в семье приват-доцента (впоследствии профессора) Юрьевского ветеринарного института Сергея Ефимовича Пучковского и домохозяйки.

В мае 1918 г. он окончил Пятую Варшавскую мужскую гимназию, которая в тот момент находилась в эвакуации в Чернигове, после чего поступил в Черниговский учительский институт. Однако с семьей отца (профессора Донского ветеринарного института) был вынужден переехать в Новочеркасск, где начинал учиться в трех различных ВУЗах, но ни один из них не закончил: первые два — по причине тяжелой болезни (тиф), третий — по причине переезда с семьей отца в Воронеж. Одновременно с учебой на правовом отделении факультета общественных наук Воронежского государственного университета Леонид Сергеевич работал в Воронежском губернском совете народных судей, далее — в Особой сессии по важнейшим делам, а затем — в Воронежском губернском суде.

Отец будущего исследователя занимал руководящие должности (1923 г. — декан медицинского факультета, затем — проректор, а с 1924 г. — ректор Воронежского государственного университета), и осенью 1923 г. Л. С. Пучковский перевелся в Ленин-

градский государственный университет, где в 1925 г. окончил правовое отделение факультета общественных наук. В том же году двадцатипятилетний выпускник поступил в Ленинградский институт живых восточных языков на китайский разряд¹, где проучился два года, посещая, наряду с обязательными занятиями, лекции проф. Б. Я. Владимирцова, проф. Г. Е. Грум-Гржимайло и других преподавателей монгольского разряда Института².

В 1927 г. во время летних каникул Л. С. Пучковский отправился в Бурят-Монгольскую АССР для изучения разговорных бурятского и монгольского языков. Республиканский Наркомпрос предложил ему должность преподавателя русского языка, и в сентябре Л. С. Пучковский отправил ходатайство в Правление ЛИЖВЯ с просьбой предоставить ему годичный отпуск для работы по предложению Бурнаркомпроса и изучения монгольского языка как дополнительного. Ходатайство было удовлетворено и отпуск предоставлен «в виде исключения, принимаемая во внимание академическую активность студ. Л. Пучковского»³. Таким образом, с октября 1927 по июнь 1928 г. Л. С. Пучковский работал в школе второй ступени Троицкосавска (Кяхты). Проживая в бурятской семье Цыдыповых, он совершенствовал разговорный бурятский и параллельно изучал письменный монгольский язык «на курсах по ликвидации бурят-монгольской неграмотности, организованных местным Политпросветом»⁴. Не имея возможности изучать живую монгольскую речь в Кяхте, студент попросил руководство ЛВИ продлить ему командировку еще на один год для посещения самой Монголии. Правление Института весной 1928 г. продлило отпуск Л. С. Пучковского до осени 1929 г., и будущий исследователь отправился в Монголию, где стал изучать разговорный язык, зарабатывая на жизнь преподаванием английского языка и обществоведения в школе-семилетке для детей советских граждан.

¹ Л. С. Пучковский учился в одной группе с будущим монгольским академиком Бимбаин Ринчэном.

² ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Д. 2114. Л. 2, 2 об., 11, 11 об., 12, 12 об.

³ ЦГА СПбФ. Р-6951. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 48.

⁴ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 41.

В апреле 1929 г. в ЛВИ поступила телеграмма из Комитета наук (Учкома) МНР за подписью Ц. Ж. Жамцарано, бывшего в то время товарищем министра народного образования МНР и одновременно заместителем председателя Учкома, с просьбой продлить отпуск студента Пучковского еще на год⁵. Ему выпала уникальная возможность поехать в отдаленный район Гурбан Сайхан Южно-Гобийского аймака для работы в качестве наблюдателя на впервые установленной метеорологической станции Байшинту, где он вел с июня 1929 по июль 1930 г. наблюдения за погодой, за продолжительностью солнечного сияния, за облаками. В его распоряжении были также барограф, гелиограф и термограф. Ленты с их показаниями и книги с записями своих наблюдений он по возвращении в Ленинград сдал Монгольской комиссии для обработки в Главной геофизической обсерватории, после чего их предполагалось передать в Комитет наук МНР⁶. При этом Л. С. Пучковский находил время и для монголоведческих исследований. Непосредственно общаясь с местным населением, он записал образцы местного фольклора, сделал ряд лингвистических записей, а также собрал небольшие коллекции археологического и этнографического характера. Все эти материалы под названием «Образцы фольклора Монгольской Народной Республики» были переданы в Комитет наук МНР. Общий объем их составил десять авторских листов. В настоящее время из всех материалов опубликован лишь перевод сказки «Мэргэн Туулай» («Мудрый заяц»), выполненный Л. С. Пучковским (1938)⁷. Вернувшись осенью того же года в Ленинград, он, по совету Н. Н. Поппе, перевелся в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). Занимаясь монгольским языком у акад. Б. Я. Владимирцова, молодой исследователь особенно интересовался различными видами монгольской письменности (уйгурско-монгольской, так называемой «квадратной», и др.), а также монгольскими рукописями исторического содержания. Производственную практику он проходил в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР под руководством акад. Б. Я. Владимирцова.

В 1932 г. Л. С. Пучковский окончил ЛГИЛИ и уже с 1 января 1932 г. был принят на должность научного сотрудника II разряда в Монгольский кабинет Института востоковедения АН СССР, заведовать которым после смерти Б. Я. Владимирцова стал Н. Н. Поппе. Новый молодой сотрудник сразу стал исполнять обязанности секретаря кабинета, вести научно-вспомогательную работу, кроме того, его подключили к выполнению трех коллективных тем, одной из них был «Монгольско-русский словарь», го-

товившийся совместно с Коммунистическим университетом трудящихся Востока (Москва). В кабинете исполнителями ее (кроме Л. С. Пучковского) были Н. Н. Поппе, В. А. Казакевич и Б. Б. Жигмидон. Еще одна большая коллективная тема, которую разрабатывали и в других кабинетах, была «Октябрь и Восток», в Монгольском кабинете она звучала как «Влияние Октября на Монголию». Одну из ее двух частей (Национально-освободительное движение) выполняли Н. Н. Поппе и Б. Б. Жигмидон. Третья тема, «Отражение гражданской войны в Монголии в беллетристике», также стояла в плане кабинета на 1933 г. Ее выполняли сотрудники кабинета совместно с аспирантами (К. Н. Артемов, Б. Б. Жигмидон, П. П. Уливанов). Две первые темы были выполнены полностью, последняя — частично⁸.

Научно-вспомогательная, т. е. библиографическая работа Л. С. Пучковского заключалась в составлении библиографии всех статей двух монгольских журналов, комплекты которых за несколько лет хранились в кабинете. Результатом этой сферы деятельности Л. С. Пучковского стала его первая статья — «Содержание журналов „Хозяйство Монголии“ и „Путь к социализму“» (1 п. л.), опубликованная в 1934 г.⁹ Помимо этого он занимался обработкой каталога имевшихся в Кабинете европейских книг по монголоведению (400 карточек), им были сделаны для работы Ц. Ж. Жамцарано перевод статьи Хэниша о Санан-Сэцэне и перевод с немецкого языка статьи «Юань-чао-би ши» по описанию рукописей¹⁰, были переписаны две рукописи для литературной хрестоматии. Одновременно он выполнял задания по Рукописному отделу. В его отчете это следующие пункты: «а) Произведена шифровка рукописи[ого] фонда — 223 рукописи. Влито в каталог 223 карточки. б) Произведена шифровка фонда документов 313 шт[ук], влито в каталог 313 карточек. в) Произведено выделение (подыскание основных экземпляров дублетов) дублетного фонда — 61 дублет = 106 экземпляров. Разнесено на карточки 106 экз[емпляров]». Еще четыре пункта касались технической работы в Рукописном отделе: «г) Произведена расстановка после дезинфекции рукописного фонда с приведением в порядок (обтирание пыли, укладка листов и т. п.). д) Произведено перемещение рукописного фонда в другое помещение с полной установкой на месте»¹¹. Также он выдавал рукописи аспирантам и сотрудникам кабинета.

10 ноября 1932 г. Н. Н. Поппе обращается в дирекцию ИВ с просьбой выделить Монгольскому кабинету одну ставку сотрудника I разряда для Л. С. Пуч-

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 273, л. 5.

⁹ Обзор журнала «Хозяйство Монголии» за 1923–1930 гг. // Библиография Востока. 1934. № 4.

¹⁰ В апреле 1932 г. Ц. Ж. Жамцарано, который был вынужден уехать из Монголии, был принят на работу в ИВ АН СССР, где начал заниматься описанием монгольских исторических рукописей XVII в.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 273. Л. 34.

⁵ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 48

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 10. Л. 25, 26, 33.

⁷ См.: Сказки народов Востока / отв. ред. А. К. Боровков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 12–13.

ковского, «который зарекомендовал себя в достаточной мере своим участием в составлении словаря и коллективной статьи для сборника „Октябрь и Восток“». Кроме того, им успешно описываются рукописи Монгольского фонда»¹². Однако повышения не последовало, и в 1933 г. Л. С. Пучковского привлекают к новой коллективной теме кабинета — составлению Бурятского диалектологического словаря, исполнителями были Н. Н. Поппе и его аспиранты из Бурят-Монгольской АССР (А. М. Хамгашалов, Л. Ч. Гомбоин и Т. А. Бертагаев). Также продолжается работа над литературной хрестоматией (коллектив авторов — Н. Н. Поппе, В. Л. Казакевич, Ц. Ж. Жамцарано и аспирант из Монголии Б. Содном)¹³. На долю Л. С. Пучковского приходится 2 п. л. и еще 0,5 п. л. в качестве ударного обязательства. Он продолжает заниматься знакомой ему ранее научно-вспомогательной работой в рукописном фонде («шифровка и каталогизация рукописей, работа по выделению дублетного фонда»). В его обязанности также входило «обслуживание литературой» сотрудников и аспирантов¹⁴. В 1932/33 учебном году по поручению (т. е. с оплатой) Комитета по подготовке кадров АН СССР Л. С. Пучковский занимается русским языком с монголом Б. Содномом — аспирантом Н. Н. Поппе.

В 1934 г. в Рукописный отдел Института был назначен новый заведующий, проведена реорганизация отдела и разработан новый план с целью ускорения описания рукописных фондов, создания их каталогов, т. е. решения давно назревших задач. Эти изменения коснулись и Л. С. Пучковского. С 1 января 1934 г. он был переведен в штат отдела. Надо сказать, что его собирались привлечь к описанию Монгольского фонда годом ранее: в плане работы Рукописного отдела его фамилия вписана карандашом со знаком вопроса¹⁵. Однако в 1933 г. Л. С. Пучковский все еще занимался обработкой Монгольского фонда, не будучи его штатным сотрудником и не имея «нормы выработки» (так делали и некоторые сотрудники из других кабинетов). Вполне вероятно, что свою роль в переводе Л. С. Пучковского в штат Института сыграла положительная характеристика Н. Н. Поппе, данная ему в конце 1932 г. Наконец, монгольский фонд, который тогда насчитывал около 2500 названий, дождался научной обработки — до этого монголиста среди сотрудников отдела не было.

Новые порядки в Рукописном отделе предполагали изменение планов (и отчетов) для сотрудников с

указанием точных дат и количества обработанных единиц, написанных карточек и прочих работ; надо было также отчитаться и о повышении квалификации. Каждому сотруднику давалась характеристика. Н. Н. Поппе написал о Л. С. Пучковском следующее: «Точный и аккуратный работник. Произвел детальную проверку Монгольского фонда с выявлением лакун со дня организации фонда. Хорошо пишет карточки и инвентаризирует»¹⁶. Отчет о работе за 1934 г. Л. С. Пучковского включал 12 пунктов, среди которых была не только умственная, но и чисто техническая работа. Чтобы понять, чем занимался Л. С. Пучковский, приводим этот отчет (без указания сроков выполнения)¹⁷:

«1) Обработка рукописных материалов Ц. Ж. Жамцарано — подбор разрозненных материалов по годам и страницам, нумерация, организация переплетных работ. — Переплетено 13 томов, 4514 страниц.

То же по материалам Шангаева и друг[их]. — [Переплетено] 7 тетрадей, 300 стр[аниц].

Консультации новому сотрудн[ику] Монг[ольского] каб[инета]¹⁸ и ввод его в работу.

2) Работа по новым поступлениям. — Разбор коллекции [А. И.] Вострикова, [В. А.] Казакевича, Санданова и др. Подбор разрозненных материалов. — Инвентаризация и шифровка — 188 ед. Написано карточек основных — 188 ед., дублетных — 36 ед.

3) Работа по старым фондам.

Описание рукописей — 156 ед., 312 карточек¹⁹.

4) Проверка всего фонда и установление лакун. — Сведения на 12 листах.

5) Оформление поступлений. (Нарезка картонных обложек, заделывание в них материалов и т. п.) — 188 ед.

6) Работы по обмену (проверка материалов обмена, составление актов) — 9 ед.

7) Различные работы по новому размещению Рукоп[исного] отдела (участие в работах по другим фондам).

8) Разделение монг[ольского] фонда на рукописный и ксилографический. Новое их размещение. — Около 3000 ед.

9) Разбор фонда китай[ских] поступл[ений] (совместно с т[оварищем] Флугом).

10) Оформление маньчжурского фонда.

11) Консультации, выдача и прием монг[ольских] материалов.

12) Участие в конференциях.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 273. Л. 65.

¹³ Эта хрестоматия была опубликована в 1938 г. — «Образцы монгольской феодальной художественной литературы» / подготовили к печати Содном Балдан, Н. Н. Поппе, Л. С. Пучковский; под общей ред. и со вступит. ст. Н. Н. Поппе. М.; Л., 1938. В. А. Казакевич и Ц. Ж. Жамцарано, репрессированные в 1937 г., среди авторов издания не указаны.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 316. Л. 9–11, 20; СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 203.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 323. Л. 14.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 375. Л. 7.

¹⁷ Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника.

¹⁸ Новый сотрудник — это Т. А. Бурдукова, принятая на работу в Монгольский кабинет ИВ АН СССР 15 января 1934 г.

¹⁹ В 1933 г. на совещании, в котором принимали участие сотрудники Рукописного отдела и ведущие ученые института, была принята единая форма карточек для описания. Карточек предполагалось делать две: «А» и «Б». Первая содержала полную информацию, вторая — краткую.

13) Краткая опись дублетного фонда. Монг[ольский] текст, перевод, библиография. — Подготовка к печати (86 единиц)²⁰.

В 1935 г. всесоюзное движение ударников добралось и до ИВ АН. В делах Рукописного отдела за этот год есть любопытный бланк²¹, озаглавленный «Ударное обязательство (плановое)», его должен был заполнить каждый сотрудник. В своем личном обязательстве Л. С. Пучковский указал: «Описание рукописей — 10 ежемесячно и Перевод документов (30 документов)». Внизу бланка предполагалось отчитаться о выполнении. В бланке Л. С. Пучковского написано: «Сверх того: а) Материалы для сборника художественной литературы — 2 п. л. б) Записи фольклора (у монгола сказочника)²² — 1 п. л.». И заключение: «Выполнены еще две работы сверх указанных обязательств»²³. Описание Монгольского фонда постепенно продвигалось, его ход отражен в отчете Рукописного фонда: было описано 397 единиц, инвентаризировано 239. Кроме того, упомянуты 80 монгольских эстампажей, разборка коллекции Ц. Ж. Жамцарано (220 ед.), оформление маньчжурского фонда (250 ед.) и выделение ксилографов²⁴. Судя по всему, побочные работы отвлекали его в этом году в меньшей степени, а научные позволяли успешно выполнить пункт отчета «Повышение квалификации».

В 1935 г. С. Л. Пучковский (заклучив договор с дирекцией института) участвовал в совместной работе по подготовке «Монгольско-русского словаря» для Государственного словарно-энциклопедического издательства. Такие же договоры были заключены с С. Д. Дылыковым, Н. Г. Румянцевым и К. М. Черемисовым, между ними были распределены все буквы монгольского алфавита. За основу был взят словарь К. Ф. Голстунского, который надо было расписать на карточки, что требовало времени и сил. Но подготовка словаря была политически важным делом²⁵. Руководитель Монгольского кабинета Н. Н. Поппе явно был в курсе того, как идет описание рукописей, и, обеспокоенный темпами, обращается в дирекцию с предложением привлечь на договорных началах С. А. Козина к обработке в Фонде новых поступлений от Дылыкова, Жермидона, Задага Санданова, чтобы Л. С. Пучковский не отвлекался от основной задачи²⁶. С. А. Козин до этого уже работал в Институте (в архиве по договору), кроме того, его положение в ЛВИ, где он в тот момент преподавал, было очень неустойчивым, и таким образом Н. Н. Поппе «убивал двух зайцев». Однако договор заключен не был.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 375. Л. 7.

²¹ Чем-то напоминает более позднюю планкарту.

²² В плане работ Монгольского кабинета на 1936 г. указана эта тема [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419].

²³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 19.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 1.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 26. Переписки издания этого словаря зафиксированы в протоколе заседания Монгольского кабинета [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419. Л. 55–59].

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419. Л. 162.

Тем временем Л. С. Пучковский продолжал свою кропотливую работу по описанию Монгольского фонда, формально являясь при этом сотрудником Рукописного отдела. Он не прерывал связь с Монгольским кабинетом, бывал на его заседаниях, принимал участие в обсуждении работ сотрудников кабинета, участвовал в коллективных темах. В плане работ кабинета на 1936 г. была указана его тема «Подготовка к печати и перевод халхаского фольклора» (2 п. л.).

Однако главным событием в научной жизни Л. С. Пучковского этого периода можно считать его отчет на заседании Монгольского кабинета, растянувшимся на два дня (29 мая и 1 июня 1936 г.). Выступая на этом заседании последним (сначала отчитались все сотрудники кабинета), Л. С. Пучковский представил выполненную им работу таким образом:

«а) Работа по Рукописному отделению заключалась в составлении рабочего каталога. Тип карточек был выполнен по указанию Н. Н. Поппе. За это время обработаны коллекции, входившие в каталог Зыре²⁷ (так! — Н. Я.), треть коллекции Казанской духовной академии и Ц. Ж. Жамцарано. На карточке указывается краткое заглавие, под которым данное сочинение известно, затем полное название, имеющееся в начале рукописи или ксилографа или в колофоне. Указывается, по возможности, дата и автор, количество листов и размер. Никакого конкорданса не делается. Отсутствие технических работников осложняет работу, приходится самому доставать рукописи из шкафов. Написано 1452 карточки (в среднем 13 карточек в день). Новые поступления Жигмидона, Задага Санданова, Дылыкова занесены на карточки, но снабжение их папками задерживается».

О своей работе по монгольскому фольклору и работе над корректурой «Сборника монгольской художественной литературы» С. Л. Пучковский сказал: «Занимался монгольским фольклором. Закончил транскрибирование и разбор тех записей, которые были сделаны в Монголии в Байшинту. ... Кроме того, продолжались занятия с монголом, от которого записаны 10 сказок (96 страниц тетради). Перевод их еще не сделан».

Последним пунктом отчета была работа над документами из Внутренней Монголии, которую он только предполагал начать. Речь шла о подготовке к изданию 20 писем Г. Гомбоеву: транскрипции и переводе. По поводу целесообразности подготовки к публикации этих писем Л. С. Пучковский хотел услышать мнение своих коллег. Особенно волновало его написание исследования, «ввиду того, что теперь текст и перевод без исследования Институт не печатает». Б. И. Панкратов и В. А. Казакевич к предло-

²⁷ Правильно: «Каталог Зере». — Так часто называют «Список монгольским и калмыцким книгам и рукописям в АМ АН по хронологическому поступлению их в состав библиотеки Азиатского Музея», датируемый мартом 1891 г. Его составитель, Зире Е. Ф. (1866–1930), монголовед, в течение одного года работал хранителем в АМ.

жению Л. С. Пучковского отнеслись скептически, ссылаясь на малую ценность писем как исторических документов. Последний сказал: «Исследование должно касаться определенного отрезка времени, определенных исторических лиц, сношений культурных и торговых, документы же только в некоторой части должны цитироваться». Единственно возможный вариант, по их мнению, — использовать их в учебном пособии. Н. Н. Поппе предложил дать подробное описание всех документов, имеющихся в ИВ, а для публикации полностью выбрать несколько документов.

В заключение своего выступления Л. С. Пучковский упомянул о работе над диссертацией²⁸, написание которой дирекция предоставляла ему 2 часа в день. Он заявил, что в процессе работы над документами из Внутренней Монголии понял, что «прежде чем приступить к написанию исследования, необходимо детальное исследование материалов», поэтому он должен отказаться от работы над диссертацией и использовать это время для исследования внутреннемонгольских документов.

Оценка работы Л. С. Пучковского по Рукописному отделу была признана удовлетворительной. Ему предложили закончить составление рабочего каталога к 1 декабря 1936 г., фольклорные записи (перевод и введение) — к 1 августа. Ученый должен был также обдумать возможные варианты публикации документов из Внутренней Монголии и снова представить на обсуждение эту тему. Что касается работы над диссертацией, то она могла быть утверждена только после представления Кабинету подробного плана²⁹.

Упоминание работы над диссертацией встречается и в годовом отчете Л. С. Пучковского, но там о ней сказано довольно туманно: «Историческое сочинение. Предварительное ознакомление с текстом и другими монгольскими материалами. Чтение литературы на русском и западноевроп[ейских] языках». Ясно, что он уже планировал заняться диссертацией, но к окончательному решению еще не пришел. В этом же отчете дается число карточек нового карточного каталога на конец года — 2.132, а в пункте «Консультации, справки и т. п.» есть одна любопытная деталь — «Консультации и руководство по составлению каталога т. Боржоновой»³⁰. Оюн Билик Боржонова — жена Мэргэн-гун Гомбожаба, который в это время учился в аспирантуре ИВ АН у Н. Н. Поппе. Консультации по составлению каталога объяснены в очередном заявлении Н. Н. Поппе директору ИВ от 4 января 1937 г., где он, ссылаясь на важность составления каталога Монгольского фонда, предлагает «привлечение на договорных началах монгольской научной работницы Оюн Билик Боржоновой... Все

последние месяцы она проходила безвозмездную стажировку в рук[описном] отд[еле]. А теперь я считал бы необходимым заключить с ней договор, в чем мы кровно заинтересованы»³¹. Договор заключен не был, возможно, из-за начавшихся арестов.

Запланированное завершение работы над каталогом к концу 1936 г. и даже к концу 1937 г. по разным причинам, перечисленным Л. С. Пучковским в отчете за 1937 г., не состоялось. Среди причин — правка корректур (30 п. л.) по поручению Монгольского кабинета, необходимость описать 200 единиц, поступивших из Тибетского фонда, отпуск по болезни (1 месяц), привлечение литературы (свыше 40 названий) о сочинениях в качестве вспомогательного материала, необходимость чтения некоторых текстов целиком (в случае отсутствия названия), в результате чего были выявлены неизвестные Б. Я. Владимирцову вариант «Рассказов из „Панчтантры“», глава «Гэ-сэр-хана», выписки из летописи «Алтан-товч»; невозможность получить консультации по буддийским сочинениям. Надо сказать, что в сводной таблице Рукописного отдела (1937), показывающей состояние работы над описанием фондов, ситуация выглядела вполне оптимистично — Л. С. Пучковский заканчивает картотеку Монгольского фонда и приступает к составлению краткого каталога³².

В мае 1937 г. на заседании Монгольского кабинета снова был заслушан отчет Л. С. Пучковского о ходе работы над кратким каталогом Монгольского рукописного фонда. Однако в протоколе текста отчета нет, есть только постановление: «Составление краткого каталога монгольского рукописного ксилографического фонда ИВ жизненно необходимо. Нужно, чтобы этот каталог был напечатан. В каталоге дать следующие сведения: название сочинения, автор, переводчик, место издания (для ксилографов), дата, шифр, коллекционный шифр, краткое содержание. Сочинения, содержание которых раскрывается заглавием, аннотацией не снабжают. Необходимо указать на дефекты рукописи. Заглавие воспроизводится полностью по титульному листу, параллельно с монгольским тибетские, санскритские, маньчжурские и китайские заглавия, если они имеются на титульном листе, необходимо воспроизвести в каталоге»³³. Если сравнить эти требования к описанию с параметрами, озвученными год назад, то заметно, что они значительно увеличились, и поэтому неудивительно, что работа опять не была представлена в готовом виде.

Из-за репрессий предыдущего года, коснувшихся большого количества сотрудников Института, в 1938 г. были пересмотрены все планы, более того, по указанию сверху необходимо было составить планы работы на пятилетний период. В пятилетнем плане Монгольского кабинета составление каталога не

²⁸ Из текста протокола неясно, над какой диссертационной темой планировал работать Л. С. Пучковский — над письмами Г. Гомбоева или над какой-то другой темой.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 472. Л. 48–50.

³⁰ Там же. Ед. хр. 477. Л. 16.

³¹ Там же. Ед. хр. 531. Л. 37.

³² Там же. Ед. хр. 539. Л. 1.

³³ Там же. Ед. хр. 532. Л. 20.

упоминается. Тем не менее 22 июня на очередном заседании Л. С. Пучковский представил доклад «О каталоге монгольских рукописей и ксилографов», сообщив в нем о проведенной сверх требований проекта дополнительной работе (указание автора, заглавия, даты перевода, шифры). «В первую очередь это касается данных о литературе. Пришлось сделать пометки, что о той или иной литературе имеются указания в соответствующих источниках. Все тибетские названия проверены. Я пользовался каталогом Данджура и Ганджура. Кроме того, мной давались ссылки на другие каталоги (Казанский университет). Размеры каталога увеличились против намеченных. Так, иногда в отношении исторических рукописей мною давались описания (Санан-Сэцэн) по главам. В ряде произведений, не имеющих заглавия, пришлось давать начало рукописи. Годы проверены по таблицам для перевода годов правления китайских императоров на европейскую хронологию (летоисчисление)».

Сотрудники обсуждали принцип расположения материала в каталоге: тематический или по коллекциям. Было признано правильным расположение по коллекциям, поскольку имелась большая заинтересованность в выпуске первой части, описывающей 10 коллекций. Тематические индексы сочли необходимым давать дважды: в конце каждого выпуска и общий — в конце каталога. Постановили также при транскрипции тибетских имен придерживаться тибетского написания³⁴.

В Рукописном отделе Л. С. Пучковский подготовил «План работ по Монгольскому фонду на 1938–1942 гг.». На 1938 г. было запланировано «составление краткого печатного каталога (2000 сочинений) и индекса к нему. Инвентаризация, шифровка и написание карточек для карточного каталога. Подготовка к печати и перевод историческ[ого] сочинения по истории Монголии (F 158). 1939 — Научное описание 6 коллекций Жамцарано (220 сочинений). Работа над новыми поступлениями. 1940 — Научное описание I части коллекции Mong. Nova (250 сочинений). Новые поступления. 1941 — Научное описание II части коллекции Mong. Nova (250 сочинений). 1942 — Окончание научн[ого] описания коллекции Mong. Nova (50 сочинений). Описание коллекции Бурдукова (30 сочинений). Описание 5 коллекций Владимирцова (130 сочинений)»³⁵. Комментировать этот план излишне. Можно только отметить, что Л. С. Пучковский от составления рабочего каталога планировал перейти к составлению научного каталога, что он смог сделать для исторических рукописей только после войны.

В 1938 г. Л. С. Пучковский наконец представил на обсуждение тезисы своей предполагаемой диссертации «Биография Нэйджи-Тойна, как источник для истории духовного феодализма в Монголии». Ее об-

суждали в Монгольском кабинете 8 июня 1938 г., делая особый упор на необходимость показать реакционную роль ламства. Тему сочли актуальной и своевременной, поскольку «она способствует выяснению генезиса духовного феодализма Монголии и показывает исторические корни ламаизма, с которым в настоящее время ведется успешная борьба в МНР»³⁶.

В 1939 г. каталог так и не был сдан в печать, зато Л. С. Пучковский сделал три доклада. Два из них на одну тему (фактически это был один и тот же доклад), но в разных местах: 20 февраля — на заседании Монгольского кабинета («К изучению фондов монгольских рукописей и ксилографов») и 4–5 марта — на заседании Рукописного отдела (о системе описания рукописей Монгольского фонда). На обоих заседаниях в результате обсуждения доклад был рекомендован к публикации в ближайшем номере «Советского Востоковедения»³⁷.

Вот выдержка из протокола заседания отдела рукописей:

«Слушали: сообщение Пучковского о системе описания рукописей Монгольского фонда, являющееся результатом работ докладчика в этой области и знакомства с описаниями подобного рода, вышедшими в свет, в частности, данными Лигети, Ученого комитета МНР и пр.

В результате обмена мнениями была принята резолюция:

Рукописный отдел ИВ АН, заслушав доклад т. Пучковского об описании монгольских рукописей и ксилографов, считает эту работу своевременной и приемлемой к печати не в качестве рецензии на работу Лигети (Статья Louis Ligeti. La collection mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // T'oung Pao. 1930. No 2–3. Vol. XXVII. P. 119–178.), а как самостоятельную статью, о чем отдел доводит до сведения дирекции Института, прося о возможности поместить статью в ближайшем № „Советского востоковедения“. Одновременно отдел предлагает т. Пучковскому дать статью о системе научного каталога монгольских рукописей, о чем автор должен отметить в конце данной статьи, и рецензию на каталог Ученого комитета МНР»³⁸.

В результате и появилась статья «Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей» (1941) — критический обзор имевшихся на тот момент каталогов монгольской рукописной коллекции Азиатского Музея — Института востоковедения и некоторых других коллекций. Автор отмечает их достоинства и недостатки, на конкретных примерах показывает важность определения содержания текста при его описании и предлагает свою краткую схему описания монгольского сочинения, иллюстрируя ее двумя примерами.

В отчете отдела рукописей задание по Монгольскому фонду — «Составление краткого научного ка-

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 598. Л. 127–128.

³⁵ Там же. Ед. хр. 603. Л. 53.

³⁶ Там же. Ед. хр. 598. Л. 120–121.

³⁷ Там же. Ед. хр. 651. Л. 45; Ед. хр. 656. Л. 16, 16 об.

³⁸ Там же. Ед. хр. 656. Л. 16, 16 об.

талога Монгольского фонда. Инвентаризация, шифровка и написание карточек (по 2 на ед. хр.)» — было «закрото» сданной в печать статьей.

В мае на заседании Монгольского кабинета Л. С. Пучковским был сделан третий доклад — «Материалы и исследования в области монгольской филологии». Это сообщение дало довольно неожиданный результат. Кабинет принял решение «просить дирекцию снять с т. Пучковского его прежнюю диссертационную тему, которая выполнялась им во внеплановом порядке, и утвердить за ним тему „Материалы и исследования в области монгольской филологии“». Монгольский кабинет считает, что последняя тема является более актуальной и тесно связанной с производственной работой Пучковского»³⁹. Таким образом, у Л. С. Пучковского появилась новая тема. Тогда же, в мае Н. Н. Поппе предложил Л. С. Пучковскому опубликовать подготовленные им документы («Текст и перевод писем Гомбоеву») со вступительной статьей П. П. Старициной в «Записках» Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова.

Работа над научным каталогом продолжалась, по плану в 1940 г. должны были быть описаны 740 сочинений⁴⁰. В конце года Л. С. Пучковский обращается к ученому секретарю Рукописного отдела с просьбой включить его диссертационную тему, которая получила одобрение Монгольского кабинета, отдела рукописей и заведующего сектором литературоведения и философии акад. И. Ю. Крачковского, в производственный план отдела, на что дирекция согласилась. Руководить написанием диссертации согласился Н. Н. Поппе⁴¹.

Отчет Л. С. Пучковского за 1941 г. состоит из двух частей, которые разделены начавшейся войной и блокадой. В первой части он отчитывается о составлении более чем 300 описаний для краткого научного каталога и о работе над диссертацией, приводит краткий план работы: «Предварительные замечания — Отсутствие работ по вопросам истории монг[ольских] рукописей и ксилографов. Разрозненность и неполнота сведений о собраниях монг[ольских] рукописей и ксилографов. Необходимость разработки вопросов научного описания монг[ольских] рукописных материалов. Отдел I. „Общие сведения о монгольских рукописях и ксилографах“. — Краткий очерк истории монг[ольской] рукописи. Сведения о материале и содержании главнейших рукописных монг[ольских] памятников. Обзор их изучения и описание по русской и иностранной — франц[узской], англ[ийской], немецк[ой] литературе и материалам Монг[ольского] фонда ИВ АН и Вост[очной] библ[иотеки] ЛГУ. Проработана вся литература и написан очерк.

Начата работа над подотделом „Материалы для изготовления и написания рукописей“ (очерк истории бумаги и др. материалов).

Проработана русская и иностранная (франц[узская], англ[ийская], немецк[ая]) литература».

И далее отчет за II полугодие 1941 г.

«Работа по подготовке к эвакуации Рукоп[исного] отдела.

1) Переноска в хранилище в I этаже⁴² всего Монг[ольского] Рукописн[ого] фонда и наиболее ценных ксилографов. Установка их там по размерам и шифрам.

2) Та же работа по всему Рукоп[исному] отделу.

3) Упаковка ценнейших монгольских и других материалов в ящики.

17/IV 1942 г.

Мл. н. с. Рукоп. отдела ИВ АН Л. С. Пучковский»⁴³.

Отчет за 1941 г. датирован концом апреля 1942 г., т. е. временем, когда Л. С. Пучковский был помещен в больницу. Был ли отчет вызван необходимостью по службе или желанием человека, возможно, стоявшего на пороге смерти? Пережив первую, самую страшную, блокадную зиму, Л. С. Пучковский пишет отчет о своей работе с 1 января 1942 г. по день эвакуации из Ленинграда — 12 июля 1942 г. «Из 6½ месяцев отчетного периода 2 месяца приходится на болезнь (скорбут II и дистрофия II) с пребыванием в больнице им. Ленина с конца апреля по конец июня...

I. Работа над кандидатской диссертацией на тему „Введение в изучение монгольских рукописей и ксилографов“.

1) Произведен и написан подробный обзор русской и иностранной (монгольской, французской, немецкой и английской) литературы по научному описанию и вопросам каталогизации монгольских материалов. Работы Научно-исследовательского комитета Монг[ольской] Народной Республики, Б. Я. Владимирцова, L. Ligeti, J. Y. Schmidt'a, V. Laufer'a (на англ[ийском] яз[ыке]), Boethlingka'a и др. Всего в обзор вошло 19 работ (с 1843 по 1937 г. включительно).

2) Произведен подбор и проработка материалов для истории возникновения и очерк современного состояния главнейших собраний монгольских рукописей и ксилографов. Результаты проработки разнесены на карточки. Проработаны труды Dogn'a („История языкознания в России“), „Ученая корреспонденция ака[демии] наук в XVIII в.“, Н. А. Веселовского и др.

II. Производилось составление предварительной описи научных материалов покойного проф. А. В. Гребенщикова (маньчжуриста), принесенных в дар Институту востоковедения вдовой покойного.

Проработана и составлена опись 5 пакетов — около 60 работ.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 651. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 712. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 712. Л. 42.

⁴² К началу Великой Отечественной войны ИВ АН занимал пятый этаж здания библиотеки Академии наук по адресу: Биржевая линия ВО, д. 1 / Тифлисская ул., д. 1.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 755. Л. 11, 11 об.

III. Осуществлялось руководство по сохранению материалов Тибетского фонда ИВ АН.

Давались указания и велось наблюдение (а также производилась переноска) за перенесением и укладкой в шкафы в хранилище рукописей (комн. 50) материалов из помещения Тибетского фонда (комн. 48), пострадавшего от артиллерийского обстрела).

28/VIII 1943 г.

Л. Пучковский⁴⁴

В эвакуации, не имея возможности работать с рукописными материалами, ученый взял другую тему — «Монгольские документы эпистолярного характера». В 1942 г. вместе с другими сотрудниками Института ученый был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент. Там он завершил работу над диссертацией и успешно защитил ее в 1945 г. Диссертация получила положительные отзывы официальных оппонентов проф. Г. Ф. Смыкалова и проф. А. А. Семенова. Отзыв последнего, достаточно пространный, состоящий из трех листов рукописного текста, хранится в СПбФ АРАН РАН. В нем отмечается: «Обширная работа Л. С. Пучковского (304 стр.) распадается на три отдела: „I. Структура монгольских документов эпистолярного характера XIII–XIV вв.“, „II. Структура материалов служебной переписки монгольских должностных лиц и учреждений XIX в.“, „III. Структура частных деловых писем конца XIX в., нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии“. ... Даже из этого перечня основных артикулов настоящей работы видно, какой она имеет большой диапазон и как полно охвачены ею разные вопросы, связанные с делопроизводством у монголов»⁴⁵.

По возвращении в Ленинград Л. С. Пучковский с 1945 по 1948 г. работал ученым секретарем Монгольского сектора ИВ АН СССР, продолжая интересоваться изучением монгольских рукописей. Им был составлен сводный текст монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи» со всеми вариантами и различиями по 8 спискам этого памятника объемом 20 п. л. К сожалению, он так и остался неизданным. Можно с большой долей вероятности предположить, что исследование Л. С. Пучковского было продолжением начатой в 1936 г. плановой работы сотрудников Монгольского кабинета ИВ по подготовке к изданию текста, перевода и комментария данной хроники. В этой работе принимали участие все сотрудники и аспиранты Монгольского кабинета — Н. Н. Поппе, Ц. Ж. Жамцарано, В. А. Казакевич, А. И. Востриков, Б. И. Панкратов, Г. Н. Румянцев, Э. Р. Рыгдылон и Мерген-гун Гомбоджаб⁴⁶. Однако в связи с последующими трагическими событиями работа не была завершена.

Одновременно исследователь продолжал работу по научному описанию рукописей Монгольского фонда, сосредоточив внимание на исторических со-

чинениях. Впоследствии результатом этой работы стала статья «Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв.», изданная в 1953 г. в «Ученых записках Института востоковедения»⁴⁷. Сочетая работу по описанию рукописей в Монгольском фонде с изучением истории монголов, он принял участие в написании раздела «Распространение буддизма и его роль в феодальной Монголии»⁴⁸ для однотомника «История МНР». 16 мая 1947 г. Л. С. Пучковскому решением счетной комиссии, избранной Ученым советом ИВ АН СССР, было присуждено ученое звание старшего научного сотрудника. Однако, по замечанию самого Л. С. Пучковского в его «Автобиографии», находящейся в АВ ИВР РАН⁴⁹, решение это было утверждено Президиумом АН СССР только 18 мая 1951 г.

С 1945 по 1950 г. Л. С. Пучковский работал старшим преподавателем кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, где читал различные общие и специальные курсы («Введение в монголоведение», «История русского и советского монголоведения» и др.), вел специальные семинары по старомонгольскому языку, а также по дешифровке рукописей древнего и среднего периода монгольской литературы, включая эпоху «квадратной» письменности. В 1950 г. он был представлен к утверждению в ученое звание доцента, однако был вынужден оставить преподавательскую деятельность и целиком сосредоточиться на работе в секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, в составе которого работали востоковеды института, оставшиеся в Ленинграде после перевода ИВ АН в Москву.

В 1954 г. ученый опубликовал обширную статью «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР»⁵⁰, в которой привел историю формирования коллекции, представил подробный обзор и описание наиболее интересных произведений различной тематики с акцентом на исторические и правовые сочинения.

Итогом многолетней работы Л. С. Пучковского над рукописями Монгольского фонда ИВ АН СССР стала монография «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право», оконченная им в 1955 г. и изданная двумя годами позднее⁵¹.

⁴⁷ Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Учен. зап. Ин-та востоковедения. 1953. Т. VI.

⁴⁸ Распространение буддизма и его роль в феодальной Монголии // История Монгольской Народной Республики. М., 1954.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 492.

⁵⁰ Пучковский Л. С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л. 1954. Т. IX. С. 90–127.

⁵¹ Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1: История, право / отв. ред. Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 280 с., ил.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 788. Л. 1, 1 об. 2.

⁴⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 493.

⁴⁶ Там же. Оп. 1а. Ед. хр. 472. Л. 17.

Данная монография Л. С. Пучковского ценна помимо представленного в ней каталога и описания рукописей тем, что в ней автор дает обзор истории собирания и изучения монгольских письменных памятников, хранящихся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Он указывает время начала собирания монгольских текстов — первая четверть XVIII в., когда в библиотеку Кунсткамеры поступили монгольские рукописи, обнаруженные в развалинах монастыря Аблай-хийда, находившегося на территории современного Казахстана на р. Иртыш (правда, нельзя исключать, что некоторые листы поступили также из Семи Палат; отдельные тексты привез в 1727 г. Д. Г. Мессершмидт). С момента создания в 1818 г. Азиатского Музея рукописи были перенесены в его фонды вместе с другими восточными материалами. Л. С. Пучковский ошибочно датирует время поступления коллекции КДА в Азиатский Музей тем же периодом, что и время передачи библиотеки Казанского университета в Санкт-Петербургский университет, т. е. 50-ми гг. XIX в. Последние находки в архивах дали возможность точно установить, что коллекция библиотеки КДА была передана в 1927 г.; при этом значительная часть коллекции КДА была сформирована во второй половине XIX в., на что не раз обращали внимание А. Г. Сазыкин и В. Л. Успенский. Коллекция же Казанского университета, основная часть которой в настоящее время хранится в Восточном отделе библиотеки СПбГУ, действительно была доставлена в Петербург в связи с открытием там факультета восточных языков (в 1854/55 уч. г.) в указанное Л. С. Пучковским время. Будучи прекрасным знатоком состава Монгольского фонда Института, он дает характеристику его жанрового состава, отмечая наличие летописей, памятников феодального права, сочинений по медицине, грамматике, произведений народной словесности, поступающих от путешественников, собирателей и исследователей в разное время. По справедливому замечанию автора, особым разнообразием отличалась коллекция А. М. Позднеева, в которой кроме буддийских сочинений имелось «несколько монгольских, бурят-монгольских и ойратских исторических трудов, официальные документы по разного рода судебным и административным вопросам, частные письма монгольских князей об уплате долгов, различные материалы по народному творчеству (записи песен, сказок, пословиц, поговорок и т. п.)»⁵². В коллекции К. Ф. Голстунского содержались сочинения по истории ойратов, монгольско-ойратские уложения и записи ойратского фольклора. Ценные фольклорные материалы имелись в созданной в 1903 г. Первой коллекции Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Во вторую коллекцию того же Комитета, сформированную годом позже, вошли па-

мятники истории бурят и монголов. Третью коллекцию, созданную в 1911 г., Л. С. Пучковский называет самой обширной и разнообразной по содержанию: «В ней имеются как большие летописи (один из списков труда Саган Сэцэна, история Юаньской династии и др.), так и небольшие исторические записки. Из них особенно следует отметить сочинение „Ганга-йин урусхал“ — „Течение Ганга“»⁵³, записи произведений монгольско-ойратского героического эпоса, ойратские записи эпоса «Гэсэр», монгольские переводы китайских романов, фольклорные записи, сделанные в Западной Монголии, и тому подобные материалы⁵⁴. Ко времени написания данной работы было общее представление о составе Фонда, имелось лишь краткое описание всех его рукописей. Л. С. Пучковский в качестве источников своего описания указывает опубликованную в сборнике Азиатского Музея Российской академии наук статью Б. Я. Владимирцова «Монгольский фонд» о буддийских рукописях, поступивших из Казанской духовной академии⁵⁵, и работу «Монгольские летописи XVII в.» Ц. Ж. Жамцарано об исторических сочинениях монголов и бурят⁵⁶. Л. С. Пучковский обратил особое внимание на летописи «Алтан тобчи» и труд Саган Сэцэна, представленные в собрании Института и известные в литературе по ряду изданий, которые, однако, к тому времени стали библиографической редкостью и малодоступны специалистам. Поэтому он писал: «Эти издания, удовлетворявшие научным требованиям своего времени, нуждаются в значительных исправлениях и дополнениях»⁵⁷. Задача комплексного изучения летописи — перевода, комментариев, сопоставления основных списков с другими редакциями — была поставлена перед монголооведами Института, включена в план сотрудников Монгольского кабинета в 30-е гг., до Великой Отечественной войны.

В своей работе Л. С. Пучковский дал полное описание летописей с учетом новейших на тот момент данных монгольского источниковедения и филологии. Им впервые были описаны «Эрдэни-йин тобчи», «Минган хэгэсугу», «Эрдэни-йин эрихэ», сочинение гэлуня Ишибалдана, хранившееся в Фонде.

При описании рукописей автор руководствовался схемой, выработанной в 1952 г. сектором восточных рукописей для полного описания сочинений. Она предполагала указание полного названия сочинения с монгольским написанием и переводом на русский язык, написание имени автора на монгольском язы-

⁵³ Там же. С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵ Владимирцов Б. Я. Монгольский фонд // Азиатский музей Российской академии наук. 1818–1918. Краткая памятка. СПб., 1920. С. 77–84.

⁵⁶ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. // Труды Института востоковедения АН СССР. XVI. М.; Л., 1936.

⁵⁷ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. С. 5.

⁵² Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. С. 4.

ке, краткую характеристику сочинения, в которой должно быть отмечено отличие данного списка от других и изложены его содержание и история рукописи — время и место переписки, имя переписчика и владельца, сведения о рукописи, имеющиеся в научной литературе, внешние данные.

Примечательно наблюдение Л. С. Пучковского о том, что «монгольские рукописи, имеющиеся в Ленинградском отделении Института востоковедения, в большинстве случаев не представляют особого интереса как памятники монгольской палеографии»⁵⁸. Поэтому почерк рукописей и его особенности отмечались в книге только в отдельных случаях.

Автор благодарит сотрудников Института за замечания и советы, особенно выделяя Т. А. Бурдукову, с которой у него были давние профессиональные контакты: стоит лишь вспомнить, что Таисия Алексеевна защищала свою кандидатскую диссертацию по теме «Хроника Шараб-Нимбо Хобитуева» на том же заседании Ученого совета и в тот же день, что и Л. С. Пучковский. Кстати, председательствовал на нем директор ИВ РАН академик В. В. Струве, секретарем Ученого совета был А. Н. Кононов. Произошло это 19 января 1945 г.

Работа Л. С. Пучковского может быть названа первым опытом полного научного описания монгольских, бурятских и ойратских памятников истории и права. Она содержит два основных раздела: «История» и «Право» и включает описание 272 единиц хранения. В первый раздел входят сочинения по истории монголов, бурят-монголов, ойратов — всего 27 наименований; во второй — монгольские сборники законов, монгольские документы административного характера, документы о внешних сношениях и пограничных делах, бурят-монгольское право — всего 16 наименований. Ценность работе добавляют иллюстрации, представляющие собой факсимильное воспроизведение наиболее интересных страниц рукописей. Среди них: фрагмент рукописи «Алтан Тобчи», в котором имеется упоминание об императоре Тянь-ци; строки рукописи «Гангайин урусгал» с перечислением сыновей Угэдэя и Гуока; лист рукописи историко-генеалогического сочинения «Минган-хэгэсугу» с названием племен, составляющих три восточных и три западных «тумена» монголов; выписка из монгольского перевода 1789 г. 1-го издания «Уложения Палаты внешних сношений»; грамота Петра I купцу Спиридону Лянгузову⁵⁹ от 1676 г. и др.

Описание Л. С. Пучковского, несомненно, являлось самым совершенным научным исследованием подобного рода на то время, оно содержит большое количество сведений о представленных в нем сочинениях, впервые введенных в научный оборот, и до

сих пор служит современным исследователям монгольских рукописей незаменимым источником при знакомстве с произведениями письменного наследия монгольских народов. А. Г. Сазыкин, продолживший дело Л. С. Пучковского по каталогизации монгольских рукописей и ксилографов, охарактеризовал эту работу как «обстоятельную и во многом образцовую»⁶⁰.

Еще одной важной работой Л. С. Пучковского стало факсимильное издание текста монгольского письменного памятника «История Золотого рода владыки Чингиса, сочинение под названием „Течение Ганга“»⁶¹, автором которого, как полагает Л. С. Пучковский, был видный ученый XVIII в. Гомбоджаб, происходивший по прямой линии из золотого рода Чингис-хана. Автор летописи имел княжеский титул, был чрезвычайно образованным человеком, знавшим монгольский, тибетский, китайский, маньчжурский языки; в 1742–1749 гг. входил в группу переводчиков Данджура на монгольский язык, заведовал Тибетской школой в Пекине. Вторую половину своей жизни он посвятил научным занятиям. Исследовав имеющиеся сведения, касающиеся этого литературного памятника, Л. С. Пучковский определил время создания его как 1725 г.

Работа, состоящая из обширного введения, текста сочинения и указателя, носила новаторский характер. Л. С. Пучковский первым представил полный текст сочинения, которое не упоминалось в известных научному сообществу монгольских летописях XIII–XIX вв. Совершенно справедливо понимая, что изучение этого памятника, впервые введенного в научный оборот, только начинается, автор верно оценил большую значимость сочинения не только как исторического источника, но и как историко-культурного явления. В предисловии он писал, что «Гангайин урусгал» «представляет значительный интерес и как культурно-исторический памятник»⁶². В предисловии Л. С. Пучковский рассуждает об идее преемственности происхождения монгольских ханов, которой отведено большое место в сочинении; касается традиции цветowych обозначений разных родов, деления их таким образом на «чужих» или «своих».

Эта работа получила высокую оценку Б. И. Панкратова. В своем отзыве он писал: «В связи с этим отмечаются различные влияния, сказавшиеся на памятнике, — влияние китайской историографии и тибетской буддийской литературы, а кроме того, влияние маньчжурских придворных кругов, к которым был близок автор сочинения. В предисловии уделено внимание попыткам автора критически отнестись к

⁵⁸ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. С. 7.

⁵⁹ У Пучковского написано «Ливакосову». Дело в том, что старомонгольское написание допускало оба варианта прочтения.

⁶⁰ Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I / отв. ред. Д. Кара. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. С. 8.

⁶¹ «Ганга-йин урусгал» («Течение Ганга»); монгольская летопись / издание текста, введ., указ. М.: ИВЛ, 1960 («Памятники литературы народов Востока». Т. X).

⁶² Гангайин урусгал. С. 12.

использованным им памятникам и к некоторым вопросам истории монголов»⁶³.

Осенью 1961 г. (с конца октября до начала декабря) Л. С. Пучковский совершил научную командировку в Улан-Батор. В ходе поездки он среди прочего ознакомился со многими монгольскими летописями в библиотеке Академии наук МНР, не известными в собраниях Ленинграда. Эта поездка, а также выход в свет ряда важных исследований зарубежных ученых внесли коррективы в работу Л. С. Пучковского над его новой монографией «Монгольские летописи XIII–XIX вв.». Однако эта работа в итоге так и не была завершена.

Среди других направлений научной деятельности Л. С. Пучковского нельзя не отметить его изыскания в области истории монголоведения. Им, в частности, была опубликована большая статья об одном из первых русских монголистов А. В. Игумнове⁶⁴.

В марте 1965 г. Л. С. Пучковский уволился из ЛО ИВ АН СССР в связи с выходом на пенсию. Скончался он 7 марта 1970 г.⁶⁵

Научная деятельность Леонида Сергеевича Пучковского на протяжении всей его жизни была тесно

связана с Институтом востоковедения АН СССР. В его научной биографии отразилась эпоха 30-х — начала 60-х гг. XX в. во всей ее сложности и противоречивости: были экономические трудности, идеологические ограничения, репрессии, эвакуация во время войны, трудные послевоенные годы восстановления книжного и рукописного фондов Института, переезд его в здание Ново-Михайловского дворца, работа в разных по составу коллективах. Но во все периоды жизни ученого отличали преданность науке, увлеченность предметом своего исследования, кропотливость, скрупулезность и целеустремленность. Л. С. Пучковскому было присуще главное качество российского ученого — беззаветное служение отечественной науке. Достижения видного монголоведа XX в. в настоящее время прирастают открытиями ученых новых поколений, работающих в области историографии, источниковедения, филологии, истории и культуры монгольских народов.

*Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек,
А. В. Зорин, Д. А. Носов*

Приложения

Из неизданного

Подготовлено к публикации Н. С. Яхонтовой, И. В. Кульганек (© Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, 2019)

В качестве приложения к статье приводятся тексты трех архивных документов, которые позволяют более полно раскрыть отдельные моменты из биографии Л. С. Пучковского, показать его, к сожалению, не полностью реализованный научный потенциал, его научный уровень.

Хронологически первым является текст тезисов, подготовленный Л. С. Пучковским для сообщения «Материалы и исследования в области монгольской филологии», сделанного на заседании Монгольского кабинета 17 мая 1939 г. [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 651. Л. 61–66]. В ходе обсуждения, по единодушному мнению сотрудников кабинета, тема сделанного доклада могла стать темой диссертационного исследования Л. С. Пучковского. Было принято решение обратиться в дирекцию с просьбой сменить предыдущую тему диссертационного исследования на новую как более актуальную и близкую по тематике к работе по каталогизации Монгольского фонда, которую Л. С. Пучковский успешно вел уже несколько лет. Шесть листов машинописного текста конспективно раскрывают всю историю и

жанровую классификацию известных памятников монгольской литературы (исторической, буддийской, художественной, переводной), а также эпоса и фольклора. Предполагаемое исследование по ширине охвата памятников и структурной четкости должно было далеко выйти за рамки основного и единственного на тот момент труда Б. Лауфера⁶⁶. Вплоть до 1942 г. Л. С. Пучковский работал над этой темой, ее завершению помешала война, и его кандидатская диссертация была написана на другую тему.

Второй документ (12 машинописных страниц) — Отчет Л. С. Пучковского о поездке в Монгольскую Народную Республику осенью 1961 г., представленный им в «Комиссию по международным научным связям» Института [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1453. Л. 28–38]. Основной целью поездки было знакомство с рукописным фондом библиотеки Монгольской академии наук, главным образом с текстами исторического содержания. Значительную часть Отчета составляет подробное перечисление тех исторических сочинений, с которыми у него была возможность ознакомиться, дать их краткое описание,

⁶³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 492.

⁶⁴ Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М.: ИВЛ, 1960.

⁶⁵ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114.

⁶⁶ *Лауфер Б.* Очерки монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927.

сделать необходимые для плановой работы выписки. Не менее важной составляющей поездки было общение с коллегами — сотрудниками Института истории и Института языка и литературы (директором последнего в то время был академик Ц. Дамдинсүрэн).

Третий документ (16 машинописных страниц), текст статьи Л. С. Пучковского «Дата написания „Болор толи“» об одном из наиболее значительных памятников монгольской историографии первой половины XIX в., также хранится в делах «Комиссии по международным связям» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1530. Л. 1—16). Место хранения объясняется тем, что издание планировалось в сборнике в честь 60-летия венгерского академика Лайоша Лигети, т. е. за границей. На это нужно было специальное разрешение Бюро исторических наук, что требовало времени на согласование. И хотя статью

обсуждали и рекомендовали к печати на заседании сектора тюркологии и монголистики 2 февраля 1962 г.⁶⁷, в сборник она не попала. Её английский перевод был опубликован в следующем номере журнала *Acta Orientalia*⁶⁸, но на русском языке она не издавалась.

При подготовке к изданию всех трех документов была сделана минимальная правка: пунктуация и орфография были приведены в соответствие с современными нормами (имена собственные даются в оригинальном написании), опечатки устранены, имеющиеся сокращения слов в текстах раскрыты (за исключением общепринятых), стилистика и подчеркивание слов сохранены, номера оригинальных страниц текста даны в косых скобках. Расположение на бумаге приведено в соответствие с требованиями издания *Mongolica*.

Тезисы Л. С. Пучковского

/1/ Материалы и исследования
в области монгольской филологии

А. Вводная часть

Краткий научный каталог нескольких коллекций Монг[ольского] фонда ИВ и другие материалы Монг[ольского] фонда, использованные для исследования.

I

1. Краткая история каталогизации Монгольского фонда.

2. Сведения о других хранилищах монгольских рукописей в СССР и за границей.

3. Библиография монгольского каталога.

II

1. Основы построения краткого научного каталога монгольских рукописей и ксилографов:

а) система описания монгольского сочинения (также рукописей и ксилографов);

б) система описания коллекции монгольских рукописей и ксилографов;

в) система краткого научного каталога фонда монг[ольских] рукописей и ксилографов.

2. Особенности составления краткого научного каталога монг[ольского] фонда ИВ.

3. Значение краткого научного каталога для изучения монг[ольской] литературы и языка

III

Привлечение для исследования ряда научных материалов из коллекции Монгольского фонда, не вошедших в данный каталог

В. ОБЗОР ОТДЕЛОВ МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Исторические сочинения

Их классовое происхождение и главнейшие особенности:

1. Монг[ольские] исторические сочинения представляют собой хроники княжеских родов. — Мнения Б. Я. Владимирцова и Д. Покотилова.

2. Во всех этих сочинениях проводится идеологическое обоснование ханской власти на основе преемственности ханских родов от индийских и тибетских царей.

3. Этой задачей определяется построение (композиция) этих сочинений. Изложение ведется в хронологическом (летописном) /2/ порядке с древнейших времен до времени написания сочинения — 1). История Индии; 2). История Тибета; 3). История Монголии.

4. История монголов излагается преимущественно в виде описания смены ханов и связанной с этим борьбы, военных походов и распространения буддизма.

5. Источники этих сочинений и метод:

а) использование преданий и записей, сохранившихся в семьях феодалов;

б) включение эпических элементов;

в) использование других сочинений (включение отрывков из других сочинений без указаний, откуда они взяты);

г) отсутствие указаний на источники в большинстве монгольских исторических сочинений или же недостаточность этих указаний.

⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1543. Л. 3—4.

⁶⁸ *Pučkovskij L. S. The Date of Composition of the Bolor Toli // Acta Orient. Hung. 1963. T. XVI. Fasc. 2. P. 217—223.*

Новое по сравнению с Лауфером

Лауфер ограничивается приведением деления исторических сочинений, установленного А. М. Позднеевым, но не излагает своей точки зрения на монгольскую историографию.

В настоящей работе:

1. Дается анализ происхождения, построения, содержания и источников.
2. Приводится ряд исторических сочинений, не указанных Лауфером.
3. Уточняются и исправляются сведения Лауфера.

II. Биографии как исторический источник

1. Биографии буддийских деятелей — исторический источник клерикального происхождения.
2. Построение этого вида сочинений по образцу жизнеописания Будды.
3. Несмотря на это, в них содержится ряд исторических фактов и потому они могут быть в этой своей части использованы в качестве исторического источника. Использование их Б. Я. Владимирцовым и А. М. Позднеевым.
4. Некоторые из них (биографии Нейджи-тойна, Зая-Пандиты) дают материал также и для изучения общественного строя монголов.

Новое по сравнению с Лауфером

Лауфер помещает биографии в отделе буддийских сочинений, не учитывая их значения как исторического источника.

В настоящей работе:

1. Указывается значение биографии как исторического источника.
2. Приводится ряд биографий, не указанных Лауфером.
3. Исправляются ошибки Лауфера.

/3/ III Сочинения по истории буддизма в Монголии

Эти сочинения, также клерикального происхождения, представляют интерес: для истории распространения буддизма в Монголии и показывают классовые основы ламаизма (поддержка, оказываемая ламаизму феодалами, и т. п.).

IV Документы и законодательная литература

1. Ряд документов (служебная переписка, некоторые частные письма и т. п.) также может быть использован как исторический источник.
2. Законодательная литература (например, «Дуримы» Внутренней Монголии представляют несомненно исторический и правовой интерес).

Новое по сравнению с Лауфером

У Лауфера отдел документов вообще отсутствует. Кроме того, в настоящей работе дается ряд новых материалов по законодательной литературе.

V Художественная литература

Дореволюционная монг[ольская] литература является литературой феодального периода монгольской истории и созданием господствующего класса феодалов.

В то же время монгольская литература возникла в процессе культурного общения монголов с другими народами. Некоторые литературные произведения и литературные темы проникли от последних к монголам.

А. Самостоятельная

1. Эпические произведения:
  - а) повесть о двух скакунах Чингис-хана;
  - б) эпические отрывки в исторических сочинениях.
2. Исторические повести, в основе которых лежат исторические факты. Два варианта повести о сыне Тогон-Темуре.
3. Оды:
  - а) ода Хубилаю (в конце сочинения «Цаган-тухэ»;
  - б) ода китайскому императору (начало XX в.);
  - в) ода нойонам;
  - г) прославление княжеского коня, победившего на скачках.
4. Сборники песен (смешанного содержания). Они содержат много буддийских песен, но имеются и светские песни (последние — с буддийскими концовками).
5. Свадебные речи.

Обратить внимание на то, что в них указывается на преемственность свадебных обычаев со времен Махасамади-хана.
6. Загадки.

В. Заимствованная

1. Заимствованные сюжеты в творческой обработке монголов. «Гэсэр-хан». Новые главы «Гэсэра». Отражение культа Гэсэра в монг[ольской] литературе.
2. Переводы — скорее переделки оригинала. Арджи Бурджи Шидиту-хур.
3. Переводы:
  - а) китайские романы; б) «Улигер-ун далай».

Новое по сравнению с Лауфером

У Лауфера отдел художественной литературы вообще отсутствует. Имеется отдел Народной литературы, куда отнесены «Гэсэр-хан» и «Джангар», написанный на основании европейских работ об этих произведениях. «Арджи Бурджи», «Шидиту-хур» почему-то отнесены к буддийской литературе.

1. Указывается на происхождение монгольской художественной литературы.
2. Устанавливается деление монгольской литературы на самостоятельную и заимствованную с подразделениями последней.
3. Приводятся виды монгольской литературы, которых нет у Лауфера, — исторические повести, оды, свадебные речи, произведения, связанные с культом Гэсэра, и др.

VI Дидактическая литература

Дидактическая литература, как и другие виды монг[ольской] литературы, является литературой класса феодалов. Идеология этого класса находит в дидактической литературе самое непосредственное выражение, т. к. этот вид литературы имеет задачей пропаганду феодальной идеологии как среди самих феодалов, так и среди народных масс.

А. Самостоятельная

1. Оюн тульхур.
2. Поучения Чингис-хана и его беседы с сыновьями и военачальниками.

Б. Подражательная

Проводником буддийского влияния на народные массы является дидактическая литература, возникшая в порядке подражания тибетской дидактической литературе. Этот вид монг[ольской] литературы очень обширен.

- 1). «Сургалы», «Дзарлики» и т. п. поучения.
- 2). Пророчества с поучениями («Лундуны»).
- 3). Стихи дидактического содержания.
- 4). Дидактические повести: а) «Назан гэрэс»; б) «Дурсу назан»; в) «Табаин гэгэну тужи».
- 5). Сатира. Сатирические произведения следует отнести к подражательной и дидактической литературе, т. к. сатира бичует пороки с ламской же точки зрения.

В. Переводная

- А). «Улигерун далай». Subhaṣita

Новое по сравнению с Лауфером

Как и в других отделах, в данной работе указывается классовое происхождение этого вида литературы и ее задачи как проводника феодальной и буддийской идеологии. Указываются некоторые виды дидактической /5/ литературы и многие произведения, не отмеченные Лауфером. Весь материал — подлинный.

VII Буддийская дидактическая литература

Этот вид литературы имел еще большее значение для внедрения буддизма в Монголии. Проникновение буддизма в Монголию и поддержка, оказанная ему монг[ольскими] феодалами.

Буддизм, служивший в конечном счете делу укрепления господства феодализма в Монголии, имел в начале своего распространения все же некоторые для этого времени прогрессивные моменты:

- 1). Содействие уничтожению пережитков родового строя.
- 2). Борьба с шаманством, его правовыми жертвоприношениями.
- 3). Содействие распространению национальной грамотности среди монголов, а также культурному

общению с более передовыми странами — проникновению письменности, книгопечатания, искусств и архитектуры Индии, Тибета и Китая.

В скором времени, однако, это влияние стало сказываться самым отрицательным образом на развитии монг[ольской] национальной культуры, письменности и языка благодаря внедрению тибетонистики.

Содействие кит[айских] литераторов распространению будд[ийской] литературы. Издательская деятельность Канси и других императоров.

- 1). Сутры. Переводы из «Ганджура» и «Данджура».
- 2). Цагаан-линхуа.
- 3). «Мани Гамбум» и многие другие.

VIII Шаманская литература

1). Проникая в Монголию, буддизм, с одной стороны, вел непримиримую борьбу с шаманством (например, деятельность Нэйжи-тойна),

2). а с другой стороны, воспринимал шаманский пантеон, верования и обряды. В рукоп[исном] отделе [имеется] обширная шаманская литература.

Новое по сравнению с Лауфером

В данной работе отмечено восприятие шаманства буддизмом и обширная литература, которой совсем нет у Лауфера.

IX В связи с шаманской литературой следует поставить многочисленные гадательные книги.

X Астрономические сочинения.

Этот вид сочинений связан с гадательными книгами.

XI Астрономические сочинения.

XII Медицинская литература.

XIII Сочинения по ветеринарии.

XIV Varia.

/6/ В. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

I. О периодах развития монгольского письменного языка (периодизация Владимирцова и периодизация, предложенная Поппе).

Установление основных моментов развития монгольского письменного языка.

Примеры из ряда монгольских рукописей и ксилографов.

II. Очерк развития монг[ольской] палеографии.

От фрагментов Хара-хото до современной скорописи. Примеры и фото.

III. Очерк развития издательского ксилографического дела.

Издательские центры в Пекине, Куку-хото. Издательская деятельность бурятских дацанов. Ойратские ксилографы.

В общем новое по сравнению с Лауфером

1. Дается социально-историческая характеристика отдельных видов монг[ольской] литературы.
2. Привлекается много новых материалов.
3. Привлекаемые материалы являются подлинными.

Отчет

о научной командировке в Монгольскую Народную Республику ст. научного сотрудника Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР Л. С. Пучковского

Целью командировки (с 30 октября по 28 ноября 1961 г.) являлось ознакомление с рукописями и ксилографами исторического содержания библиотеки Академии наук Монгольской Народной Республики, необходимыми для работы над плановой темой «Монгольские летописи как культурно-исторические памятники».

I. Работа над монгольскими историческими материалами

Как выяснилось по приезду на место работы, фонд монгольских исторических рукописей и ксилографов библиотеки АН МНР не имеет алфавитного и систематического каталога. (Краткий каталог этого фонда, изданный в 1937 г., признан теперь устаревшим.) В связи с этим в настоящее время над составлением краткого алфавитного списка исторических сочинений работает сотрудник библиотеки т. Жадамба. Этот Список и был предоставлен мне для пользования.

Общее число сочинений, имеющих в этом Списке (представленном в рукописном виде на отдельных листах), составляет 375. Хотя этот список считается Списком монгольских исторических сочинений, мною было установлено, что он содержит названия:

1. Оригинальных монгольских сочинений по истории монголов.

2. Монгольских переводов (в большинстве случаев китайских и тибетских исторических сочинений), содержащих сведения по истории монголов.

3. Монгольских сочинений по истории ойратов (западных монголов).

4. Монгольских сочинений по истории буддизма в Монголии, а также /2/ биографии отдельных деятелей буддизма, являвшихся известными историческими лицами.

5. Материалов по экономическим вопросам, представляющих интерес для истории монголов.

6. Переводов с русского языка на монгольский язык некоторых русских трудов по истории монголов, например, перевод II тома большой работы Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (Ленинград, 1926), Д. 3 Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин» (СПб., 1893) и нескольких других.

Ввиду того, что сведения, которые в этом Списке сообщаются о названных выше материалах, оказались недостаточными, то из общего числа 375 названий сочинений мною были отобраны рукописи 96 сочинений, представляющих наиболее значительный научный интерес. С этими сочинениями я ознакомился непосредственно путём их чтения или же тщательного просмотра.

В процессе работы над ними мною были:

1. Записаны заглавия сочинений.

2. Записаны имена их авторов, а также переводчиков.

3. Изложены краткие сведения о содержании сочинений в тех случаях, когда оно неясно из самих заглавий.

4. Определены даты написания сочинений.

5. Установлено: число томов, тетрадей, листов, составляющих сочинение; размеры (в сантиметрах); материал (вид бумаги) и средства написания (тушь, чернила и т. п.).

При этом были проверены все данные такого характера, приведённые в «Списке». Особенно подробно были рассмотрены списки следующих больших /3/ сочинений (большинство их имеется в Собрании рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР).

1. 3 списка летописи «Алтан тобчи», т. е. «Золотой свод [сведений о ханах]» — сочинение Лубсан Дандзана. Один из этих списков был издан Комитетом наук МНР в 1937 г., а затем переиздан (Scripta Mongolica I, Cambridge, Mass., 1952).

2. 7 списков летописи «Эрдэни-йин эрихэ», т. е. «Драгоценные четки» — сочинение Галдан-тусалакчи. При этом было установлено, что только один из этих списков имеет точную дату (1841). Остальные списки можно датировать только приблизительно, исходя из тех годов, до которых доведено изложение исторических событий; например, в одном списке — до 1732 г., в другом — до 1767 г. Следует ещё отметить список этого сочинения тождественный тому, который имеется в коллекции А. М. Позднеева в собрании монгольских рукописей и ксилографов ЛО ИНА.

3. 6 списков летописи «Эрдэни-йин тобчи», т. е. «Драгоценный свод [сведений о ханах]» — сочинение Саган Сэцэна. Один из этих списков является наиболее полным — в конце его находится обширный колофон, текст которого был воспроизведён в труде Ц. Ж. Жамцарано «Монгольские летописи XVII в. (М.; Л., 1934 г.)». Рукопись написана тушью камышовым пером на листах китайской бумаги и имеет размеры, обычные для буддийских сутр: 32×9,5 см. Этот текст был положен в основу сводного текста летописи, изданного в 1960 г. Институтом истории АН МНР. Четыре других списка той же летописи, использованные как разночтения в том же издании, были указаны мне издателем сочинения — сотрудником Института истории т. Насунбальжиром. /4/

4. 3 списка летописи «Болор эрихе», т. е. «Хрустальные четки». Мною было установлено, что во всех этих списках отсутствует V тетрадь — так же как в списке этого сочинения, имеющегося в Собра-

нии монгольских рукописей и ксилографов ЛО ИНА, а также в издании «Bolor erike», Scripta Mongolica III, Cambridge, Mass. 1959, в котором представлены 2 списка этого сочинения из коллекции А. Мостарта и воспроизведено печатное Калганское издание 1946 г. Причины отсутствия одной и той же V тетради во всех перечисленных списках требуют особого исследования.

Особенно большое внимание мною было уделено историческим сочинениям, списки которых отсутствуют в Собрании монгольских рукописей и ксилографов ЛО ИНА. Мною были прочтены и сделаны выписки из следующих сочинений.

1. «Алтан тобчия» (бурятский вариант написания монгольского «Алтан тобчи», т. е. «Золотой свод [сведений о ханах]

2. «Алтан набчиту», т. е. «Обладающее золотыми листьями».

3. «Субуд эрихэ», т. е. «Жемчужные четки».

В этих историко-генеалогических сочинениях содержится ряд ценных сведений по истории монголов, в особенности истории XVII–XVIII вв.

4. «Нэбтэр хэй толи», т. е. «Вразумляющее зеркало», которое является переводом маньчжурского варианта известного китайского исторического труда «Тун-цзянь-ган-му».

5. «Хухэ нагур-ун домог», т. е. «Повествование о Куку-норе». Это сочинение содержит географическое описание страны Куку-нор, а также историю монголов, обитающих в ней. Ввиду того, что по истории куку-норских монголов имеются только немногие труды /5/, основанные на китайских источниках и притом устаревшие, например: Н. Я. Бичурин. «История Тибета и Хухэ-нора». СПб. 1833; В. М. Успенский. «Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов». СПб. 1880, то данное сочинение, хотя и является монгольским переводом с тибетского, представляет большой научный интерес.

6. Несколько сочинений по истории Юаньской династии, являющиеся монгольскими переводами китайской династии истории «Юань-ши».

Ввиду того, что колофоны монгольских исторических сочинений представляют очень большой интерес для изучения памятников монгольской историографии (значение колофонов для исследования монгольской литературы было отмечено Ц. Ж. Жамцарано в его труде «Монгольские летописи XVII в.»), то мною были сняты копии колофонов следующих сочинений:

1) Одного списка «Эрдэни-йин эрихэ».

2) «Субуд эрихэ».

3) «Хухэ-нагур-ун-домог».

Моя работа в библиотеке АН МНР была использована мною также для снятия микрофильмов. Так, например, по моей просьбе в Институте истории были изготовлены:

1) Микрофильм сочинения «Чингис-хагану цэ-диг» — «Повествование о Чингис хане». Это оригинальное монгольское сочинение было напечатано типографским способом в Пекине в 1927 г., (первое издание 1925 г.) и представляет библиографическую редкость — оно отсутствует в книжных фондах СССР. Несмотря на довольно значительный объем издания (196 страниц текста) и большую загруженность фотолаборатории, микрофильм был изготовлен точно в срок и притом отличного качества. /6/

2) Микрофильм колофона одного из списков «Эрдэни-йин эрихэ».

Кроме того, по моей просьбе в Институте языка и литературы были изготовлены списки изданий этого института в 2 сериях:

1) Corpus scriptorum mongolorum.

2) Studia mongolica

для передачи в библиотеку ЛО ИНА.

Со своей стороны я обязался содействовать изготовлению и выслать Институту истории микрофильм рукописи сочинения «Хухэ дэбтэр», т. е. «Синяя книга», хранящейся в Восточной библиотеке Ленинградского университета.

Следует отметить, что большая часть перечисленных выше сочинений была использована мною для работы над моей плановой темой «Монгольские летописи как культурно-исторические памятники». Из названных сочинений был сделан ряд выписок, содержащих разного рода сведения для различных глав моей работы. Например, даты написания некоторых летописей — для главы «Способы датирования в монгольских исторических сочинениях», ряд данных об авторах монгольских сочинений — для главы «Авторы монгольских летописей» и т. п. Различные сведения об обстоятельствах написания летописей — написание их по инициативе некоторых феодалов, религиозные обряды, сопровождающие эту инициативу, поддержка автора буддийским духовенством и т. п. дали весьма интересный и ценный материал для написания новой, не предусмотренной планом, главы плановой темы — «Обстоятельства написания монгольских летописей»; этот вопрос еще совершенно не освещался в монголоведении.

II. Общение с монгольскими учеными

Прежде всего я посетил и ознакомился с работой Института истории и Института языка и литературы АН МНР. /7/ Из бесед с директором Института истории т. Цэдэбом, членом Академии наук МНР т. Ш. Нацагдоржи, т. Ш. Бира и другими сотрудниками Института выяснилось, что основной задачей Института истории в настоящее время является подготовка (собираение материала и т. п.) к написанию трехтомника Истории Монголии. Некоторые сотрудники Института, например, т. Ш. Нацагдоржи, т. Ш. Бира и другие, ознакомили меня с ходом своих работ.

Директор Института языка и литературы член АН МНР т. Ц. Дамдинсүрэн подробно сообщил о работах Института в целом, а также отдельных его сотрудников; об изданиях Института, как выполнен-

ных, так и планируемых, и т. п. Главными задачами Института являются: составление большого терминологического словаря; словаря синонимов; изучение диалектов монгольского языка; издание наиболее значительных литературных памятников и некоторые другие.

Я ознакомился также с работой Монгольского и Европейского отделов библиотеки АН МНР. В Европейском отделе мною были записаны заглавия нескольких книг, отсутствующих в библиотеке ЛО ИНА; например, Kaare Grønbech and John Krueger. *An Introduction to Classical (Literary) Mongolian*, Wiesbaden, 1955¹. Из этой книги мною были сделаны выписки (несколько страниц) — сведения об одной из систем монгольского календаря, представляющие большой интерес для моей плановой работы. Отдельные сведения были получены и из других работ на западноевропейских языках.

Постоянное общение с монгольскими учеными и с сотрудником библиотеки происходило в процессе моей работы.

Одним из видов такого общения были консультации. Так, например, по просьбе члена АН МНР т. Ш. Нацагдоржи я дал несколько консультаций т. Жадамбе, работавшему над составлением указанного /8/ выше краткого Списка. Все мои советы и пожелания, имевшие целью всемерное улучшение труда т. Жадамбы, были им приняты и получили одобрение со стороны т. Ш. Нацагдоржи.

Еще одна подробная консультация в виде нескольких бесед была дана т. Ш. Бира по его работе «Тибетское сочинение „Улан Дэбтэр“ — ценный источник по истории монголов XIII в.». В ходе этой консультации т. Ш. Бира мною было высказано несколько пожеланий; главные из них заключались в следующем:

1). Весьма желательным представляется привлечение нескольких монгольских летописей для сопоставления и проверки сведений, сообщаемых в сочинении «Улан дэбтэр».

2). Весьма желательно также сопоставление указа имп. Ульдзейту об освобождении буддийского духовенства от податей и повинностей с соответствующими указами других императоров Юаньской династии, в частности с памятниками «квадратной письменности».

3). Т. Бира была указана основная литература на русском и западноевропейских языках по вопросам о налоговых льготах буддийскому духовенству в эпоху Юаньской династии.

4). Несколько пожеланий было высказано по вопросу о транскрипции тибетских заглавий сочинений, личных имен, титулов, географических названий и т. п.

¹ Речь идет о книге Kaare Grønbech and John R. Krueger. *An introduction to Classical (literary) Mongolian. Introduction, grammar, reader, glossary*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955. 108 p.

Следует заметить, что т. Бира согласился со всеми высказанными мною пожеланиями. В свою очередь, т. Бира оказал мне помощь, разъяснив некоторые тибетские термины в монгольских текстах.

Еще одним видом общения с монгольскими учеными явилось мое выступление на торжественном заседании (17.XI.1961) в Институте истории АН МНР, посвященном 40-летию создания Ученого комитета /9/ МНР — ныне Академии наук Монгольской Народной Республики.

В этом выступлении мною была дана весьма положительная оценка работы т. Ш. Биры над источником по истории монголов — тибетским сочинением «Улан дэбтэр». Мною было указано, что благодаря работе т. Ш. Бира мы познакомились с этим сочинением, тибетский текст которого был недавно издан Институтом тибетоведения в Сиккиме.

Как показал т. Бира, ценность сведений, сообщаемых в этом источнике, заключается в том, что в нем были использованы монгольские сочинения XIII–XIV вв., остающиеся пока не известными. Большое значение имеет также и то, что автор сочинения «Улан дэбтэр» был современником описываемых событий. В связи с работой т. Ш. Бира мною была отмечена большая работа Института истории по изданию памятников монгольской историографии. При этом мною было замечено, что авторы этих исторических сочинений были для своего времени весьма образованными людьми, в особенности по знанию языков — тибетского, китайского, маньчжурского и даже санскритского. Однако эта образованность являлась в те времена достоянием только отдельных представителей высших слоев — светского и духовного — монгольского общества. В настоящее время Монгольская Народная Республика, успешно строящая социализм, стала страной грамотности всего монгольского народа. В Монгольской Народной Республике имеется широкая сеть школ, имеется Университет, имеется Академия наук, а монгольские ученые все вышли из народа. Работы монгольских историков получили широкую известность за пределами Монгольской Народной Республики. Монгольские историки выступали с ценными докладами на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., а также на XI Конгрессе историков в Стокгольме в том же году. В заключение я сказал, что полностью присоединяюсь к тем добрым пожеланиям /10/, которые были здесь высказаны моим товарищем А. Т. Якимовым, и со своей стороны также желаю дальнейших успехов монгольским историкам в той большой работе, которую они ведут на благо своей Родины.

Письменный текст этого выступления был мною передан в Институт истории АН МНР для помещения его в протоколе торжественного заседания.

Следует отметить также посещение совместно с сотрудниками Института истории некоторых памят-

ников и учреждений культуры Монгольской Народной Республики.

- 1). Центрального исторического музея в Улан-Баторе.
- 2). Краеведческого музея в пос. Зун-модо.
- 3). Библиотеки б[ывшего] монастыря Гандан в Улан-Баторе.
- 4). Памятника в честь Тоньюкука (716 г. н. э.) около ст. Налайха.

С искренней благодарностью я отмечаю здесь дружеские встречи с монгольскими учеными, полное содействие и товарищеское отношение со стороны президента Академии наук МНР, т. Ширендыба и всех сотрудников Института истории, Института литературы и библиотеки АН МНР, их постоянную готовность ознакомить меня с историческими материалами, а также культурными памятниками и учреждениями Монгольской Народной Республики. Это дружеское отношение выразилось в том, что мне было вручено большое число изданий названных институтов.

Результаты командировки

1). Ознакомление с историческими материалами Монгольского фонда позволяет получить общее представление об имеющихся в нем сочинениях по истории монголов и ойратов, на основании чего можно /1/ использовать целый ряд исторических трудов, отсутствующих в собраниях ЛО ИНА, а также Восточной библиотеки Ленинградского Университета

им. А. А. Жданова путем снятия с них микрофильмов и фотокопий.

2). Ознакомление с историческими материалами и полученные таким путем сведения в большой мере способствовали выяснению целого ряда вопросов моей плановой темы.

3). Ознакомление с работой Института истории и Института языка и литературы дало мне возможность получить представление о работе и задачах этих институтов в целом, а также отдельных монгольских ученых.

4). Командировка способствовала укреплению научных связей монголоведов Улан-Батора и Ленинграда, а также наметила пути координации работы по изданию памятников монгольской историографии.

5). Общее ознакомление с Монгольским фондом исторических сочинений и работа над отдельными памятниками показали настоятельную необходимость продолжения работы над материалами этого фонда с целью еще более полного и углубленного их изучения в ближайшем будущем.

Отчет о командировке в Монгольскую Народную Республику был сделан мною на заседании Тюркомонгольского кабинета 20 декабря 1961 г. и был утвержден этим кабинетом.

Статью о работе над историческими материалами Монгольского фонда библиотеки АН МНР я намерен представить в издании «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР» в 1962 г.

6 января 1962 г.

Л. С. Пучковский

Л. С. Пучковский

ДАТА НАПИСАНИЯ «БОЛОР ТОЛИ»

Дата написания «Болор толи» — одного из наиболее значительных памятников монгольской историографии первой половины XIX в. — в течение многих лет оставалась точно не установленной. Настоящая статья ставит себе целью внести ясность в этот вопрос. Для этой цели были использованы рукопись «Болор толи» Института народов Азии АН СССР, F 305, т. III (далее: Болор толи I) и Южно-гобийский список этого сочинения (далее: Болор толи II).

В колофоне Болор толи I автор сочинения сообщает следующие сведения о времени его написания: «...morin jil-ün čayan sareče ekilen bičiged üy-e üy-e baγ-a baγ-a nemen nemen bičigseger takiy-a jil-un tabun sarayin sineyin sayin edüre tegüsgen bičigsen...» — «Начав писать с первого месяца года коня, я продолжал писать время от времени, мало-помалу [все] добавляя и добавляя, и кончил писать в счастливый день первой декады пятого месяца года курицы»¹.

¹ Болор толи I, л. 156а.

А. Д. Руднев, которому мы обязаны первыми сведениями о летописи «Болор толи», относительно даты написания этого сочинения /2/ кратко заметил: «Писал он [автор «Болор толи»] свою летопись от года лошади до года курицы (может быть 3, 15 лет [?] и т. д. [?] мало-помалу добавляя...»² Однако исследователь не предпринял попыток установить, которому именно шестидесятилетнему циклу (рабджу) и какому двенадцатилетнему периоду в данном рабджу не соответствуют годы коня и курицы, и ограничился сообщением о том, что «события доведены до двадцатых годов прошлого столетия (упоминается восшествие на престол императора Дао Гуана — Туру Герелту, т. е. 1820 год)»³. Приведенные замечания А. Д. Руднева не давали возможности устано-

² Руднев А. Д. Заметки о монгольской литературе, II. Историческая рукопись «Болор толи» // Записки ВОРАО. СПб., 1904. Т. XV. С. 033–034 (далее: Руднев. Летопись «Болор толи»).

³ Руднев. Летопись «Болор толи», с. 034.

вить точную дату написания «Болор толи». Следует еще заметить, что указание этого исследователя на 1820 г. как на первый год правления Туру-гэрэлту [кит. Дао-гуан] является неточным.

Действительно, в тексте Болор толи I указывается, что преемник правления Сайшиялтай-иругэлту [кит. Цзя-цин] «...arban dörbedüger jigan-u čaγaγčïn moγai jildu ... yeke siregen saγuγu on-u ner-e töriü gereltü-yin terigün on kemebei...» — «...вступил на великий престол в год белой змеи четырнадцатого шестидесятилетия, и в этом году было дано название „Первый год правления Туру-гэрэлту“»⁴. /3/

В таблице А. М. Позднеева этот год назван «Эмэ тэмур (цагахчин) могай [eme temür (čaγaγčïn) moγai — ‘женщина-железо-(белая) змея’]; маньч. ша-хунь мэйхэ; кит. син-сы». Это 14-й год XIV рабджуна, соответствующий 1821 году европейского летоисчисления⁵. Согласно китайскому летоисчислению, 1-й год правления Дао-гуан [монг. Туру-гэрэлту], год под циклическими знаками «синь-цзи», начался 3 февраля 1821 г. и закончился 22 января 1822 г.⁶

Ввиду того, что почти весь 1-й год правления Туру-гэрэлту приходится на 1821 г., этот год и следует считать первым годом данного правления.

Мнение Б. Лауфера о том, что летопись «Болор толи» была написана «после 1820 г.»⁷, несомненно, основано на суждениях А. Д. Руднева, приведенных выше. /4/

Б. И. Король исходил из того факта, что летопись «Болор толи» была доведена до года вступления на престол имп. Туру-гэрэлту, т. е. до 1821 г., который был им указан правильно. Ближайшие к этой дате 1822 и 1825 годы, соответствующие годам коня и курицы, Б. И. Король считал годами написания «Болор толи»⁸. Однако эта дата оказывается ошибочной (см. ниже, с. 11)⁹. Кроме того, Б. И. Король не об-

ратил внимания на дату 1834–1837, которая была отмечена в литературе¹⁰.

Список Болор толи I был известен В. Хейссигу по работам Ц. Ж. Жамцарано¹¹ и А. Д. Руднева¹². В. Хейссиг еще упоминает /5/ о нескольких списках «Болор толи», ссылаясь на свою статью¹³. Дату написания этого памятника исследователь указывал по-разному.

В одном случае — «...[около 1820 г.]...»¹⁴. Источник этой даты не указывается, однако весьма вероятно, что она основывается на сообщении А. Д. Руднева (см. выше, с. 1–2).

В другом — «1810–1813 гг.»¹⁵. Происхождение этой даты остается неясным, в особенности если принять во внимание, что, согласно тексту сочинения, повествование в нем доведено до первого года правления Туру-гэрэлту, т. е. до 1821 г. (см. выше, с. 3). /6/

Еще в одной работе В. Хейссига указывается, что сочинение было написано «около 1810–1813 гг.»¹⁶, что вызвало сомнения у самого автора. Это видно хотя бы из того, что непосредственно за предложенной датой называется еще одна — «1822–1825»¹⁷. Из слов В. Хейссига можно заключить, что он исходил при этом из 1820 г. — даты, указанной А. Д. Рудневым и Б. Лауфером¹⁸. Однако и дата «1822–1825» представлялась В. Хейссигу сомнительной — исследователь привел её в скобках и под вопросом — «...(1822–1825 ?)...»¹⁹.

В своей новейшей работе В. Хейссиг указал на ВТ 1834/37 [Болор толи I] и ВТ II 1834–1837?²⁰ [Болор толи II]. Еще в одном месте своего труда этот исследователь упомянул о «Bolur toli, сочинении

⁴ Болор толи I, л. 154а.

⁵ Таблица шестидесятилетнего цикла с перечислением названий годов на монгольском, маньчжурском и китайском языках с показом соответствующих годов христианского летоисчисления. Приложение к книге: А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». СПб., 1883 (далее: Таблица А. М. Позднеева).

⁶ Hoang P. Concordance des chronologies néoméniques chinoise et européenne (Variétés sinologiques, N 29), Chang-hai, 1910. P. 335 (далее: П. Хуан); ср.: Chen Yuan. A comparative Daily Calendar for Chinese, European and Mohammedan History. Peking, 1926. T. V, цзюань 19, л. 6а (далее: Чэнь Юань). Сведениями из этого труда автор настоящей работы как в данном случае, так и в дальнейшем обязан Ю. Л. Кролю, за что выражает ему благодарность.

⁷ Лауфер Б. Очерк монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927. С. 50.

⁸ Король Б. И. Монгольская летопись «Болор толи» // Монгольский сб. М., 1959. С. 176.

⁹ <Внутритекстовые ссылки на страницы машинописного текста вписаны карандашом, о чем в каждом случае Л. С. Пучковский сделал карандашную отметку на полях: «В скобках карандашом указан № страницы в настоящей статье (машинопись)»>.

¹⁰ Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. М.; Л., 1957. С. 60 (далее: Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы).

¹¹ Heissig W. Bolur Erike. Peiping. 1946. S. 34 со ссылкой на Ц. Ж. Жамцарано. Монгольские летописи XVII в. М.; Л., 1936. С. 80.

¹² Heissig W. Die Mongolische Geschichtsschreibung im 18. und 19. Jahrhundert. — Saeculum III. Heft 2. S. 227 (далее: Heissig. Mongolische Geschichtsschreibung).

¹³ Heissig W. Ergänzungen zu einem mongolischen Text fragment über Galdan // Sinologische Arbeiten III. Peking, 1945. P. 169; ссылку на эту статью см.: Heissig W. Marginalien zur Ordos-Chronik Subud Erike (1835) // ZDMG. Band 100, Heft 2. Wiesbaden, 1951. S. 609. Anm. 2 (далее: Heissig. Marginalien); Idem. Mongolische Geschichtsschreibung. S. 228. Anm. 47, где отмечено, что насчитывается пять списков этого сочинения.

¹⁴ Heissig W. Bolur Erike. Peiping. 1946. S. 34.

¹⁵ Heissig. Marginalien. S. 609.

¹⁶ Heissig. Mongolische Geschichtsschreibung. S. 227.

¹⁷ Ibid. S. 227.

¹⁸ Ibid. S. 227. Anm. 44.

¹⁹ Heissig. Mongolische Geschichtsschreibung. S. 227.

²⁰ Heissig W. Die Familien — und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. I. Wiesbaden, 1959. S. 9 (далее: Heissig. Geschichtsschreibung der Mongolen).

ḡimbadorḡi (1834–1837)»²¹. Эта же дата указывалась и другим монголоведом²². /7/

Рассмотренные выше весьма различные мнения о времени написания «Болор толи» были вызваны недостаточной определенностью даты, имеющейся в колофоне сочинения.

Текст памятника открывает возможность более точной датировки его написания. В повествовании о легендарных царях страны Шамбалы сообщается — «...edüge ene üy-e-dü qoriduyar rigdan mahabala qaγan ene törü gereltü-yin doloduyar on ulayaγčin qaγai jilun qaburun segül sarayin arban tabun-a sambala-yin siregen-e sayubai...» — «...теперь, в настоящее время двадцатый [царь Шамбалы] — Ригдан-махабала-хаган — вступил на престол Шамбалы пятнадцатого числа последнего весеннего месяца года красной свиньи — седьмой год данного правления Туру-гэрэлту»²³. В таблице А. М. Позднеева год красной свиньи обозначен следующим образом — «эмэ гал (улагчин) гахай [eme γal (ulayaγčin) qaγai — ‘женщина-огонь-(красная) свинья’]; маньч. фулахун улгань, кит. дин-хай». Это 21-й год XIV рабджуна, соответствующий 1827 году²⁴. Согласно китайскому летоисчислению, 7-й год правления Дао-гуан [монг. Туру-гэрэлту], год под циклическими знаками «дин-хай», начался 27 января 1827 г. и закончился 14 февраля 1828 г.²⁵ На том основании, что почти весь 7-й год правления Туру-гэрэлту соответствует /8/ 1827 году, этот год следует считать 7-м годом данного правления.

Кроме того, в монгольском тексте Болор толи I упомянуто 15-е число последнего весеннего месяца²⁶. Исходя из того, что этот месяц соответствует III месяцу года, и пользуясь трудом П. Хуана²⁷, сле-

дует считать, что эта дата соответствует 10 апреля 1827 г.

Приведенное сообщение следует рассматривать как попытку автора «Болор толи» установить точную дату вступления на престол одного из царей мифической страны Шамбалы. Это представлялось монгольскому автору тем более необходимым, что относительно некоторых хронологических данных, связанных с мифическими царями Шамбалы, у нескольких тибетских авторов (например, у астролога Пурбы и даже таких известных ученых, как Будон (1289–1364), Хайдуб-гэлэг-балсан (1385–1438) и других) имелись значительные расхождения во времени²⁸. Будучи весьма начитанным в буддийской литературе, автор «Болор толи» гэлун да-лама Джамбадорджи считал нужным точно установить одну из таких дат, что входило в круг интересов монгольских авторов и читателей того времени. /9/ (См., например, рукопись F 159, в которой среди небольших буддийских дидактических сочинений помещена выписка из «Болор толи», содержащая описание страны Шамбалы и историю её царей.)²⁹

Из установленной таким образом даты видно, что сочинение было написано после 1827 года, вследствие чего годы коня и курицы (см. выше, с. 1) следует отнести к более позднему времени, чем это делалось в рассмотренных выше случаях (см. с. 2–6). Установлению точной даты написания «Болор толи» будет способствовать небольшая таблица, приведенная ниже. В ней показаны соответствия годов коня и курицы, а также годов тех пяти периодов, на которые делится XIV рабджун, годам европейского летоисчисления. /10/

Периоды и соответствующие им годы европейского летоисчисления		Монгольское название года коня и соответствующий ему год европейского летоисчисления по таблице А. М. Позднеева	Монгольское название года курицы и соответствующий ему год европейского летоисчисления по таблице А. М. Позднеева
I	1807–1818 гг.	эрэ тэмур (цаган) морин [ere temür (çaγan) morin] [мужчина-железо-(белый) конь] 1810 г.	эмэ усун (харакчин) тахия [eme usun (qaraγčin) takiya] [женщина-вода-(черная) курица] 1813 г.
II	1819–1830 гг.	эрэ усун (хара) морин [ere usun (qara) morin] [мужчина-вода-(черный) конь] 1822 г.	эмэ модон (хухэхчин) тахия [eme modon (kökegčin) takiya] [женщина-дерево-(синяя) курица] 1825 г.
III	1831–1842 гг.	эрэ модон (хухэ) морин [ere modon (köke) morin] [мужчина-дерево-(синий) конь] 1834 г.	эмэ гал (улагахчин) тахия [eme γal (ulayaγčin) takiya] [женщина-огонь-(красная) курица] 1837 г.

²¹ Heissig. *Geschichtsschreibung der Mongolen*. S. 171 со ссылкой на «cf. Teil II», т. е. на часть II (неопубликованную) того же труда.

²² Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы. С. 60.

²³ Болор толи I, л. 12а.

²⁴ Таблица А. М. Позднеева.

²⁵ П. Хуан. С. 335; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 7б.

²⁶ Болор толи I, л. 12а.

²⁷ П. Хуан. С. 335; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 7б.

²⁸ Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. II. 1919. С. 321–372.

²⁹ Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы. С. 70.

Окончание

Периоды и соответствующие им годы европейского летоисчисления		Монгольское название года коня и соответствующий ему год европейского летоисчисления по таблице А. М. Позднеева	Монгольское название года курицы и соответствующий ему год европейского летоисчисления по таблице А. М. Позднеева
IV	1843–1854 гг.	эрэ гал (улаган) морин [ere ɣal (ulaɣan) morin] [мужчина-огонь-(красный) конь] 1846 г.	эмэ широй (ширахчин) тахия [eme siroi (siraxčin) takiya] [женщина-земля-(желтая) курица] 1849 г.
V	1855–1866 гг.	эрэ широй (шира) морин [ere siroi (sira) morin] [мужчина-земля-(желтый) конь] 1858 г.	эмэ тэмур (цагахчин) тахия [eme temür (caɣaxčin) takiya] [женщина-железо-(белая) курица] 1861 г.

/11/ Исходя из того, что сочинение было написано после 1827 г., и пользуясь данными настоящей таблицы, следует признать, что указание в Болор толи I годы morin jil — ‘год коня’ [более точно: ere modon köke morin jil — ‘год мужчины-дерева-синего коня’] относится к III периоду рабджуна и соответствует 1834 году, а takiya jil — ‘год курицы’ [более точно: eme ɣal ulaɣaɣčin takiya jil — ‘год женщины-огня-красной курицы’] также относится к III периоду XIV рабджуна и соответствует 1837 году.

1. В монгольском тексте указаны:

Начало написания сочинения

«...morin jil-un ɕaɣan sarɛde...» — «...с первого месяца года коня...»

Окончание написания сочинения

«...takiya-a jil-un tabun sarayin sineyin sayin edüre...» — «... в счастливый день первой декады пятого месяца года курицы...»

/12/ Следовательно, надо считать, что написание сочинения «Болор толи», согласно данным Болор толи I, было начато в срок с 9 февраля по 9 марта 1834 г., было закончено в один из дней с 3 июня по 12 июня 1837 г.,

насколько это возможно было установить по неполным данным колофона, в котором не указаны день первого месяца, а также день первой декады пятого месяца.

II

В 1957 г. в г. Даланзадагад в краеведческой библиотеке Южнообийского аймака Монгольской Народной Республики Х. Пэрлээ обнаружил еще один список «Болор толи». Данные, имеющиеся в его колофоне³², могут служить полным подтверждением правильности произведенного выше исследования. Относительно времени написания «Болор толи» его автор сообщает, что «...törü gereltü-yin arban dörbedüger on morin jil-un ɕaɣan sar-a-yin (...)»³³ ece ekilen

Таким образом, согласно данным, имеющимся в Болор толи I, это сочинение было написано за время с 1834 г. по 1837 г. Эти годы и являются годами написания «Болор толи».

Остается установить соответствия указанных в дате месяцев и дней месяцам и дням европейского летоисчисления, чему еще не уделялось внимания в рассмотренных выше работах (с. 1–6).

Соответствия европейского летоисчисления:

Время с 9 февраля по 9 марта 1834 г., как это видно из труда П. Хуана³⁰.

Один из дней отрезка времени с 3 июня по 12 июня 1837 г., согласно труду П. Хуана³¹.

üy-e üy-e bay-a bay-a nemejü biçigseger arban doluduyar on takiya-a jil-un tabun sar-a-yin sayin (...) tegüsügen...»³⁵ — «...начав [писать] с (...) [числа] первого месяца /13/ четырнадцатого года правления Тугру-гэрэлту, года коня, я продолжал писать время от времени, мало-помалу [все] добавляя, и кончил [писать] в счастливый [день] (...) [числа] пятого месяца семнадцатого года [этого же правления], года курицы...»³⁶.

Из приведенного текста видно, что названия годов 60-летнего цикла полностью совпадают с обо-

³⁰ П. Хуан. С. 336; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 9а–9б.

³¹ П. Хуан. С. 337; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 10а.

³² Пэрлээ Х. Колофон Южнообийского списка «Болор толи» // Монгольский сб. М., 1959. С. 182–187 (далее: Пэрлээ. Южнообийский список).

³³ Многогочие в круглых скобках имеется в монгольском тексте, как это видно из фотокопии (Пэрлээ. Южнообийский список. С. 185.) и её рукописного воспроизведения (Там же. С. 186).

³⁴ См. примеч. 33.

³⁵ Пэрлээ. Южнообийский список. С. 185.

³⁶ Ср. перевод: Пэрлээ. Южнообийский список. С. 186.

значениями циклических годов, имеющимися в Болор толи I.

В данном списке эти названия сопровождаются порядковыми номерами годов правления Туру-гэрэлту, что позволяет без всяких затруднений точно установить время написания «Болор толи». Согласно китайскому летоисчислению, 14-й год правления Дао-гуан [Туру-гэрэлту], год под циклическими знаками «цзя-у», начался 9 февраля 1834 г., и закончился 28 января 1835 г.³⁷ Ввиду того, что указанное время почти полностью соответствует 1834 году, этот год и следует считать 14-м годом правления Туру-гэрэлту; 17-й год того же правления, год под циклическими знаками «дин-ю», начался 5 февраля 1837 г. и закончился 25 января 1838 г.³⁸ Вследствие того, что большая часть указанного времени приходится на 1837 г., этот год и является 17-м годом правления Туру-гэрэлту.

Приведенные здесь годы полностью совпадают с теми годами, которые были установлены как время написания «Болор толи» на основании анализа текста Болор толи I. /14/

Однако при установлении соответствий указанных годов правления Туру-гэрэлту годам европей-

ского летоисчисления Х. Пэрлээ допустил, к сожалению, неточность, указав, что «четыренадцатый год правления Туру-гэрэлту соответствует 1835 г., а семнадцатый год его правления приходится на 1838 г.»³⁹.

Эта неточность, возможно, не имела бы места, если бы исследователь обратил внимание на то, что годы, установленные им по европейскому летоисчислению, не соответствуют годам 60-летнего цикла, указанным в колофоне списка наряду с годами правления Туру-гэрэлту. Действительно, 1835 год соответствует году, обозначенному по-монгольски эмэ модон (хухэхчин) хони⁴⁰ [eme modon (kökegčün) qonı — ‘женщина-дерево-(синяя) овца’]. Однако в колофоне назван [ere modon (köke)] morin jil — ‘год [мужчины-дерева-(синего)] коня’⁴¹. 1838 г. имеет монгольское обозначение эрэ широй (шира) нохай⁴² [ere široi (šira) noqai — ‘мужчина-земля-(желтая) собака’]. В колофоне же указан [eme γal (ulaγaγčün)] takiya jil — ‘год [женщины-огня-(красной)] курицы’⁴³, который соответствует 1837 году (см. выше, с. 11). /15/

Кроме рассмотренных выше годов в колофоне Южногобийского списка имеются следующие сведения о времени написания «Болор толи».

1. В монгольском тексте указаны:

Начало написания сочинения:

— ...ᠰауан sag-a-yin (...) ⁴⁴ есе... — ‘...с [?] числа] первого месяца...’.

Окончание написания сочинения:

...tabun sarayin sayin (...) ⁴⁶ [edüre] ... — ‘... в счастливый [день] ... [?] числа] пятого месяца...’.

Соответствия европейского летоисчисления:

один из дней месяца, продолжавшегося с 9 февраля по 9 марта (включит.) [1834 г.], согласно труду П. Хуана ⁴⁵,

один из дней месяца, продолжавшегося с 3 июня по 2 июля [1837 г.], согласно труду П. Хуана ⁴⁷

На основании всего сказанного следует считать, что написание «Болор толи», согласно данным Южногобийского списка,

было начато

в один из дней месячного цикла с 9 февраля по 9 марта 1834 г.,

было закончено

в один из дней месяца, продолжавшегося с 3 июня по 2 июля 1837 г.

//16// Как видно из проведенного исследования, дата (1834–1837) написания сочинения, установленная на основании текста Болор толи I, полностью совпадает с датой (годами), указанными с Болор толи II.

Также совпадает в пределах одного месяца (первого месяца года), соответствующего времени с 9 февраля по 9 марта (1834), и время начала работы над сочинением, указанное в колофонах обоих списков «Болор толи».

Окончание работы по написанию сочинения также датировано совершенно одинаково в обоих спи-

сках — пятым месяцем года. Необходимо отметить, что в Болор толи I эта дата приведена с несколько большей точностью — в ней указан «счастливый день» в первой декаде шестого месяца, т. е. в отрезке времени с 3 июня по 12 июня (1837), тогда как в Болор толи II назван «счастливый день пятого месяца» (соответствующего времени с 3 июня по 2 июля того же года), т. е. срока, определенного в более общем виде.

(Л. Пучковский)

г. Ленинград

26 февраля 1962 г.

³⁷ П. Хуан. С. 336; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 9а–9б.

³⁸ П. Хуан. С. 337; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 10а.

³⁹ Пэрлээ. Южногобийский список. С. 186.

⁴⁰ Таблица А. М. Позднеева.

⁴¹ Пэрлээ. Южногобийский список. С. 186.

⁴² Таблица А. М. Позднеева.

⁴³ Пэрлээ. Южногобийский список. С. 186.

⁴⁴ Многоточие в круглых скобках уже объяснено в примеч. 33.

⁴⁵ П. Хуан. С. 336; ср. Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 9а–9б.

⁴⁶ См. примеч. 44.

⁴⁷ П. Хуан. С. 337; ср.: Чэнь Юань, т. V, цзюань 19, л. 10а.

Список трудов Л. С. Пучковского

Сост. Н. С. Яхонтова (© Н. С. Яхонтова, 2019)

1. Пучковский Л. С. Обзор журнала «Хозяйство Монголии» за 1923–1930 гг. // Библиография Востока. 1934. № 4.
2. «Образцы монгольской феодальной художественной литературы» / подгот. к печати Содном Балдан, Н. Н. Поппе, Л. С. Пучковский; под общ. ред. и со вступит. ст. Н. Н. Поппе. М.; Л. 1938.
3. Сказки народов Востока / отв. ред. А. К. Боровков; пер. Л. С. Пучковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 12–13.
4. Пучковский Л. С. Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей // Советское востоковедение. 1941. Т. II. С. 255–282.
5. Пучковский Л. С. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1239 г.) и Ульдзейту (1305 г.) // Советское востоковедение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. VI. С. 396–422.
6. Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Учен. зап. Ин-та востоковедения. 1953. Т. VI. С. 131–166.
7. Пучковский Л. С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1954. Т. IX. С. 90–127.
8. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право / отв. ред. Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 280 с., ил.
9. Гомбоджаб. «Ганга-йин урусхал» (история золотого рода владыки Чингиса — Сочинение под названием «Течение Ганга») / изд. текста, введ. и указ. Л. С. Пучковского. М.: ИВЛ, 1960 («Памятники литературы народов Востока». Т. X).
10. Пучковский Л. С. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII–XIX вв. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М.: Изд-во вост. лит., 1960.
11. Пучковский Л. С. Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 166–195.
12. Пучковский Л. С. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII–XIX вв. // Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. М.: 9–16 августа 1960 г. Том V: Заседания секций XVI–XX. М.: ИВЛ, 1963. С. 336–343.
13. Pučkovskij L. S. The Date of Composition of the Bolor Toli // Acta Orient. Hung. Tomus XVI. Fasc. 2. P. 217–223.
14. Иорши И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда: История, право, экономика / отв. ред. Л. С. Пучковский, П. Е. Скачков. М.: Наука. ГРВЛ, 1966.

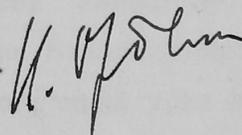
NIS 28
26

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А
научной работы старшего научного сотрудника ЛО ИВ АН СССР
Леонида Сергеевича ПУЧКОВСКОГО

Старший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР Леонид Сергеевич Пучковский работает в области монголоведения в течение целого ряда лет. В итоге этой долголетней работы над изучением монгольских рукописей, главным образом исторического и правового содержания, Л.С. Пучковский стал крупным монголоведом-филологом. Им были опубликованы весьма ценные для монголоведов работы: "Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей", "Монгольская феодальная историография XIII-XVII вв." и ряд других. В настоящее время выходит в свет его большой труд: "Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения", который будет настольной книгой для каждого монголоведа, занимающегося вопросами истории и права монгольских народов. Все работы, опубликованные Л.С. Пучковским, получили признание не только у нас, но и среди зарубежных монголоведов.

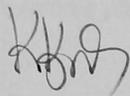
Вся долголетняя научная деятельность Л.С. Пучковского показывает, что он вполне соответствует занимаемой им должности старшего научного сотрудника.

Заведующий Ленинградским
Отделением Института востоковедения
АН СССР

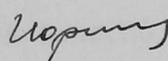
/академик И.А. Орбели/

Секретарь парторганизации

/К.К. Курдоев/

Председатель Местного Комитета

/И.И. Иорш/

Отчет о работе в течение 1941 г. 114
 м. н. с. Рукон. Отдела ИВАН Л. С. Пучковский
 I полугодие

Составление краткого научного каталога
 Монг. Фонда. (Краткое научное описание)
 Ежемесячно 50 описаний. За I полугодие —
 свыше 300 описаний.

Работа над диссертацией "Введение в
 изучение монгольских рукописей и ксилографов"
 — "Предварительные замечания". — Отсутствие
 работ по вопросам истории монг. рукописей и
 ксилографов. Разрозненность и неполнота сведе-
 ний о собраниях монг. рукописей и ксилографов. Необ-
 ходимость разработки вопросов научного описания
 монг. рукописных материалов.

Отдел I. "Общие сведения о монгольских
 рукописях и ксилографах."

Краткий очерк истории монг. рукописей —
 сведения о материалах и содержании новейших
 рукописных монг. памятников. Обзор их изуче-
 ния и описание по русской и иностранной
 (франц., англ., немецк.) литературе и материа-
 лам Монг. Фонда ИВАН и Вост. Библ. ЛГУ

— Проработана вся литература и написан очерк.

Начата работа над под'отделом "Материалы для изготовления и написания рукописей" (Очерк истории Бунаш и др. материалы)

— Проработана русская и иностранная (франц., англ., немецк.) литература.

II поцргодие.

Работа по подготовке к эвакуации Рукот. Отдела.

1) Переноска в хранилище в I этаже всего Моск. Рукописн. Фонда и наиболее ценных ксилографов. Установка их там по размерам и шифрам.

2) Та же работа по всему Рукот. Отделу.

3) Упаковка ценнейших монгольских и других материалов в ящики.

мл. и с. Рукот. Отдела ВАН

17/IV 1942 г.

Л. С. Пучковский

Е. В. Асалханова

Художник Санкт-Петербургского буддийского храма О. Б. Будаев (1887—1937)

DOI 10.25882/vkwd-dg65; © Е. В. Асалханова, 2019

Статья представляет собой значительно дополненный вариант доклада «К вопросу о реконструкции биографии и атрибуции произведений художника Санкт-Петербургского буддийского храма О. Б. Будаева (1887–1937)», прочитанного 16 октября 2015 г. на Международной научно-практической конференции «К 100-летию Санкт-Петербургского храма Дацан Гунзэчойнэй», проходившей в Государственном Эрмитаже. Статья посвящена исследованию жизни и творческого пути выдающегося бурятского художника, буддийского ламы Осора Будаевича Будаева. Подчеркивается его роль в создании оформления буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» в Санкт-Петербурге. Осор Будаев написал храмовые репрезентативные иконы для дацана (икону-танка «Колесо жизни» (санскр. бхавачакра, бурят. Сансарын хурдэ, Колесо Сансары) и серию монументальных икон-танка с изображением шестнадцати архатов, учеников Будды Шакьямуни). В статье высказано предположение о том, что хранящиеся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге иконы-танка с изображением шестнадцати архатов могут принадлежать кисти О. Б. Будаева. Долгое время считалось, что местонахождение этих икон, написанных им для Ленинградского буддийского храма, неизвестно. В статье высказывается гипотеза о том, что создание художником композиции «Сансарын хурдэ» относится к раннему периоду творчества художника. Автор высказывает предположение о том, что художник мог участвовать в создании полихромно расписанной деревянной резьбы в буддийском храме в Санкт-Петербурге. В статье также акцентируется внимание на художественном анализе некоторых других произведений О. Б. Будаева, созданных им в период работы в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, в Музее революции, по заказу Центрального антирелигиозного музея (Москва), — выдающихся образцов бурятского буддийского искусства первой половины XX в. Анализируются их композиционное, графическое и цветовое решения, интерес художника к особенностям европейской художественной системы, в работах сочетаются элементы традиционной буддийской живописи (техника исполнения минеральными красками, характерное внимание к деталям) и европейской линейной и воздушной перспективы.

Ключевые слова: архитектура и изобразительное искусство северного буддизма, Санкт-Петербургский буддийский храм, монументальная живопись, живопись танка, бхавачакра, шестнадцать архатов, Бурятия, О. Б. Будаев.

В нашей статье мы хотим уточнить сведения о биографии выдающегося бурятского художника первой трети XX в. Осора Будаевича Будаева, принимавшего непосредственное участие в создании храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге, сделать анализ и уточнить дату создания некоторых его произведений. Наиболее развернутым источником знания о его жизненном и творческом пути является хранящаяся в СПбФ АРАН биография, которую в 1934 г. составил на основе рассказа самого художника Георгий Оскарович Монзелер, заведующий отделом религии Востока Ленинградского музея истории религии и атеизма. Эта рукопись находится в фонде В. Г. Богораз-Тана с припиской Г. О. Монзелера: «Владимир Германович, оставьте этот набросок, используйте его» [СПбФ АРАН.

Ф. 250. Оп. 3. Д. 103]. В конце XX — начале XXI в. появляются исследования, среди которых наиболее обстоятельной является работа С. Д. Цыбыктаровой [Цыбыктарова, 1992]. В этих материалах встречаются разночтения, о которых скажем ниже. Многие годы исследованием творчества О. Б. Будаева занималась хранитель фонда «Религии Востока» ГМИР В. Н. Мазурина [Мазурина, 2009]. Некоторые сведения о жизни и творчестве О. Б. Будаева были опубликованы и в моих работах [Асалханова, 2013; 2013а; 2015; 2017].

По сведениям С. Д. Цыбыктаровой, Осор Будаев родился в 1886 г. в местности Судунтуй Читинского уезда Забайкальской области в семье бедного бурята Дугара Шагдарова, имя его матери — Цырегма Цыремпилова. Мальчику едва исполнилось два года,

когда умер его отец. И мать снова вышла замуж, оставив сына на попечении брата отца Буды Шагдарова, по имени которого впоследствии Осор получил фамилию Будаев [Цыбыктарова, 1992. С. 38]. Согласно биографии, составленной Г. О. Монзелером, Осор родился в 1887 г. в семье бедного буряты Дугарова, остался без отца в шесть лет, «мать вернулась в свой род, а его взял к себе в качестве пастуха богатый сосед Будаев. Но мальчик оказался плохим пастухом — вместо того чтобы следить за порученной ему отарой овец, он летом не выпускал из рук глины и лепил все, что попадалось ему на глаза, — тех же овец, всадников, зверей, птиц... — а зимой, как только выпадал снег, он... рисовал на этом недолговечном, но единственно ему, бедному и забитому пастушонку, доступном материале... За эти художества он неоднократно бывал бит...» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6]. В трудовом списке Осора Будаевича Будаева также указана дата рождения — 1887 г. [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 8]. Поэтому, по нашему мнению, годом рождения художника следует считать 1887 г.

С. Д. Цыбыктарова пишет, что в одиннадцать лет Осор поступил в послушники Агинского дацана по воле отчима Жигжита-ламы, принадлежавшего к так называемым степным ламам [Цыбыктарова, 1992. С. 38]. В рукописи Г. О. Монзелера читаем, что богач Будаев, «окончательно убедившись в его непригодности в качестве пастуха, сплавил его в соседний ламский монастырь послушником и опять же пастухом. Но и здесь он оказался нерадивым учеником и плохим пастухом... продолжал рисовать, лепить и резать из дерева. Всем этим ему приходилось заниматься тайком. Но тут впервые он начал своим искусством зарабатывать на хлеб — его же товарищи-послушники были первыми покупателями его произведений — своих портретов, за которые они ему платили по две, три, пять копеек. Потом его работы стали просачиваться и в руки окружающего населения» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6]. В монастыре он увидел работы лам-художников, и это определило всю его дальнейшую судьбу. О. Б. Будаев имел ученое звание габжу-ламы (тиб. *dka' bcu*) — степень ученого ламы, которая присваивается после окончания дацанской школы чойра и защиты степени.

В 1904 г. восемнадцатилетний Осор, услышав о пребывании в Урге XIII Далай-ламы Тибета Тубдана Чжамцо (1876–1933), «ушел пешком, без гроша денег в кармане, в Ургу, учиться искусству, в надежде встретить в свите Далай-ламы знаменитых тибетских иконописцев» [Там же. Л. 10]. Далай-лама приехал в Ургу в ноябре 1904 г. и пребывал в монастыре Гандантекчинлинг, а в ноябре 1906 г. переехал во Внутреннюю Монголию. С ним постоянно находился Агван Доржиев¹. По просьбе начинающего ху-

джника он устраивает его в одну из лучших в Монголии мастерских к китайскому мастеру «за стол и угол» учиться, кроме живописи, искусству гравюры и культовой пластики. Будаев работает «дни и ночи» [Там же. Л. 6].

Через некоторое время он возвращается в Бурятию и «выступает теперь в монастыре в качестве признанного зурачина — монаха-иконописца» [Там же. Л. 6]. Возможно, именно к этому времени относится создание художником композиции «Сансарын хурдэ» («Колесо сансары»). Странно, что нет сведений о ранних работах художника, хотя именно в эти годы он стал известным и признанным мастером. Нами обнаружена статья К. М. Герасимовой «К истории изобразительного искусства бурят» (1956), в которой она утверждает, что в Музее истории Бурятии хранится «Сансарын хурдэ» О. Б. Будаева 1907 г. [Герасимова, 1956. С. 133]. В Музее истории Бурятии находится ксилография, которая опубликована в нескольких изданиях конца XX — начала XXI в. [Цыбыктарова, 1992. С. 43; Изобразительное искусство Бурятии, 2011. С. 41]. Будаев включил в композицию своей иконы самостоятельные аллегорические сюжеты — «Четверо дружных братьев» и «Три символа победы в битве с враждой». По нашему мнению, эти сюжеты могли быть рекомендованы художнику А. Доржиевым, так как именно в период Первой русской революции 1905–1907 гг. зародилось обновленческое движение (его лидером был Доржиев), расколовшее буддийское духовенство на два непримиримых лагеря. Оттиски «Сансарын хурдэ» были напечатаны в Гусиноозерском дацане и затем разошлись по бурятским буддийским монастырям. «Слава о нем разнеслась по всем ламским монастырям царской России», — пишет Г. О. Монзелер. В 1912 г. Агван Доржиев вызвал Будаева в Петербург для работы над оформлением буддийского храма. Когда академику С. Ф. Ольденбургу в связи с задуманным им изданием сборника буддийской иконографии понадобился художник-иконописец, Доржиев рекомендовал ему Будаева. Так О. Б. Будаев принял участие в подготовке издания иконографических материалов, привезенных П. К. Козловым из Хара-Хото [Цыбыктарова, 1992. С. 39].

ском монастыре Дрепунг (1888). По окончании обучения был назначен одним из наставников юного XIII Далай-ламы Тубтен Гьятцо; впоследствии ближайший советник и фаворит тибетского правителя, добивался политического сближения Тибета с Россией и установления русского протектората над Тибетом. В 1905 г. переселился в Россию. Ученый-богослов, дипломат, просветитель, видный деятель национально-освободительного движения тибетского и монгольского народов, реформатор буддийской конфессии в царской и советской России. По его инициативе и под его руководством в 1909–1915 гг., согласно проекту Г. В. Барановского, был возведен буддийский храм в Санкт-Петербурге. Подробнее об А. Доржиеве см.: [Пубаев, 1989. С. 94–98; Васильков, Сорокина, 2003; Андреев, 1990. № 9; 2005; Snelling, 1990. P. 36–43; 1993].

¹ Цаннид-хамбо Агван Доржиев (1853/4–1938) — хоринский бурят, в девятнадцатилетнем возрасте отправившийся в Тибет, где получил высшее конфессиональное образование в Гоман-дацане, в крупнейшем лхас-

Оформлением главного зала и других помещений храма в Санкт-Петербурге руководил Н. К. Рерих (1874–1947), который при создании эскизов обращался за советом к бурятским ламам, являвшимся наиболее авторитетными специалистами в области буддийского искусства и системы ритуалов. Петербургский исследователь А. И. Андреев, согласно сведениям, обнаруженным им в РГИА, сообщает, что консультантами и помощниками Н. К. Рериха были приглашенные из Бурятии А. Доржиевым знатоки и практики тибетской архитектуры и буддийского искусства Осор Будаев и Гэлэг-Чжамцо Цэбэгийн, а также мастер Ринчин Занхатов, выполнявший столярные работы. Это обстоятельство подтверждается еще одним документом, в котором говорится, что в 1914 г. Г.-Ч. Цэбэгийн был командирован в Петербург приказом Иркутского генерал-губернатора как знаток геометрии и архитектуры, системы ритуалов, оформления алтарей и постановки разных украшений буддийских храмов. Вместе с ним прибыли бурятские специалисты по буддийской архитектуре и искусству Осор Будаев, Цырен-Даши Жамбалдоржиев и др. [Менжигийн, Бадмаев, 2009. С. 110]. В результате творческой интерпретации форм тибетского и бурятского искусства авторами был создан сложный, обобщенный архитектурно-художественный образ. Буддийский храм в Санкт-Петербурге (Петрограде) содержал в себе широко развернутую систему монументально-декоративного решения интерьеров, которая включала иконы-танга, скульптуру, орнаментальную резьбу и роспись по дереву, витражи, мозаики.

«Будаев, обшив и разукрасив только что построенный... буддийский храм, вернулся на родину» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 7]. После окончания работ в храме Осор Будаев приехал в 1915 г. домой в Агу [Цыбыктарова, 1992. С. 40]. Вскоре он был призван в армию и «отправлен в Минск, где был зачислен в рабочую команду. Один из его начальников увидел как-то его работы, заинтересовался им и освободил его от физического труда, назначив фотографом. К нему посыпались заказы на портреты от военного начальства — кто за фунт конфет, кто за ласковое слово, кто за несколько рублей заставляли его писать свои физиономии» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6].

Сразу после окончания первой мировой войны Будаев приехал в родные места и по 1930 г. продолжал служить в Агинском дацане, также художник «стал работать при сельском управлении — оформлять народные празднества и т. д. Когда с приходом Советской власти были организованы Советы, он стал работать при Агинском аймачном совете и писал портреты вождей для советских учреждений. От аймака уже он был делегирован на всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве, где он впервые познакомился с музеями и с лучшими образцами европейского и русского искусства» [Там же. Л. 6].

Согласно сведениям из трудового списка, Будаев работал в качестве художника в г. Верхнеудинске в

Бурятском ученом комитете с 1 января 1927 г. по 1 июля 1927 г. [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 8]. В течение 1925–1929 гг. Бурятский Ученый комитет вел большую работу по организации экспедиций по изучению быта, хозяйства, языка, культового народного искусства бурят и привлекал к участию в них бурятских художников [Цыбыктарова, 1992. С. 42]. Одним из создателей Бурятского Ученого комитета и ученым секретарем (1924–1928) был Г. Ц. Цыбыков. По его рекомендации Будаев был привлечен к составлению каталога буддийской литературы, а также к изучению быта агинских бурят. Цыбыков отвечал за комплектование фондов библиотеки и Рукописного отдела комитета, часто приезжал в Агинск заниматься в монастырских книгохранилищах. К этому времени относится создание художником для своего друга росписи с изображением двух драконов (бур. луу) на дверцах домашнего шкафчика, который ныне экспонируется в Агинском национальном музее им. Г. Ц. Цыбыкова.

Во второй половине 1920-х гг. Будаев выполнил серию зарисовок из жизни бурят «для Читинского музея» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6]. «В Читинском историко-краеведческом музее под инв. № 15418 (1–13) хранится серия из 44 миниатюрных карандашных рисунков Осора Будаева, посвященная быту бурятского населения Забайкалья. Рисунки поступили в музей после художественной выставки, проходившей в Чите в октябре 1928 г. Вероятно, они были сделаны О. Будаевым в ходе экспедиций по Агинской степи, организованных Бурят-Монгольским комитетом по инициативе Г. Цыбыкова, который подготовил в конце 1920-х гг. ряд статей по этнографии бурят, сюжетно связанных с рисунками Будаева» [Цыбыктарова, 1992. С. 42–44]. Рисунки размещены на 13 листах машинописной бумаги и сгруппированы по темам: «Материнство», «Детские игры», «Приручение необъезженного коня», «Убой скота» и т. д. Эти свободные зарисовки, выполненные легкой точной линией, отличаются оригинальным композиционным решением, представляют собой высокохудожественные произведения. Интересно отметить, что для них характерно стремление следовать законам европейской линейной перспективы: например, в рисовании боковых сторон алтарных столиков («В юрте»); в рисунке «На дороге» повозка на заднем плане изображена в меньшем масштабе, чем группа людей на первом плане.

В этот период О. Б. Будаев выполнил иллюстрации (лицевую книгу) к философскому трактату великого буддийского реформатора Цзонхавы (1357–1419) «Лам-рим чен-мо» («Великие этапы на пути к просветлению»). «Лам-рим чен-мо» — большой и сложный философский труд, раскрывающий пути достижения мудрости. Его первая часть рассказывает о так называемой «малой» личности, описывает разные виды ада, адские мучения. Она была переведена на русский язык Г. Ц. Цыбыковым в период его работы в качестве профессора Восточного института во Владивостоке (1906–1917) и издана там же в

1913 г. Собственно, к учению о «малой личности» Цзонхавы и обращается О. Б. Будаев. Лицевая книга «Лам-рим чен-мо» О. Б. Будаева — это ксилографический альбом из 129 картин с изображением буддийского ада и краткими пояснениями к иллюстрациям. Листы книги были отпечатаны в одном из бурятских дацанов во второй половине 1920-х гг. Известны два экземпляра книги: один находился у С. Д. Цыбыктаровой, автора ее художественной атрибуции (архив С. Д. Цыбыктаровой не сохранился), второй хранится в Национальном музее Республики Бурятия под условным названием «Сансарын хурдэ»². На одном из листов мы видим своеобразный апофеоз торжества буддийской веры: трехмерное изображение бурятского дацана, от которого исходят лучи света, на фоне ликования всего живого: птиц, животных, людей. Представляет интерес другой лист, на котором изображена сцена шаманского обряда: в избе изображен камлающий шаман с бубном в плаще-оргое со змеями, в шапке, увенчанной рогами оленя, возле лежащего больного. Перед онгоном³ в виде фигуры в меховой одежде и шапке стоит ботыль, также две чаши на столе. Рядом мужчина готовится принести в жертву барана. Рисунки выполнены четкой выразительной линией. По всей видимости, они основаны на натурном материале, сцены были увидены художником в жизни. Возможно, что им предшествовали предварительные наброски и зарисовки. Несомненно, ксилограф «Лам-рим чен-мо» О. Б. Будаева — шедевр бурятской буддийской графики.

В 1927 г. Будаев принял участие в первой советской бурятской художественной выставке, организованной по инициативе Бурятского ученого комитета в Верхнеудинске. Среди ее 17 участников, в основном художников-самоучек, были, кроме Будаева, буддийские художники-иконописцы Даба Тушнэ, Нима Цыремпилон, Тогтху Будаев, Лодэ Самбу [Цыбыктарова, 1992. С. 40]. На этой выставке экспонировалась икона «Сансарын хурдэ» Осора Будаева. Он также участвовал в выставках в Чите (1928) и в Ленинграде (1930), на которых экспонировались не только его буддийские произведения, но и картины светского содержания.

Икона «Сансарын хурдэ» (инв. № Л-6334-VII), хранящаяся в ГМИР, была впервые атрибутирована в 1989 г. С. Д. Цыбыктаровой [Цыбыктарова, 1992. С. 48], которая считала, что композиция этой иконы была создана О. Б. Будаевым по заказу А. Доржиева ко Второму Всебурятскому духовному собору буддистов, проходившему 22 декабря 1925 г. в Верхнеудинске (ныне г. Улан-Удэ). В 1996 г. описание это-

го произведения было выполнено старшим научным сотрудником ГМИР, специалистом по буддийской культуре О. С. Хижняк в статье «Шесть миров сансары». Исследователь пишет, что тангка «представляет собой значительную художественную и историческую ценность, поскольку принадлежит кисти одного из наиболее выдающихся мастеров бурятской живописи» [Хижняк, 1996. С. 163]. Репродукция иконы-тангка «Сансарын хурдэ» впервые была опубликована О. С. Хижняк [Хижняк, 1996: фотография на суперобложке], затем в каталоге «Буддийская коллекция Государственного музея истории религии» [Хижняк, 2008. С. 42].

Варианты композиции «Сансарын хурдэ» О. Б. Будаева хранятся в фондах ГМИР, Национального музея Республики Бурятия, Агинского национального музея, в бурятских дацанах. Будаев в целом придерживался канонической композиции, но каждый раз вносил какие-либо изменения и дополнения в детали. Особый интерес представляет сектор с изображением мира людей, о котором будет сказано ниже.

Сансара (скр. *samsāra*, тиб. *sgid-pa*) — одно из главных понятий в буддизме. Это циклическое существование непрерывно чередующихся рождений, смертей и новых рождений. Сансара также — пространство и время, в которых происходит процесс перехода из одного существования в другое. Она имеет шесть областей, населенных существами различных видов: миры богов (*девалока*), их соперников *асуров*, людей, животных, вечно голодных духов *према* и область адов (*нарака*). Все существа, населяющие шесть областей сансары, подвержены перерождениям, не исключая богов и грешников, пребывающих в адах *нараки*. По закону кармы — воздаяния за совершаемые поступки — они могут возродиться в более высокой или низкой области. При этом только люди способны выйти из круга перерождений, по образному выражению, «переплыть океан сансары».

Большая темная фигура персонификации Сансары (в некоторых источниках — особая форма божества смерти Ямы или его сестры Ями), гневная, в короне из черепов, с украшениями дхармапалы, сжимает символическое зеркало — «колесо жизни». Зеркало разделено на три части. В ступице «колеса жизни» изображены петух (символ страсти), змея (воплощение гнева) и свинья (символ невежества). Три животных вписаны в круг, символизируя три коренные причины существования в сансаре (рис. 1).

Далее по ободу этого центрального круга изображены люди, поднимающиеся вверх по стезе добродетели в левой, светлой половине обода и падающие под грузом своих грехов в правой, темной половине.

Будаев разделил большой круг на пять неравных частей, объединив мир богов и мир асуров в одну сферу. Слева в верхнем секторе показана сфера богов, где свободная от забот жизнь посвящена удовольствиям. Здесь растет прекрасное дерево с плодами счастья и исполнения желаний. Ниже слева

² Лицевая книга «Лам-рим чен-мо» О. Б. Будаева экспонировалась в Национальном музее Республики Бурятия (в Музее истории Бурятия им. М. Н. Хангалова) в августе 2010 г.

³ Онгон ('дух предка') — изображение духов предков. Такие изображения могли быть выполнены в металле или дереве, нарисованы на коже, на материи.

изображены асуры в старинных монгольских доспехах, стреляющие из луков. Они сражаются за плоды этого дерева.

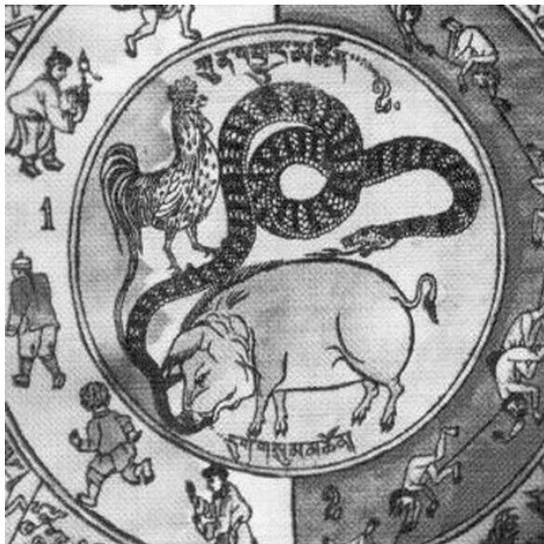

Рис. 1. О. Б. Будаев. Фрагменты ксилографии «Сансарын хурд». Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова

Мир людей изображен Будаевым в верхнем правом секторе. На первом плане художник расположил сцены, иллюстрирующие Первую благородную истину — «жизнь есть страдание»: рождает женщина, бредет старик с палкой, врач шупает пульс у больного, старик оплакивает умершего, на трупе сидит ворон. «Рождение, старость, болезнь и смерть — ключевые точки человеческого бытия, сопровождающиеся как физическим, так и ментальным страданием» [Хижняк, 1996. С. 165]. Художник символически изобразил здесь страны, в которых распространен буддизм: Индию представляет храм Бодхгая (высокая четырехгранная ступа), построенный на том мес-

те, где Будда Шакьямуни достиг пробуждения, Китай — Великая китайская стена и люди в традиционных одеждах, Тибет — дворец Потала и монахи в характерных одеяниях, Монголию — войлочная юрта. Особо примечательным является то, что Будаев включил в число буддийских стран Россию и сопроводил изображение надписью на тибетском языке «Россия» (в ксилографии, в живописном варианте надписи нет). Более того, он обозначил ее образ интересными деталями, характерными приметами времени: мчащийся паровоз в клубах дыма, фабричная труба с красным флагом, русская изба с двускатной крышей; крестьяне, идущие за плугом, обрабатывающие землю (рис. 2). На иконе-тангка «Сансарын хурд» О. Б. Будаева в цогчен-дугане Иволгинского дацана и на цветной ксилографии в Национальном музее Республики Бурятия мы видим в небе над храмом Бодхгая и ниже правее над крестьянами в поле два самолета. В секторе мира людей изображены пальмы, мужчины в белых рубашках с короткими рукавами, в широкополых шляпах. Художник включил в композицию также различные жанровые сценки: мужчина в традиционной одежде агинских бурят ведет коня под седлом и быка, впряженного в нагруженную повозку; лама (?) в красном одеянии ведет двух навьюченных верблюдов; собака ест из чашки возле юрты; бредет свинья с поросятами; в пруду плавают утки. С. Д. Цыбыктарова писала, что «композиция „Сансарын хурд“ Будаева казалась смелой и выходящей за рамки канона традиционного искусства... Вещь, безусловно, была программной... с точки зрения ее идеи буддийской обновленческой церкви России» [Цыбыктарова, 1992. С. 42]. Появление новых мотивов было обусловлено идеей обновленческого движения буддистов Бурятии «не противодействовать творчеству художников-лам».

Рис. 2. О. Б. Будаев. Сектор мира людей. Фрагмент иконы-тангка «Сансарын хурд». Агинский национальный музей им. Г. Ц. Цыбикова

В секторе с изображением мира животных художник с большой наблюдательностью и любовью нарисовал различных домашних и диких животных и птиц, в том числе волка и коршуна, терзающих своих жертв. Интересно, что среди традиционных, характерных для буддийской иконографии изображений деревьев и водоема со стилизованными волнами

мы замечаем достаточно реалистично изображенные высокие раскидистые ели (рис. 3). У Будаева в одном произведении словно объединяются реальный и фантастический миры. Так, в ксилографии из Национального музея Республики Бурятия и на тангаке в цогчен-дугане Иволгинского дацана в секторе мира животных изображен дракон, парящий в небе.

Рис. 3. О. Б. Будаев. Сектор мира животных. Фрагмент иконы-тангака «Сансарын хурдэ». Агинский национальный музей им. Г. Ц. Цыбикова

Под сектором мира людей — область *прета*¹, беспокойных духов (санскр. *preta*, тиб. *yi dwags* — ‘голодный дух’). О. Б. Будаев изобразил прета в виде изможденных антропоморфных существ, некоторые с огромными раздутыми животами, одних терзают стервятники, других мучают демоны-служители Ямы, в теле одного прета копошатся черви.

В центральной части сектора ада находятся восемь горячих адов, они подписаны цифрами, справа и слева — холодные и «случайные» ады, все области адов разделены линиями на равные симметричные участки. Владыка подземного мира Яма изображен здесь в мирном облике, в княжеской монгольской одежде. В руках у него медное зеркало, в котором отражаются все совершенные людьми при жизни поступки. Область горячих адов написана в теплой

красноватой гамме, сюжеты холодных адов лаконично прорисованы синими линиями на белом фоне. Во втором сверху справа фрагменте изображения мы видим сидящего грешника, тело которого покрыто волдырями (холодный «ад волдырей»). Слева грешники тонут в водоворотах, тело одного сдавила огромная змея, тела других проткнуты острыми листьями растений. Помощники Ямы — огромные демонические существа с обнаженными торсами синего, желтого или красного цвета со звериными, человеческими или птичьими головами. Они складывают черные и белые камешки на чаши весов, в зависимости от соотношения которых решается участь прибывшего в подземный мир.

Во внешнем круге «колеса сансары» изображаются символические сцены, иллюстрирующие теорию причинно-зависимого происхождения (скр. *pratītya-samutpāda*). Цепь зависимого возникновения состоит из двенадцати звеньев (*нидан*), каждое звено символически изображено в отдельном овальном клейме. Клейма на ксилографии пронумерованы арабскими цифрами, в живописных вариантах иконы нумерация отсутствует. Символическое значение изображений *нидан* (начиная с нижнего левого клейма) таково: 1. Слепая женщина, бредущая на ощупь, символизирует неведение (скр. *avidyā*). 2. Обусловленная активность (скр. *saṃskāra*) — гончар за работой, как символ формирования нашего характера. 3. Сознание (скр. *vijñāna*) — обезьяна, хватющаяся за цветок лотоса: так наше сознание перескакивает с одного объекта на другой. 4. Имя и иконографическая

¹ В индийской мифологии претами называли духов умерших людей в течение года после их смерти. В мифологии буддизма преты — духи, лишённые возможности удовлетворить свои желания; чаще всего говорится о чувстве голода. Преты не могут его утолить, так как, обладая большим животом, имеют узкое горло, а их рот не больше отверстия иголки и не пропускает пищу. У этих созданий тонкие сухие конечности, раздутый живот. Их мучит голод и жажда, а пища превращается в огонь. Это аллегория преданности страстям, которая увеличивается подобно огню, на который льётся масло. Претами возрождаются те, кто при жизни был скуп, прожорлив и жесток. Единственная пища, которую могут принимать преты, — нектар, каплющий с пальцев Авалокитешвары [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004. С. 325].

форма (скр. *pātaḡūra*) «человек в лодке» — символ сознания как «комбинации ума и тела, имени и формы». 5. Пять органов чувств и ум (скр. *ṣaḍāyatana*): зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и мышление — дом с шестью окнами. 6. Контакт органов чувств и их объектов (скр. *sparśa*) — влюбленные. 7. Ощущение (скр. *vedanā*) — человек с пробитым стрелой глазом. 8. Жажда, или привязанность к желанию (скр. *tṣṇā*), стремление, вызванное соответствующими чувствами (интенсивность чувств и их последствия) — пьяница. 9. Цепляние (скр. *upādāna*): от жажды жизни возникают чувственные стремления, отождествление с привязанностью к объектам желания — человек срывает фрукты с деревьев и складывает их в корзину. 10. Становление (скр. *bhava*), или созревание навстречу перерождению — курица, высиживающая яйца. 11. Рождение (скр. *jāti*) — женщина, дающая жизнь ребенку. 12. Старость и смерть (скр. *jaḡātaḡaṇa*) — человек, оплакивающий мертвое тело.

Вверху в центре иконы «Колесо сансары» символически изображена нирвана в виде белого круга в ореоле радужного сияния, на этот круг указывает стоящий в облаках в верхнем правом углу композиции Будда Шакьямуни. Нирвана считается неопределимой, невыразимой словами, она находится за пределами понимания обычного сознания. Поэтому она изображена вне большого круга. За пределами «колеса сансары» в верхнем левом углу изображен сидящий в облаках на лотосовом троне Будда Шакьямуни и внимающие ему пять монахов, расположившиеся вокруг него полукругом (возможно, это первые слушатели Учения Будды — пять аскетов, ставших первыми монахами, членами буддийской общины-сангхи); над Учителем — священный зонт. Вверху композиции изображены солнце и луна, «выступающие как символы противоположных начал, заключенных как во Вселенной, так и в каждом человеке. Их соединение происходит в момент достижения просветления» [Хижняк, 1996. С. 165]. На одном из вариантов иконы вокруг месяца, заключенного в круг, Будаев написал звезды. Композицию «Колесо сансары» сопровождают надписи на тибетском и монгольском языках². Особенно много над-

² В центре нижней части иконы находится заключенный в рамку текст двух четверостиший на тибетском и монгольском языках. Тиб.: *brtsam par bya zhiḡ dbyung bar bya | sāngs rgyas bstan la 'jug par bya | 'dam bu'i khyim la ḡlang chen bzhiḡ | 'chi bdag sde ni ḡzhom par bya | ḡgang zhiḡ rab tu bag yod pas | chos 'dul 'di la spyod 'rgyur (sic!) pas | skye ba'i 'khor ba rab spangs nas | sḡdug bḡngal tha mar byed par gyur |*. Монг.: *tuyurbiḡu būrūn ḡaran ūiled : burqan-u sasin-dur oḡuḡ ūiledḡed qulusu-tu naḡur-tur ḡayan metūčilen : ūkūl-ūn eḡen-ū ayimay-i darun ūiled alin niḡen maši serimḡi-tūber : vinai-yin ḡarčim eḡūn-dūr yaḡubasu orčilang-un tōrūl-i sayitur teḡčigsen-iyer : ḡobalang-i ečūslen ūiledkū boluyu : ...* Перевод: «Должно приступить, должно отринуть; / должно принять Учение Будды; / подобно слону в глиняной хижине, / должно разгромить войнство Владыки смерти! / Тот, кто исполнен осмотрительности, / действует согласно винае, / отринет круговорот рождений, / положит конец

писей (на тибетском языке) в ксилографическом варианте иконы: над головой персонификации Сансары расположены еще четыре небольших текста, заключенных в рамки; из-под ее стоп свисают два медальона, в одном из них (левом) — сидящие мужчина и женщина, играющая на лютне; в правом — два сидящих человеческих скелета (Читипати?), вокруг них — по кругу — текст тибетскими буквами, надписями сопровождаются также секторы Круга сансары, композиции в клеймах и др.

Как говорилось выше, Будаев включил в композицию иконы сюжеты «Четверо дружных братьев» и «Три символа победы в битве с враждой». Композиция «Четверо дружных» (тиб. «Тунши» — «четверо согласных») — аллегория дружбы, почитания старших. Притча о четверых дружных братьях была популярна в Древней Индии и приводится в каноническом тексте «Основа нравственности» (санскр. *Винаявасту*)³. Предполагается, что Будда рассказал эту притчу своим ученикам, чтобы они запомнили, как важно уважать друг друга и совершенствовать буддийские добродетели. В дальнейшем она получила широкое распространение в Тибете, Монголии, Бурятии. В одном из вариантов легенды рассказывается, что «ради пользы друг друга четверо животных вырастили плодоносное дерево: птица принесла семена, заяц удобрял землю пометом, обезьяна поливала, слон нашел тенистое место» [Бадмажапов, 1996. С. 207]. Символическая группа «Четверо дружных братьев» находится в левом нижнем углу иконы Будаева: у пышного цветущего дерева изображены в профиль стоящие в виде пирамиды белый слон, желтая обезьяна, белый заяц и синий фазан. Характерна очень точная линия рисунка в передаче образов животных и верные пропорциональные отношения. Будаев написал дерево не в традиционной буддийской стилизованной манере, а, скорее, реалистично: это цветущее дерево, крона которого обозначена белым цветом, на его фоне прихотливо изгибаются ветви с зелеными листьями и цветами (рис. 4).

В нижнем правом углу иконы художник изобразил мифических животных (восьминогий лев, покрытая шерстью рыба и *макара*, морское чудовище) в традиционной композиции, известной под названием «Три символа победы в битве с враждой». Согласно мифу⁴, каждое из этих животных родилось от союза двух враждующих животных. Восьминогий лев родился от *гаруды* и льва. Покрытая шерстью рыба ро-

страдающим!» Эти строфы несколько раз встречаются в сочинениях раздела «Виная» Кагьюра/Ганджура, в частности, несколько раз в трактате «Виная-васту». См., например, в Дэргэском издании тибетского буддийского канона [Dul ba ḡzhi, том ка: 91b7–92a2 и др.]. — Примеч. и пер. А. В. Зорина.

³ Лоден Шерап Дагьяб Ринпоче дает ссылку на 'Dul ba ḡzhi (*Vinayavastu*), p. 312.4.5. [Дагьяб, 2012. С. 106].

⁴ Лоден Шерап Дагьяб Ринпоче дает описание этих фантастических животных согласно тексту «ḡrub chen lū i pa'i lugs kyi ḡpal 'khor lo sdom pa'i bskyed rim he ru ka'i zhal lung», л. 50a6 [Дагьяб, 2012. С. 108].

дидась от союза рыбы и ее традиционного врага — выдры. *Макара* родился от улитки и крокодила (или дракона, змеи), живет в морской раковине. В этой композиции выражена идея преодоления разногласий и противоречий. В иконе Будаева покрытая шерстью рыба и *макара* изображены в воде, лев стоит на прибрежных скалах, над которыми плывут белые об-

лака; скалы и облака написаны в традиционной манере, характерной для буддийской иконографии (рис. 5). Эти сюжеты замыкают углы композиции. Возможно, что сюжеты были включены в состав композиции иконы по просьбе А. Доржиева в связи с расколом среди обновленцев и консерваторов как призыв к примирению.

Рис. 4. О. Б. Будаев. Фрагмент иконы-тангка «Сансарын хурдэ». Агинский национальный музей им. Г. Ц. Цыбикова

Рис. 5. О. Б. Будаев. Фрагмент иконы-тангка «Сансарын хурдэ». Агинский национальный музей им. Г. Ц. Цыбикова

В 1930 г. А. Доржиев вновь вызвал О. Будаева в Ленинград в открывшийся после революции, гражданской войны, голода и разрухи буддийский храм. Доржиев надеялся возродить храм, восстановить и дополнить его убранство. В 1930-е гг. художник написал, по просьбе А. Доржиева, восемь больших икон с изображением шестнадцати архатов и выполнил повторение своей иконы «Сансарын хурдэ» специально для главного алтаря храма, в дополнение к алтарному образу Будды. Считается, что местонахождение икон с изображением шестнадцати архатов неизвестно. Однако в фондах ГМИР хранятся большие иконы-тангка (размер по ширине 147 см), на ко-

торых изображены архаты. Хранитель фонда «Религии Востока» В. Н. Мазурин показала мне в октябре 2015 г. две из них и сообщила, что, к сожалению, источник поступления этих произведений неизвестен. На первой изображен архат Бакула (атрибут — мангуст, изрыгающий драгоценности), на второй — два архата: в верхней части произведения справа Калика (атрибут — серьги или две золотые подвески) и Ваджрипутра (атрибут — опахало) внизу слева. Возможно, что эти иконы были написаны О. Б. Будаевым для ниш Ленинградского буддийского храма, ширина которых 180 см.

Иконы решены в плоскостной манере, большие объемы написаны одним цветом, по которому идет прорисовка деталей. Бакула сидит справа под деревом с плодами персика (ствол дерева решен так же, как дерево в иконе «Сансарын хурдэ» О. Будаева: по охристому фону красновато-коричневые штрихи). В левом верхнем углу изображен огороженный горный монастырь с постройками в тибетском стиле, схематично показаны фигурки лам в монастырском дворе, а также поднимающиеся в гору к другим храмам. Слева в нижней части композиции в меньшем масштабе изображен ученик, протягивающий чашу с подношениями. На нем обувь монгольского типа с загнутыми носками. По обеим сторонам в нижней части изображены в традиционной манере холмики, между ними течет река, художник изобразил ее параллельными полосами, на которые слегка наведены линии. Слева в углу — растения, острые листья которых напоминают травы под деревом в иконе О. Будаева «Сансарын хурдэ» (сюжет «Четверо дружных»).

На второй иконе перед каждым архатом также изображен ученик: перед Ваджрипутрой стоящий, перед Каликой преклоненный со сложенными в позу почитания руками. Иконы лаконичные, монументальные, простые по композиции, нет ничего лишнего. Рисунок точный, пропорции фигур верные. Очень гармоничные цветовые отношения. Эти произведения являются великолепными образцами буддийской монументальной живописи.

В фондах ГМИР находится довольно любопытный вариант «Колеса сансары», который мне также показала В. Н. Мазурина. Икона выглядит не совсем законченной. Очевидно, что за образец взята композиция О. Б. Будаева, но рисунок сюжетов «Четверо дружных» и «Четыре символа борьбы с враждой» несколько рыхлый, неточный. Колорит высветленный, даже разбеленный. Фигура персонификации Сансары, сжимающего колесо, глухого черного цвета. Символы «Двенадцати звеньев зависимого возникновения» не заключены в клейма. Сектор животных очень насыщен изображениями, водоем кишит рыбами, одна из них заглатывает трех меньших. Интересно, что в секторе мира людей и в левой (светлой) стороне центрального обода изображены рабочие (держачие молотки, в кепках, в серой одежде 1930-х гг., штаны заправлены в сапоги) и работницы в белых платках. В секторе мира людей изображена фабрика с красным флагом, очень подробно нарисован поезд, переезжающий мостик (в вагоне изображен проводник и т. п.). В секторе ада появляются дополнительные детали: грешников жалят скорпионы, клюют птицы, душат змеи. По всей видимости, эта тангка принадлежит кисти О. Б. Будаева и Данзана Дондокова (1895–1983). Дочь последнего Н.-Ц. Дондокова пишет, что он «с большим уважением относился к О. Будаеву, считая его одним из учителей по иконописи. Будаев в качестве главного художника участвовал в строительстве Петербургского дацана. Часто они выполняли общие заказы. Последняя их

совместная работа, созданная ими, была выполнена по заказу Казанского собора в Ленинграде в начале 1930-х гг. Это была танка „Колесо сансары“. Д. Дондоков часто интересовался, сохранилась ли она» [Дондокова, 2009. С. 108].

Оставаясь художником Ленинградского буддийского храма, О. Будаев в 1932–1936 гг. работал в Музее истории религии и атеизма. Будаев начал работать в музее с 28 ноября 1932 г. (Приказ № 22 от 22.12.1932). Сведения о некоторых важных работах Будаева этого времени дают нам архивные документы СПбФ АРАН. Из отчета о работе музея за 1934 г. читаем: «В отделе „Буддизм-ламаизм“ созданы экспозиции „Буддийская церковь“ с картиной бурятского художника Будаева: „Взыскание церковных податей“, „Буддийский пантеон“, „Круг жизни“ („Сансара“) работы художника Будаева» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 32. Л. 17]. Экспозиция отдела «Буддизм-ламаизм» была создана совместно с учеными Индо-Тибетского кабинета Института востоковедения АН СССР. Будаев занимался реставрацией, ездил в экспедиционные поездки в Бурятию с целью сбора буддийских культовых предметов для музея. По сути, он спасал их от уничтожения. По сообщению В. Н. Мазуриной, из одной такой поездки он привез в музей большую деревянную доску-клише со своей композицией «Сансарын хурдэ». О. Б. Будаев был не только блестящим живописцем и графикам, но также и прекрасным резчиком по дереву. О коллекции произведений О. Будаева, хранящейся в ГМИР, повествует статья В. Н. Мазуриной, в которой автор указывает, что в настоящее время в фонде «Религии Востока» ГМИР хранится более 30 работ О. Будаева и около 120 культовых предметов, собранных им в Бурятии: «Великолепным образцом искусной резьбы по дереву является хранящийся в музее наконечник для ритуального жезла, выполненный Будаевым» [Мазурина, 2009. С. 205]. Можно предположить, что художник мог участвовать в создании деревянного резного антаблемента в буддийском храме в Санкт-Петербурге.

В 1934 г. Будаев по заказу музея создает триптих «Взыскание церковных податей» (шелк, акварель) [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 32. Л. 11]. Описание этих обличительных картин, показывающих теньевые стороны существования буддийских монастырей, впервые было выполнено в ноябре 1934 г. Г. О. Монзелером в сохранившейся рукописи [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6]. Триптих, как и композиция алтаря Ленинградского храма, был связан с реформой А. Доржиева по обновлению буддийской церкви. Приведем обширную цитату из вступительной части описания, которое имеет историческую ценность: «Музей истории религии обогатился замечательным экспонатом — это рисованная акварелью на шелку картина-триптих бурятского художника О. Будаева... За свою жизнь по разным монастырям Будаев много видел и хорошо узнал теньевые стороны пышной и величественной ламской церкви. Лам-

ская церковь — это крупнейший и богатейший феодал, который, как нарост, жиреет и добреет на труде крепостного крестьянства, несшего самые разнообразные виды повинностей. У монголов, как скотоводов, главным богатством является скот, и вот его-то крепостные крестьяне в виде оброка обязаны сдавать монастырю. Если крестьянин не сдает вовремя оброка, то светские чиновники, по указанию монастырского начальства, буквально выколачивают из должника эти недоимки, а если из крепостного уже окончательно нет возможности что-либо выколотить, то его подвергают ужасному наказанию — сажают в пожизненную долговую тюрьму, заковывают в колодки и бросают в таком виде в степи. Если у наказанного имеются родственники, то, собрав между собой недостающий оброк и сдав его монастырю, покупалась (так!) свобода несчастного, а если никто его не выкупал, то он был обречен на верную и мучительную смерть в колодках от голода и холода...» [Там же. Л. 6].

Центральная часть триптиха изображает монастырский двор, где казначей монастыря принимает пригнанный крепостными скот. Великолепна фигура «„уставшего от трудов“ толстого казначея, шелковым платком вытирающего струящийся по лбу пот и внимательно следящего за прогонкой своим подчиненным лошади, которую привел крестьянин, униженно ломающий шапку...» [Там же. Л. 6]. Принимающий слугитель смотрит у коня зубы.

Правая часть триптиха «изображает карательную экспедицию, снаряженную чиновниками во главе с представителями монастыря для сбора недоимок. У бедняцкой юрты остановился такой отряд. Женщины и дети плачут». У бедной семьи забирают последнюю корову. «Величественно и бесстрастно восседает на коне лама — представитель монастыря; издали верховые гонят уже забранный у недоимщиков скот; на переднем плане, как грешника в аду, четыре чиновника лупят палками и нагайками полууголого должника» [Там же. Л. 6].

На левой части триптиха «вдали виднеется город-монастырь, куда со всех сторон стекаются караваны верблюдов, стада скота. На переднем плане лежат закованные ногами в общую колоду шесть безнадежных должников... Эти картины, написанные с большим мастерством, сочетают в себе великолепную миниатюрную технику бывшего буддийского монаха-богомаза, восточную перспективу, правда, уже немного подпорченную европейским влиянием, наивную стилизацию и предельный реализм» [Там же. Л. 6]. В композициях триптиха «Взыскание церковных податей» О. Будаев стремился передать реальное пространство с помощью линейной и воздушной перспективы.

О. Б. Будаев выполнил также несколько работ по заказу Центрального антирелигиозного музея (Москва). В их числе тангка «Шамбалинская война». В основе сюжета — текст Панчен-ламы VI (III) Лобсан Палдан Ешея (1737–1780) «Источник десяти мил-

лионов чудес — Объяснение великого места сидхов страны Шамбалы и описание Индии» (1775). Согласно этому тексту, Шамбала расположена на севере в краю снегов. Столицей страны является прекрасный город, где находится сложенный из драгоценных камней дворец царей Шамбалы из династии Ригден, а также символический дворец Калачакры. В учении тантры Калачакры предсказывается, что весь мир будет охвачен ложной религией насилия *лало*¹ и что в определенный срок *лало* нападут на Шамбалу. В это время страной будет править двадцать пятый царь из династии Ригден по имени Джапо, который будет воплощением бодхисаттвы мудрости Манджушри. Когда враги нападут на Шамбалу, Ригден Джапо соберет огромное войско, состоящее из десяти миллионов летающих лошадей, четырехсот тысяч слонов, полмиллиона колесниц. В битве с *лало* ему будут помогать двенадцать богов, и он победит. Буддизм распространится по всей земле, и наступит золотой век, который будет длиться 1000 лет, после чего начнется постепенная деградация вплоть до полного исчезновения в нашем мире учения Калачакры и в целом буддийского учения в проповеди Будды Шакьямуни. Полагается, что период отсутствия буддийского учения продлится до прихода Майтреи — следующего будды².

При создании композиции Будаев опирается на данный текст. В верхней части в белоснежном круге на фоне зеленых гор изображена страна Шамбала, разделенная на восемь частей. В нижней части иконы справа — шамбалинское войско с колесницами, слонами, о которых идет речь в предсказании, в левой — бегущие под градом волшебных кинжалов-*турбу* войска *лало*. В середине битвы располагается изображение могущественного царя Шамбалы Ригдена Джапо, повергающего ниц предводителя *лало* Данджи Лодоя. После Великой Отечественной войны коллекции Центрального антирелигиозного музея, закрытого в 1940-е гг., поступили в Музей истории религии и атеизма АН СССР.

Вскоре после смерти В. Г. Богораз-Тана, 16 мая 1936 г. Будаев был «переведен на разовую работу и уволен из штата музея» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 8]. Художник работал в Музее революции (ныне Музей политической истории России), который располагался до 1955 г. в залах первого и второго этажей Зимнего дворца [Елихина, 2015. С. 320]. К этому

¹ Под этой религией подразумевался ислам: военные походы иноземных мусульманских завоевателей на Индию сопровождалась гонениями на местные религии, попытками насильственного обращения жителей в ислам, разрушениями храмов, монастырей и т. д. В X в. тюркская династия Газневидов утвердилась в Пенджабе и стала вести борьбу за продвижение вглубь Индии [Satish Chandra, 2006. С. 16–18]. Именно в этот период в индийском буддизме оформляется учение Калачакры, включившее в себя эсхатологический миф о последующей схватке войск царя Шамбалы с мусульманами-*лало*.

² Подробнее см.: [Стрелков, 2010].

времени, по-видимому, относится создание картины «Борьба с басмачеством», в которой также сочетаются элементы традиционной буддийской живописи (во-первых, техника исполнения минеральными красками на полотне, а также характерное внимание к деталям) и европейской линейной и воздушной перспективы. О. Б. Будаев жил в общежитии буддийского храма и был схвачен в ходе массового ареста, произведенного среди жителей этого дома 22 февраля 1937 г. Приговор (высшая мера наказания) вынесен 29 августа 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, в тот же день он был расстрелян [Васильков, Сорокина, 2003. С. 79]. Дело по обвинению Будаева было пересмотрено 14 декабря 1959 г. и за отсутствием состава преступления прекращено [Цыбыктарова, 1992. С. 50].

Таким образом, в статье высказано предположение о том, что хранящиеся в ГМИР монументальные иконы-тангка могут принадлежать кисти О. Б. Будаева. Долгое время считалось, что местонахождение его больших икон с изображением шестнадцати архатов, написанных для Ленинградского буддийского храма, неизвестно. В статье уточнены почерпнутые из СПбФ АРАН биографические сведения, дополняю-

щие представления о жизни художника, проанализированы некоторые его произведения.

Сегодня в обновленных залах Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге мы можем видеть многие замечательные работы художника, в их числе репрезентативная икона-тангка буддийского храма в Санкт-Петербурге «Колесо сансары», а также выполненное им оформление первой экспозиции отдела «Буддизм-ламаизм». Также произведения О. Будаева находятся в дацанах Бурятии, Агинского Бурятского округа, в Государственном Эрмитаже, Национальном музее Республики Бурятия, Музейно-выставочном центре Забайкальского края, Агинском национальном музее им. Г. Ц. Цыбыкова.

Интересно отметить, что сто лет назад у бурятских буддийских художников возник интерес к особенностям западной художественной системы, а в наше время современные бурятские художники, закончив обучение по академической русской (по сути, европейской) системе образования, стремятся в поисках национальной идентичности вернуться к своим истокам, к восточной плоскостной декоративной живописи.

Использованная литература

- Андреев, 1990: *Андреев А. И.* Из истории петербургского буддийского храма // Минувшее. Париж, 1990. № 9 (*Andreev A. I.* Iz istorii peterburgskogo buddijskogo hrama // *Minuvshee*. Parizh, 1990. № 9).
- Андреев, 2005: *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2005 (*Andreev A. I.* Tibet v politike carskoj, sovetskoi i postsovetskoi Rossii. SPb., 2005).
- Андреев, 2007: *Андреев А. И.* Санкт-Петербургский дацан / St. Petersburg Datsan [Русско-английское издание]. СПб.: Нестор-история, 2007 (*Andreev A. I.* Sankt-Peterburgskij datsan / St. Petersburg Datsan [Russko-anglijskoe izdanie]. SPb.: Nestor-istoriya, 2007).
- Асалханова, 2013: *Асалханова Е. В.* Малоизвестные страницы биографии Г.-Ч. Цэбэгийн — мастера петербургского буддийского храма // Вестник С.-Петербургского ун-та. 2013. Сер. 15. Вып. 2. С. 93–101 (*Asalkhanova E.* Maloizvestnye stranicy biografii G.-Ch. Cebegijna — мастера peterburgskogo buddijskogo hrama // *Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta*. 2013. Ser. 15. Vyp. 2. S. 93–101).
- Асалханова, 2013а: *Асалханова Е. В.* Роль Н. К. Рериха и бурятских художников Г.-Ч. Цэбэгийн и О. Б. Будаева в создании храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге // Рериховское наследие : Труды конференции. Т. XI. СПб., 2013. С. 511–521 (*Asalkhanova E.* Rol' N. K. Rerihy i buryatskih hudozhnikov G.-Ch. Cebegijna i O. B. Budaeva v sozdanii hramovoj dekoracii dacana Gunzehchojnej v Peterburge // *Rerihovskoe nasledie* : Trudy konferencii. T. XI. SPb., 2013. S. 511–521).
- Асалханова, 2015: *Асалханова Е. В.* Буддийский храм в Петербурге (1909–1915). К 100-летию со дня основания. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранства. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2015. 192 с. (*Asalkhanova E.* Buddijskij hram v Peterburge (1909–1915). K 100-letiju so dnya osnovaniya. Konceptsiya i programma istoriko-hudozhestvennoj rekonstrukcii zhivopisnogo ubranstva. Irkutsk : Izd-vo IRNITU, 2015. 192 s.).
- Асалханова, 2017: *Асалханова Екатерина.* Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранства: Дис. ... канд. иск. Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л. В. Собинова, 2017 (*Asalkhanova Ekaterina.* Dacan Gunzehchojnej v Sankt-Peterburge. Kontseptsiya i programma istoriko-hudozhestvennoj rekonstrukcii zhivopisnogo ubranstva: Dis. ... kand. isk. Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. L. V. Sobinova, 2017).
- Бадмажапов, 1996: *Бадмажапов Ц.-Б.* Буддийская живопись Бурятии. Улан-Удэ : Нютаг, 1996 (*Badmazhapov C.-B.* Buddijskaya zhivopis' Buryatii. Ulan-Udeh : Nyutag, 1996).
- Васильков, Сорокина, 2003: *Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (*Vasil'kov Y. V., Sorokina M. Y.* Lyudi i sud'by, Bibliograficheskij slovar' vostokovedov — zherty politicheskogo terrora v sovetskij period (1917–1991). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003).
- Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004: *Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М.: Едиториал УРСС, 2004 (*Ganevskaya E. V., Dubrovin A. F., Ogneva E. D.* Pyat' semej Buddy. Metallicheskaya skulptura severnogo buddizma IX–XIX vv. iz sobraniya GMV. M.: Editorial URSS, 2004).

- Герасимова, 1956: *Герасимова К. М.* К истории изобразительного искусства бурят // Зап. Бур.-Монг. НИИК. Вып. XXI. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1956 (*Gerassimova K. M.* K istorii izobrazitel'nogo iskusstva buryat // Zapiski Bur.-Mong. NIIC. Vyp. XXI. Ulan-Udeh: Burmon-giz, 1956. S. 106–116).
- Дондокова, 2009: *Дондокова Н. Д.* Данзан Дондоков (1895–1983) // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 1, 2, 3, 4. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2009. Т. I. С. 107–109 (*Dondokova N. D.* Danzan Dondokov (1895–1983) // Vydayushchiesya buryatskie deyateli. Vyp. 1, 2, 3, 4. Ulan-Udeh: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 2009. T. I. S. 107–109.).
- Заятуев, 1991: *Заятуев Н.-Г.* Цаннид-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991 (*Zayatuev N.-G.* Tsannid-khambo Agvan Dorzhiev. Ulan-Udeh, 1991).
- Елихина, 2015: *Елихина Ю. И.* Одна живописная работа О. Будаева из коллекции Государственного Эрмитажа // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Шестые Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2015. С. 318–320 (*Elihina Y. I.* Odnа zhivopisnaya rabota O. Budaeva iz kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha // Buddijskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: Shestye Dorzhievskie chteniya. SPb.: Giperion, 2015. S. 318–320).
- Соктоева, Улзытуева, Алексеева, Бороноева, 2011: *Соктоева И. И., Улзытуева Н. А., Алексеева Т. Е., Бороноева Т. А.* Изобразительное искусство Бурятии (Из собрания Национального музея республики Бурятия: коллекции Бурятского республиканского художественного музея им. Ц. С. Сампилова, Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, Музея Бурятского научного центра СО РАН, Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева, частных коллекций). Улан-Удэ: Изд-во ООО «Новаяпечать», 2011 (*Soktoeva I. I., Ulzytueva N. A., Alekseeva T. E., Boronoeva T. A.* Izobrazitel'noe iskusstvo Buryatii, (Iz sobraniya Nacional'nogo muzeya respubliki Buryatiya: kollekcii Buryatskogo respublikanskogo hudozhestvennogo muzeya im. C. S. Sampilova, Muzeya istorii Buryatii im. M. N. Hangalova, Muzeya Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN, Kyahinskogo kraevedcheskogo muzeya im. V. A. Obrucheva, chastnyh kollekcij). Ulan-Udeh: Izd-vo ООО «Novaprint», 2011).
- Дагьяб, 2012: *Дагьяб Лоден Шерап Ринпоче.* Секреты буддийских символов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2012. (*Dag'yab Loden Sherap Rinpoche.* Sekrety buddijskih simvolov. Ulan-Ude: Izd-vo ОАО «Respublikanskaya tipografiya», 2012).
- Мазурина, 2009: *Мазурина В. Н.* О коллекции Осора Будаева в собрании Государственного музея истории религии // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Третьи Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 201–206 (*Mazurina V. N.* O kollektsii Osora Budaeva v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. Buddijskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: Tre't'i Dorzhievskie chteniya. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. S. 201–206).
- Менжигийн, Бадмаев, 2009: *Менжигийн Д. Т., Бадмаев Е. Л.* Гэлэг-Жамсо Цэбэгэй (Мархаа дороомбо) // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 1, 2, 3, 4. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2009. Т. I. С. 109–111 (*Menzhigijn D. T., Badmaev E. L.* Geleg-Zhamso Tsebe-gijn (Marhaa doroombo). Vydayushchiesya buryatskie deyateli. Vyp. 1, 2, 3, 4. Ulan-Udeh: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 2009. T. I. S. 109–111).
- Пубаев, 1989: *Пубаев Р. Е.* Агван Доржиев. Национально-освободительное движение бурятского народа: Тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 94–98 (*Pubaev R. E.* Agvan Dorzhiev. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie buryatskogo naroda: Tezisy i materialy dokladov i soobshchenij. Ulan-Ude, 1989. S. 94–98).
- Стрелков, 2010: *Стрелков А. М.* Легенда о Шамбале буддийского учения Калачакра. Улан-Удэ: Удумбара, 2010 (*Strelkov A. M.* Legenda o Shambale buddijskogo ucheniya Kalachakra. Ulan-Udeh: Udumbara, 2010).
- Хижняк, 1996: *Хижняк О. С.* Шесть миров Сансары // Альманах «Аватара». М., 1996. С. 163–171 (*Hizhnyak O. S.* Shest' mirov Sansary. V sb. Al'manah «Avatara». M., 1996. S. 163–171).
- Хижняк, 2008: *Хижняк О. С.* Буддийская коллекция Государственного музея истории религии. СПб.: Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2008 (*Hizhnyak O. S.* Buddijskaya kollekciya Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskij tsentr SPbGUTD, 2008).
- Цыбыктарова, 1992: *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев — мастер Петроградского буддийского храма // Orient. Альманах. СПб.: Утпала, 1992. Вып. 1: Буддизм и Россия. С. 38–50 (*Tsybyktarova S. D.* Osor Budaev — master Petrogradskogo buddijskogo hrama // Orient. Al'manah. SPb.: Utpala, 1992. Vyp. 1: Buddizm i Rossiya. S. 38–50).
- Satish Chandra, 2006: *Satish Chandra.* Medieval India. From Sultanat to the Mughals. Pt. 1: Delhi Sultanat (1206–1526). Rev. ed. New Delhi: Har-Anand Publications PVT LTD, 2006.
- Snelling, 1990: *Snelling J.* Agvan Dorjiev: Eminence Grise of Central Asian Politics // Asian Affairs. L., 1990. Vol. 21, N. S., pt. 1. P. 36–43.
- Snelling, 1993: *Snelling J.* Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tzar. Shaftesbury, Dorset, 1993.
- 'Dul ba gzhi (Vinaya-vastu) // Вка' 'gyur (Дэргэское издание), раздел 'Dul ba, тома ka—nga.

Архивные источники

- СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 8: Фонд Музея истории религии и атеизма АН СССР. — Трудовой список О. Б. Будаева (составила отв. исполнитель по личному составу Н. Крылова). (SPbF ARAN. F. 221. Op. 4. D. 8: Fond Muzeya istorii religii i ateizma AN SSSR. — Trudovoj spisok O. B. Budaeva (sostavila отв. ispolnitel' po lichnomu sostavu N. Krylova)). [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Manuscripts Department. Stock 221. Record 8]. (In Russian)
- СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 32: Фонд Музея истории религии и атеизма АН СССР. — План и отчет о работе музея за 1934 г. (SPbF ARAN. F. 221. Op. 2. D. 32: Fond Muzeya istorii religii i ateizma AN SSSR. — Plan i otchet o rabote muzeya za 1934 g.) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Manuscripts Department. Stock 221. Record 32]. (In Russian)
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103: *Богораз-Тан В. Г.* Новые безбожные пути церковного бурятского искусства.

Машинопись. 29 ноября 1934 г. (SPbF ARAN. F. 250. Op. 3. D. 103: *Bogoraz-Tan V. G. Novye bezbozhnye puti cerkovnogo buryatskogo iskusstva. Mashinopis'. 29 noyab-*

rya 1934 g.) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Manuscripts Department. Stock 250. Record 103]. (In Russian)

Ekaterina V. Asalkhanova
Artist of the St. Petersburg Buddhist Temple
Osor Budaev (1887–1937)

The article is a supplemented and amended version of the report «On the Issues of Reconstructing the Biography and Attributing Some Works of Osor Budaev (1887–1937), an Artist and Decorator of the St. Petersburg Buddhist Temple» read on October, 16 2015 at the International Scientific Conference «On the 100-anniversary of the founding of the St. Petersburg Buddhist Temple Datsan Gunzechoinei», which was held at the State Hermitage, St. Petersburg. The article focuses on the life and works of the outstanding Buryat artist Osor Budaev, one of whose masters who decorated the St. Petersburg Buddhist temple (1909–1915). His role in this process was particularly important. Thus, he largely contributed to the construction and decoration of the main altar of the St. Petersburg Buddhist temple. He painted the very important symbolic composition «Bhavachakra» (now in the collection of the State Museum of the history of religion in St. Petersburg) and eight large monumental thang-ka depicting sixteen arhats, main disciples of Buddha Sakyamuni. Perhaps, these works are situated in the State Museum of the history of religion too. Osor Budaev may also create a wooden carving with mineral color painting in the St. Petersburg Buddhist temple. Some paintings by Osor Budaev are also examined in regard of their composition, style of painting, his interest to the European art system, linear and air perspective, a treatment of light and shade, using of oil paints and ets. Artist began to combine the two different systems (East and West) in a single composition. Modern Buryat artists tend to mix these different systems and follow their own inspiration in the search of a national identity.

Key words: Buddhist scroll painting, thang-ka painting, bhavachakra, sixteen arhats, the St. Petersburg Buddhist temple, Buryatia, Osor Budaev.

А. В. Зорин, А. А. Сизова

О коллекции книг и изобразительных материалов, привезенных Б. Я. Владимирцовым в 1926 г. из Пекина

DOI 10.25882/sl1aw-gc94; © А. В. Зорин, А. А. Сизова, 2019

Статья вводит в научный оборот новые данные о т. н. Пятой коллекции Б. Я. Владимирцова в составе Монгольского фонда Азиатского Музея (ИВР РАН). Обнаруженные в СПбФ АРАН и в Архиве ОРД ИВР РАН документы, касающиеся ее передачи, позволили установить, что материалы, привезенные Б. Я. Владимирцовым из Пекина в 1926 г., не ограничивались шестнадцатью единицами хранения, зафиксированными в работах Л. С. Пучковского и А. Г. Сазыкина (у последнего одна единица хранения оказалась неучтенной). Полный список включал в себя 43 пункта: рукописи, ксилографы, литографии, «импринты» на монгольском и маньчжурском языках, а также билингвы и трилингвы; изобразительные материалы. Кроме того, нами было обнаружено, что в 1927 г. Б. Я. Владимирцов передал в Азиатский Музей еще семь предметов.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, монгольские книги, иконы, коллекция Азиатского Музея.

Деятельность Б. Я. Владимирцова (1884–1931) как собирателя монгольских рукописных и старопечатных материалов, пополнивших собрание Азиатского Музея (ныне ИВР РАН), представляется, на первый взгляд, достаточно хорошо известной: перечень коллекций Б. Я. Владимирцова содержится в статье Л. С. Пучковского [Пучковский, 1954. С. 98], а их подробный обзор — в специальной большой статье А. Г. Сазыкина [Сазыкин, 1986], который не только описал пять коллекций Б. Я. Владимирцова в МФ тогдашнего Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (с исправлением некоторых неточностей в статье предшественника), но и выявил шестую (не в хронологическом порядке, но в продолжение «канонического» списка из пяти коллекций), в которую вошли материалы, привезенные в 1926 г. Соответствующая информация повторена и в каталогах МФ, составленных обоими авторами [Пучковский, 1957. С. 4; Сазыкин, 1988. С. 14–15].

Между тем внимательное изучение данных по пятой коллекции (книги, привезенные в 1926 г. из Пекина¹), которые содержатся в работах Л. С. Пуч-

ковского и А. Г. Сазыкина, выявляет расхождение в количестве книг этой коллекции: если Л. С. Пучковский пишет о 16 номерах [Пучковский, 1954. С. 98; 1957. С. 4], то А. Г. Сазыкин — только о 15, при этом само количество номеров у него равно 16, но среди них имеется пропуск (отсутствует номер 14) [Сазыкин, 1986. С. 281; 1988. С. 14]. Более того, в результате наших разысканий выяснилось, что материалы, привезенные Б. Я. Владимирцовым в 1926 г., далеко не исчерпывались даже шестнадцатью единицами хранения МФ ИВР РАН.

Начало данной работе было положено в ходе инвентаризации и каталогизации иллюстративного фонда тибетско-монгольских коллекций ИВР РАН², когда были выявлены три иконы с шифрами Азиатского Музея с отсылкой к описи 1927 г. (№ 123–125), а также с дополнительными шифрами, которые первоначально не удалось интерпретировать: В V 22, В V 23, В V 24. Впоследствии стало понятно, что первые две литеры означают не что иное, как пятую (римская цифра V) коллекцию Владимирцова (В), и

¹ Б. Я. Владимирцов был активным участником работы т. н. Монгольской комиссии (Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии) и в 1925–1926 гг. руководил ее этнолого-лингвистическим отрядом; в июле 1926 г. он отправился из Улан-Батора в Пекин, и фактически роль руководителя отряда принял на себя Н. Н. Поппе [Юсупова, 2006. С. 85–86, 228]. Некоторые обстоятельства покупки им книг в Пекине зафиксированы в дневнике его коллеги — акад. В. М. Алексеева: «В Сунчжоусы нам приготовили столь искомые рукописи монгольских романов. Заломили \$ 96. Я неуклюже торговался, но далее \$ 86 не

смог: выяснилось, что есть целый ряд охотников на них... Разговор, чрезвычайно веселый, идет в душном помещении в течение часа и оканчивается приобретением рукописей — для Б. Я. триумф... Нас сводят с продавцом редкой книги. Рукопись на трех языках: монгольском, маньчжурском, китайском — „Маньчжоу юань лю“, в 8-ми бэнях, с рисунками, написанная при Кан-си (?). За нее 2400 руб. У нас выкатились глаза и, просидев 5 минут в келье ламы, сводничающего книгу, едем» [Баньковская, 2010. С. 191].

² Об этом новом фонде в составе ИВР РАН см.: [Зорин, 2014. С. 169–170].

после них следуют номера внутри этой коллекции³. В Архиве востоковедов ИВР РАН нами был обнаружен документ, зафиксировавший передачу Б. Я. Владимирцовым Азиатскому Музею пяти изобразительных предметов: трех икон, ошибочно названных изображениями царя Гэсэра⁴, а также двух «портретов»: хана Хубилая и некоего князя⁵ [СПбФ АРАН 152-1а-116. Л. 30]. Две иконы из трех (И-412, И-414) до 2007 г. хранились в старом собрании икон внутри Тибетского фонда, а третья (новый шифр И-701) — в художественном фонде (старый шифр Х-24). Логично было обратиться к материалам последнего в поиске двух «портретов», и один действительно был в нем найден, а именно — живописный свиток с изображением Хубилая и надписью на китайском (Х-59; В V 26 и № 121 по описи 1927 г.)⁶. Следующая единица хранения в художественном фонде (Х-60) представляет собой тонкий лист бумаги⁷ с ксилографическим изображением двадцати фигур китайского буддийского пантеона. Интерпретация этого изображения как «портрета князя» выглядит неправдоподобно, кроме того, на ней не удалось найти шифров по описи 1927 г. и в составе пятой коллекции Б. Я. Владимирцова⁸. Впрочем, совсем исключить вероятность ошибочной интерпретации в инвентарной книге, по крайней мере до обнаружения искомого предмета, мы не можем⁹.

³ Догадку о том, что литера V может означать именно номер некоей коллекции, была впервые высказана Н. В. Ямпольской 8 октября 2014 г. (при обсуждении доклада А. В. Зорина на Международной научной конференции «Б. Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века», проходившей в ИВР РАН).

⁴ Изображениями царя Гэсэра являются только две иконы: И-412 и И-414; третья (И-701) представляет собой икону девяти братьев *дра-лха*. Одна из них, изображающая Гэсэра в образе легендарного китайского полководца Гуань-ди (И-414), была опубликована с аннотацией в каталоге [Зорин, Иохвин, Крякина, 2013. № 106. С. 224–225]. С ней типологически сходна вторая икона Гэсэра, И-412, отличаясь только добавлением еще двух фигур в окружении божества. Третья икона, И-701, изображающая девятых братьев *дра-лха*, аналогична опубликованной иконе И-117 [Зорин, Иохвин, Крякина, 2013. № 104. С. 220–221].

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 116: Акт [о передаче портретов и икон, привезенных Б. Я. Владимирцовым из Пекина в 1926 г.]; см. л. 30.

⁶ Мы благодарим нашего коллегу по отделу рукописей и документов ИВР РАН К. М. Богданова за помощь в выявлении этой единицы хранения.

⁷ С обратной стороны листа для лучшей его сохранности были наклеены два слоя довольно грубой бумаги, между которыми вклеен слой негрунтованного полотна. Эти слои были сняты в ноябре 2014 г. художниками-реставраторами ОРД ИВР РАН Л. И. Крякиной и Е. С. Озерновой (Лобовой) при проведении работ по консервации данной единицы хранения.

⁸ Икона была опубликована и детально проанализирована, см.: [Зайцев, Сизова, 2015].

⁹ Данный предмет следует в составе художественного фонда за изображением Хубилая, на нем имеется «китайская надпись» (упоминаемая в акте приема-передачи).

Итак, четыре из пяти рассмотренных единиц хранения имеют на оборотной стороне шифры Азиатского Музея с отсылкой к описи 1927 г. В архиве ОРД ИВР РАН среди старых инвентарных книг хранится и инвентарь новых поступлений Азиатского Музея, касающихся Дальнего Востока за 1926–1929 гг. В нем под номерами 121–125 за 1927 г. (запись датирована 21 апреля 1927 г.) перечислены два портрета и три иконы, а перед ними, под номерами 83–120 — книги и рукописные материалы на монгольском и маньчжурском языках, и все вместе эти номера обозначены как поступившие в 1926 г. от Монгольской комиссии, а именно от Б. Я. Владимирцова [Арх. 8. Л. 11–13]¹⁰. Таким образом, стало понятно, что изобразительные материалы составляли единое целое с книгами, общее число которых значительно превосходило 15–16 номеров Монгольского фонда.

Впоследствии был обнаружен и акт приема-передачи книг: он хранится ныне в личном фонде Б. Я. Владимирцова в СПбФ АРАН¹¹.

В задачи настоящей статьи не входит составление каталога этих предметов. Данная работа ведется В. П. Зайцевым и А. А. Сизовой. На данный момент выявлены 36 из 43 заявленных в списке единиц хранения в составе нескольких фондов рукописного собрания и в НБ ИВР РАН. Ограничимся здесь их краткой классификацией с указанием актуальных шифров:

I. Монгольские материалы (всего 15):

- 1) рукописи — 8;
  - 83 — № 1 — МФ: F 298¹²
  - 84 — № 2 — МФ: F 253
  - 85 — № 3 — МФ: F 226
  - 86 — № 4 — МФ: F 229
  - 87 — № 5 — МФ: F 252
  - 88 — № 6 — МФ: F 232
  - 89 — № 7 — МФ: F 233

Также стоит иметь в виду, что в инвентарной книге одна из икон описана неправильно.

¹⁰ Архив ОРД ИВР РАН. Шифр Арх. 8. Инв. № 8: Инвентарь О 1926–1929 Дал[ьний] Восток; см. л. 11–13. См. также отчет о работе Азиатского Музея за 1927 г.: «Поступили следующие коллекции рукописей: коллекция рукописей и ксилографов, переданная Монгольской комиссией (из материалов, вывезенных из Пекина проф. Б. Я. Владимирцовым) в количестве 43 назв[аний] и 205 т[омов] (монгольские и монгольско-китайские, также монгольско-маньчжурско-китайские книги)» (СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 106: План на 1927–1928 бюджетный год и отчеты АМ за 1927 г.; см. л. 29).

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 780. Оп. 2. Ед. хр. 11: Акт [о передаче монгольских и маньчжурских книг, привезенных Б. Я. Владимирцовым из Пекина в 1926 г.].

¹² Первый номер — по описи 1926–1929 гг. (см. сн. 10); второй номер — внутренний номер пятой коллекции. Старые шифры пятой коллекции (начинающиеся с литеры «В» и римской цифры «V») проставлены на единицах хранения двумя разными способами — мелким почерком черной тушью (эти шифры были впоследствии зачеркнуты и здесь приводятся в круглых скобках) и более крупным почерком цветным (красным или синим) карандашом (эти шифры на книгах НБ ИВР РАН были впоследствии затерты).

- 107 — № 8 — МФ: F 304
 2) ксилографы — 3;
 103 — № 14 (21) — МФ: D 15 ex. 2
 113 — № 15 — МФ: H 118
 114 — № 16 — МФ: I 62

- 3) книги, напечатанные наборным шрифтом — 3;

92 — № (17) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{8}$

109 — № - (-) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-A}{1}$

111 — № - (-) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-A}{2}$

- 4) литография — 1;

98 — № - (22) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{5}$

II. китайско-монгольские билингвы (всего 7):

- 1) книга, напечатанная наборным шрифтом — 1:

93 — № - (18) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{9}$

- 2) литографии — 5;

94 — № - (14) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-L}{4}$ экз. 1

90 — № - (15) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{5}$

97 — № - (23) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{6}$

91 — № - (16) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{6}$

95 — № - (24) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-B}{7}$

- 3) ксилограф — 1:

102 — № 11 — МФ: F 251

III. маньчжуро-монгольский ксилограф — 1:

106 — № 10 — МФ: G 56

IV. маньчжурские свитки — 5:

116 — № 17 (34) — МФ: B 108 mss

117 — № 19 — МФ: B 95 mss

118 — № 18 — МФ: B 106 mss

119 — № 21 (38) — МФ: B 94 mss

120 — № 20 (37) — МФ: B 107 mss

V. монгольско-китайско-маньчжурские трилингвы — 4:

105 — № 9 — МФ: F 320

100 — № 12 — МФ: D 129

99 — № 13 — МФ: D 139

108 — № - (33) — НБ ИВР РАН: М $\frac{S-L}{3}$

VI. изобразительные материалы — 4:

121 — № 26 — ХФ: X 59

125 — № 24 — ИФ: И-414

124 — № 23 — ИФ: И-412

123 — № 22 — ИФ: И-701

VII. неидентифицированные материалы — 7:

96, 101, 104, 110, 112, 115, 122 (ХФ: X 60?)

Отметим, что шифры пятой коллекции (начинающиеся с литеры «В» и римской цифры «V») проставлены на всех вещах, в нее входивших (кроме двух монгольских книг небольшого формата, напечатанных наборным шрифтом). Возможно, это было сделано самим Б. Я. Владимирцовым. Во всяком случае, в отчете о работе Азиатского Музея за 1927 г. зафиксировано, что «научн[ый] сотр[удник] I разр[яда] член-корр[еспондент] Б. Я. Владимирцов <...> [з]анимался разбором и описанием коллекции монгольских рукописей, вывезенных им из Пекина во время командировки в 1926 г. (211 библиотечных единиц) <...>»¹³.

Отдельно стоит сказать, что в той же инвентарной книге Азиатского Музея за 1927 г. под номерами 204–210 (запись от 6 мая 1927 г.) зафиксированы еще семь единиц, поступивших от Монгольской комиссии в лице Б. Я. Владимирцова¹⁴. В отчете Азиатского Музея за 1927 г. о них сказано: «7 номеров рукописей и разных материалов из прежних путешествий передал Б. Я. Владимирцов»¹⁵. Список составили:

1) четыре книги исторического характера (две монгольские рукописи, один монгольский «импринт», одна тибетская рукопись);

2) три пока не выявленные единицы хранения: одна литография, один машинописный текст и еще одна книга неясного типа.

Подробное описание этих изданий также готовится В. П. Зайцевым и А. А. Сизовой.

В заключение нельзя не отметить, что это не последние выявленные рукописи и старопечатные издания, связанные с именем Б. Я. Владимирцова. По крайней мере, в СПбФ Архива РАН в личном фонде академика имеется стопка текстов на монгольском, ойратском и тибетском языках¹⁶. Возможно, есть и другие материалы, которые еще ждут своего исследователя.

Использованная литература

Баньковская, 2010: *Баньковская М. В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай: Книга об отце. М.: Вост. лит. РАН, 2010 (*Ban'kovskaia M. V. Vasilii Mikhailovich Alekseev i Kitai: Kniga ob otse.* М.: Vost. lit. RAN, 2010).

Зайцев, Сизова, 2015: *Зайцев В. П., Сизова А. А.* Икона с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (23), 2015. С. 96–115 (*Zaitsev V. P., Sizova A. A. Ikona s izobrazheniem kitaiskogo buddiiskogo pan-*

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 106; см. л. 30.

¹⁴ Архив ОРД ИВР РАН. Шифр Арх. 8. Инв. № 8; см. л. 14 об. – 15.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 106; см. л. 29.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 23: Монгольские, тибетские и калмыцкие рукописи XIX и XX вв. Фрагменты.

- teona iz kolekcii IVR RAN // Pis'mennye pamiatniki Vostoka. № 2 (23). 2015. S. 96—115).
- Зорин, 2014: *Зорин А. В.* Тибетский фонд ИВР РАН: история формирования, актуальное состояние и перспективы развития // Тибетология в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 164–172 (*Zorin A. V.* Tibetskii fond IVR RAN: istoriya formirovaniya, aktual'noe sostoianie i perspektivy razvitiya // Tibetologiya v Sankt-Peterburge. Vyp. 1. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. S. 164–172).
- Зорин, Иохвин, Крякина, 2013: Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / авт.-сост.: А. В. Зорин, М. Б. Иохвин, Л. И. Крякина; под общ. ред. А. В. Зорина; научный консультант А. А. Терентьев. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013 (Sto vosem' buddiiskikh ikon iz sobraniya Instituta vostochnykh rukopisei RAN / Avtory-sostaviteli: A. V. Zorin, M. B. Iokhvin, L. I. Kriakina; Pod obshch. red. A. V. Zorina; Nauchnyi konsul'tant A. A. Terent'ev. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013).
- Пучковский, 1954: *Пучковский Л. С.* Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 90–127 (*Puchkovskii L. S.* Sobranie mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR // Uchen. zap. In-ta vostokovedeniia. T. IX. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. S. 90–127).
- Пучковский, 1957: *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. [Вып.] I: История, право. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (*Puchkovskii L. S.* Mongol'skie, buriat-mongol'skie i oiratskie rukopisi i ksilografy Instituta vostokovedeniya. [Vyp.] I: Istoriia, pravo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957).
- Сазыкин, 1986: *Сазыкин А. Г.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от Б. Я. Владимирцова // Mongolica: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова, 1884–1931. М.: Наука. ГРВЛ, 1986. С. 265–297 (*Sazykin A. G.* Mongol'skie rukopisi i ksilografy, postupivshie v Aziatskii muzei Rossiiskoi Akademii nauk ot B. Ia. Vladimircova // Mongolica: Pamiati akademika Borisa Iakovlevicha Vladimircova, 1884–1931. M.: Nauka; GRVL, 1986. S. 265–297).
- Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Том I. М.: Наука. ГРВЛ, 1988 (*Sazykin A. G.* Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. Tom I. M.: Nauka; GRVL, 1988).

Список сокращений

ИФ	— Иллюстративный фонд тибетско-монгольских коллекций ОРД ИВР РАН	ОРД ИВР РАН	— отдел рукописей и документов ИВР РАН
МРФ	— Фонд маньчжурских рукописей ОРД ИВР РАН	СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
МФ	— Монгольский фонд ОРД ИВР РАН	ХФ	— Художественный фонд ОРД ИВР РАН
НБ ИВР РАН	— Научная библиотека ИВР РАН		

A. Zorin, A. Sizova

On the collection of books and paintings brought by B. Ya. Vladimirtsov from Beijing in 1926

This paper introduces some new data on the so-called Fifth B. Ya. Vladimirtsov Collection preserved in the Mongolian Fund of the IOM RAS. The documents regarding its transfer found in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences and the IOM RAS Archives of the Orientalists allowed to ascertain that the items brought by B. Ya. Vladimirtsov from Beijing in 1926 were not limited with the sixteen books registered by L. S. Puchkovsky and A. G. Sazykin in their studies, the latter's list missing one of the books. The entire list included 43 entries: manuscripts, block prints, lithographs, «imprints» in Mongolian and Manchu, as well as some bilingual and trilingual books, and paintings. Moreover, it turned out that in 1927 B. Ya. Vladimirtsov passed seven more items to the Asiatic Museum.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, Mongolian books, icons, collection of the Asiatic Museum.

Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова

**Религия как публичное пространство политики.
Размышления историографов по поводу монографии Орловой К. В.
«Христианизация калмыков в контексте внутренней
и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.)»
М.: ИВ РАН, 2018. 400 с.¹**

DOI 10.25882/q7qr-q009; © Л. В. Курас, И. С. Цыремпилова, 2019

Основой для историографических размышлений авторов статьи стала монография известного ученого-религиоведа К. В. Орловой, посвященная проблеме христианизации калмыков. Заслуга автора заключается в том, что деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в исследовании неотделима от внутренней и внешней политики Российской империи. Более того, она является проводником и идеологом в осуществлении инкорпорации калмыков в публичное пространство политики.

Одновременно с анализом монографии авторы рассматривают состояние современной историографии проблемы миссионерства РПЦ в отношении монгольских народов, предполагая возможность продолжения исследования.

Ключевые слова: Российская империя, религия, христианизация калмыков, Русская православная церковь, православная миссия, монгольские народы, социокультурная интеграция.

В течение своей двухтысячелетней истории христианство являлось мощным фактором развития человеческого общества и государств, оказывая влияние и воздействие на их общественную, культурную и политическую жизнь. Что касается непосредственной деятельности Русской православной церкви (РПЦ), то она, по справедливому мнению А. И. Овчаровой, «на протяжении всего времени ее существования заключалась в следовании государственному „фарватеру“» [Овчарова, 2014. С. 93]. То есть христианство изначально не было частным делом человека, а превратилось в публичное пространство политики [Мчедлова, 2011; Шабунин, 2013]. При этом институционализированные религиозные организации, главной задачей которых было пастырское служение, не только не отдаляются от институтов власти, но и играют все более значительную роль в мировом политическом процессе как субъекты политического целеполагания. Поэтому политизация религии и включение религиозных организаций в политику требует отхода от традиционных рамок рассмотрения соотношения религии и общества, рели-

гии и политики, определявшихся долгое время политическими императивами теорий секуляризации и модернизации. Сложившаяся модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику привела к тому, что постепенно религиозное мышление, практика и религиозные институты «утрачивают свое значение, перестают удовлетворять эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни» [Панарин, 2006. С. 16]. Исходя из обозначенного посыла, монография специалиста в области христианизации монгольских народов К. В. Орловой является актуальной не только в научном, но и в социальном аспекте и выступает логическим продолжением опубликованного ею в 2006 г. исследования [Орлова, 2006]. Свидетельством востребованности проблемы является неослабевающий интерес к вопросу христианизации калмыков в современной российской историографии [Горяев, 2018]. Принципиальность этого явления отмечается и автором монографии в части оценки христианизации советской и современной российской историографией [Там же. С. 31, 33–34].

Монография состоит из пяти глав (11 параграфов).

Первая глава — «Процесс вхождения калмыков в состав России и образование калмыцкого ханства» — является своеобразным историческим фоном, рас-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания России (проект XII.187.1.4.«XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации — АААА-А17-117021310264-4).

крывающим особенности инкорпорации калмыков в Российское публичное пространство. С первых же строк исследователь знакомит читателя с двумя точками зрения по вопросу о происхождении калмыков, и каждая из них имеет и будет иметь в последующем своих адептов. Для нас же представляются наиболее важными три аспекта, на которых К. В. Орлова заостряет внимание. Во-первых, «история современных калмыков связана с историей монгольских народов Центральной Азии» и в то же время «калмыки — единственный народ монгольской расы, проживающий в Европе» [Орлова, 2018. С. 41]. Во-вторых, калмыки на территории России являются «пришлым народом», который «обрел место постоянного проживания» [Там же. С. 7]. При этом «их не завоевывали, как другие нерусские народы, когда развернулась активная политика присоединения регионов» [Там же. С. 61]. И наконец в-третьих, «в Россию калмыки пришли, достигнув определенного уровня социально-экономического развития общества, со своим буддийским мировоззрением» [Там же. С. 52]. Эти особенности как раз и предопределили складывание калмыцкой государственной автономии на территории России в форме ханства.

Возникновение особой формы государственности калмыков привело к тому, что калмыцкий этнос органично врос в систему имперской власти России. Этой проблеме посвящена вторая глава монографии — «Роль калмыцкого фактора во внешней и внутренней политике России», где первый параграф посвящен участию калмыков в военных операциях России против Речи Посполитой и ее союзника Крымского ханства, в Северной войне, в русско-турецких кампаниях и в усмирении бунтов поволжских народов. Все это положило начало «обязательной военной службе калмыков». Анализ участия калмыков во многих военных операциях, а также в усмирении татар и башкир, подавлении восстаний Степана Разина и Кондратия Булавина сделали калмыков «реальной военной силой в решении военно-политических проблем» [Там же. С. 80]. В этой связи представляется важным второй параграф главы «Ограничение политической самостоятельности Калмыцкого ханства как стратегическая задача государства». Исследователь подчеркивает, что Россия «тщательно отслеживала контакты тайшей с османским султаном, крымским ханом, сородичами из Джунгарии, с Китаем, т. е. с теми государствами и политическими силами, которые могли представлять угрозу геополитическим интересам России» [Там же. С. 81]. Это было обусловлено тем, что и Османская империя, и Крымское ханство «неоднократно предпринимали попытки привлечь калмыков на свою сторону» [Там же. С. 82]. И если сначала «отношения российской власти и калмыцких ханов... носили характер взаимных компромиссов», то после смерти хана Аюки «началось активное и прямое вмешательство российского правительства во внутренние дела ханства». При этом «избрание хана стало прерогативой

правительства, претендента сначала объявляли наместником, а затем уже ханом» [Там же. С. 85, 96, 88]. Устанавливался полный контроль за внешними связями ханства, калмыцкий суд Зарго получил право решать бракоразводные дела нойонов, а судьи могли закреплять пастбища за владельцами. Все это, по справедливому мнению исследователя, способствовало «полному подчинению калмыков общеимперскому управлению», а следовательно, возникли объективные условия для христианизации. В этой связи глава III — «Эволюция политики христианизации калмыков в период их вхождения в состав России» — логично встраивается в структуру монографии. Глава состоит из трех параграфов, в которых рассматривается начальный этап христианизации калмыков с середины XVII в., образование и деятельность первой православной миссии среди калмыков, а также основание поселений крещеных калмыков на территории Российской империи. Уже в первой строке главы К. В. Орлова указывает на сложность ситуации, которая проявлялась в том, что «на территорию России калмыки пришли буддистами» [Там же. С. 97]. Более того, к середине XVII в., когда «пребывание ойратов/калмыков на территории России получило легитимный статус, в их духовной жизни достаточно прочно закрепился своеобразный буддийско-шаманский комплекс идей и представлений» [Там же. С. 103–104]. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что ко времени начала христианизации калмыков российское государство уже имело «более чем вековой опыт организации миссионерской работы, обращения в православие народов, вошедших в состав России». При этом «православие рассматривалось властью как средство „обрусения“ инородцев, их интеграции в единое социокультурное пространство, обеспечивающее единство и прочность государства» [Там же. С. 104]. Здесь хочется подчеркнуть, что этот аспект является основополагающим в современной православной историографии. В частности, профессор Православного Свято-Троицкого гуманитарного университета А. Б. Ефимов, говоря о миссионерской деятельности РПЦ, выделяет особую роль православия в становлении самосознания и формировании культуры русской нации, а также отмечает его влияние на развитие других народов и национальностей на территории Российского государства [Ефимов, 2007].

В параграфе подробно рассмотрены особенности и методы христианизации калмыков с середины XVII — начала XVIII в., которая, в отличие от христианизации народов Верхнего и Нижнего Поволжья, проводилась только на добровольной основе, что было «обусловлено военно-стратегическими соображениями» [Там же. С. 122]. Это было тем более важно, что представители иных конфессий также пытались обратить калмыков в свою веру [Там же. С. 120–121].

На наш взгляд, в параграфе было бы интересно сравнить результаты миссионерской деятельности в отношении калмыков и в отношении других монгольских народов, тем более что таким опытом располагала еще дореволюционная историография [Гурий, 1915]. Что касается научной базы для такого сравнения в отношении бурят [Шагжина, 2000] и монголов [Корниенко, 2018], то современная российская историография ею располагает.

Особый интерес представляет второй параграф, в котором рассматривается деятельность первой православной миссии среди калмыков. Исследователь совершенно обоснованно подчеркивает, что Российская империя в отличие от политики стихийного перехода в православие начинает осуществлять целенаправленную политику христианизации на территории Калмыцкого ханства, «цитадели» буддизма. По мнению властей, «закрепить калмыков на территории возможно лишь при условии их христианизации, изменения мировоззренческого и духовного мира» [Орлова, 2018. С. 122–123]. И эта задача была возложена на первую православную миссию, деятельность которой регламентировалась специальной инструкцией Св. Синода «О просвещении новокрещеных калмыков учением христианской веры» [Там же. С. 127–128].

К несомненным заслугам миссии автор монографии справедливо относит крещение представителей ханской семьи и его окружения [Там же. С. 124–125]. Важным аспектом деятельности миссии стал перевод христианской литературы на калмыцкий язык. На наш взгляд, здесь следует подчеркнуть, что это одно из важнейших направлений деятельности РПЦ в осуществлении христианизации монгольских народов. В этой связи мы обращаем особое внимание на тексты христианских проповедей о преимуществах христианства, книги православного содержания, которые издавались в XIX в. специально для бурят [Михайлова, 2013. С. 163].

Несомненно, важным аспектом христианизации стало открытие в Астрахани при Ивановском монастыре училища с целью обучения крещеных калмыцких детей русской грамоте [Там же. С. 133]. При этом исследователь не скрывает и факты напряженности и даже враждебного отношения к неофитам буддийских лам и некрещеных калмыков. Эта проблема стала основанием для создания специальных поселений крещеных калмыков на приграничных территориях России, что позволяло использовать их «в решении внутри- и внешнеполитических проблем, не обращаясь к хану» [Там же. С. 138]. Неслучайно в монографии этому вопросу посвящен специальный параграф. Так, К. В. Орлова подробно рассматривает феномен калмыцких поселений на Дону, в Чугуеве, на реке Терешке, в Ставрополе-на-Волге, на Тереке.

Для рецензентов представляется чрезвычайно важным тот факт, что в монографии проблема христианизации калмыков неотделима от системы госу-

дарственного строительства в России и определения места калмыков в системе государственного управления империи. Этому аспекту посвящена четвертая глава — «Калмыки в системе государственного управления Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.)», состоящая из двух параграфов. В первом параграфе повествуется о массовом исходе калмыков в Джунгарию в 1771 г. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной российской историографии. К. В. Орлова называет комплекс причин, побудивших калмыков покинуть степи Нижнего Поволжья: политика ограничения, проводившаяся российским государством по отношению к калмыкам; сокращение пастбищных площадей в связи со строительством укрепрайонов и крепостей; колонизация Нижнего Поволжья; внутрикалмыцкие противоречия; массовый призыв калмыков на войну с Турцией; политика христианизации; разгром империей Цин Джунгарского ханства, в результате чего образовались пустующие земли; политика буддийского духовенства во главе с Далай-ламой, ратовавшего за возвращение калмыков на родину. Однако великий исход не дал желаемых результатов: надеждам на возрождение Джунгарского ханства не суждено было стать реальностью.

В русле заявленной темы представляет интерес судьба калмыков, оставшихся в России. Их трагической судьбе посвящена вторая часть параграфа: разрушилась целостность калмыцкого народа, калмыцкое ханство прекратило существование, резко упало поголовье скота, резко затормозилось развитие новых форм хозяйствования, податное население в своем большинстве осталось без владельца, и калмыков стали продавать и дарить «как обыкновенную движимую собственность» [Там же. С. 188–192]. Неслучайно оставшиеся, в том числе и крещеные, калмыки примкнули к восстанию Е. Пугачева. Все это привело к необходимости определения статуса оставшихся калмыков и организации управления ими. Этому вопросу автор посвятила второй параграф главы «Административные реформы после самоликвидации ханства и земельное устройство калмыков».

И все же основополагающим сегментом монографии стала пятая глава — «Христианизация калмыков как фактор их социокультурной интеграции в Российское общество (конец XVIII — начало XX в.)», состоящая из пяти параграфов.

Первый параграф посвящен возобновлению деятельности православной миссии на территории Калмыцкой степи. К. В. Орлова подчеркивает: необходимость этого шага обуславливалась тем, что правительство опасалось нового исхода калмыков. Кроме того, в условиях свертывания целенаправленной христианизации калмыков «в последние десятилетия XVIII в. имело место крещение тех, кого русские чиновники и помещики приобрели в собственность» [Там же. С. 212, 213]. В исследовании подчеркива-

ется, что сдерживающим фактором на пути христианизации калмыков стал буддизм и «сопротивление буддийского духовенства расширению православной миссии среди калмыков» [Михайлова, 2013. С. 215]; кочевой образ жизни, мешавший распространению православия [Там же. С. 223]; «невозможность для приходских священников вести проповедь в улусах, нехватка миссионеров, незнание теми и другими калмыцкого языка [Там же. С. 227]; боязнь ostracизма и даже физической расправы со стороны некрещеных соплеменников [Орлова, 2018. С. 229]. В этой связи царское правительство принимает ряд мер по ограничению влияния калмыцкого духовенства и контролю за его деятельностью [Там же. С. 215–219]. При этом автор монографии вводит важную ремарку: правительство не пошло на крайние полицейские меры, имея реальную возможность расправиться с калмыцким духовенством [Там же. С. 221].

Важнейшим сюжетом монографии стал, на наш взгляд, вопрос о кадровой политике правительства и Св. Синода и, в частности, создание Казанской духовной академии как центра подготовки кадров для православного миссионерства. Особенно впечатляет тот факт, что «на отделении по монгольскому разряду преподавали историю и обличение ламайства, этнографию бурят, монголов, калмыков, тунгусов, корейцев и других народов; историю распространения христианства среди означенных народов; монгольский язык с его наречиями калмыцким и бурятским; общий филологический обзор языков и наречий». При этом К. В. Орлова подчеркивает, что «казанское востоковедное миссионерство сыграло значительную роль в осуществлении государственной политики христианизации и ассимиляции нерусских народов в государственную общественную систему» [Там же. С. 232–233]. Но особенно важным сюжетом стал материал о подготовке «миссионеров для утверждения в православии уже крещеных и обращения в него новых инородцев» [Там же. С. 233], ибо, по нашему разумению, фундамент успешного миссионерства — это прозелитизм [Игумен Серапион, 2017].

На наш взгляд, «востоковедное миссионерство» представляет собой особое явление в мировом востоковедении, на чем следовало акцентировать внимание читателя. И в этой связи полагаем необходимым сделать ремарку по поводу «казанского востоковедения», почерпнутую нами в исследовании Н. В. Карташевой: «Русские миссионеры стремились проникнуть во внутренний мир этнической культуры, изучали культурные традиции малых народов. Их лингвистические, этнографические, культурологические, географические исследования явились ценным вкладом не только в формирование теории и методологии миссионерства, но и в развитие мировой науки. Таким образом, наследие русских миссионеров в наши дни ценно и как значительный опыт межкультурного сотрудничества, и как досто-

верное свидетельство о традиционных культурах малых народов, являющихся альтернативой цивилизационному пути развития» [Карташева, 2000. С. 3]. Это в полной мере относится и к монгольским народам [Михайлова, 1997].

Мы намеренно воспользовались авторефератом Н. В. Карташевой, которая занимается изучением русского православного миссионерства как явления культуры на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова). Именно св. Иннокентий, подчеркивается в монографии, стал, наряду с Н. И. Ильминским, автором программы новых методов и организационных форм христианизации [Там же. С. 243]. Через призму этих методов автор исследует вопрос христианизации астраханских калмыков во второй половине XIX в. Их суть, по справедливому мнению К. В. Орловой, выражается в том, чтобы «строить миссионерское дело по-новому», через «проведение систематической религиозно-просветительской работы и богослужений». Именно поэтому создавались «стационарные миссионерские станы» как «опорные пункты христианизации инородцев-кочевников» [Там же. С. 264]. Поэтому не случайно опыт создания таких станов в Улан-Эргэ, Ноин-Шире (Бислюрта), Чилгире и Яшкульского миссионерского пункта стал объектом специального исследования.

В качестве положительного аспекта монографии следует отметить и тот факт, что в исследовании имеется параграф «Влияние русской этнокультурной среды на религиозные ориентации и образ жизни калмыков за пределами Калмыцкой степи (Поволжье, Дон, Ставропольская губерния)». Речь идет об открытии школ, приютов, в том числе для девочек-калмычек [Там же. С. 296–298], классов калмыцкого языка в Донской духовной семинарии для подготовки миссионеров [Там же. С. 301], о привлечении калмыцких детей в церковноприходские школы [Там же. С. 302]. Несомненный интерес представляет предложенный атаманом войска Донского проект обращения калмыков в православие, чему должны были предшествовать перевод калмыков на оседлость, совместное обучение детей калмыков и русских и преподавание Закона Божия, приближение калмыцких кочевий к казачьим станицам. Это могло помочь «в восприятии православной веры, нравов, обычаев, жизненного уклада казаков». И только после этого, по мнению атамана, «можно приступать непосредственно к их христианизации» [Там же. С. 299].

Ситуация, связанная с процессом христианизации калмыков, меняется в начале XX в. Это было обусловлено либерализацией российского вероисповедального законодательства, в соответствии с которым «допускалось отпадение от православия в другие христианские исповедания и вероучения», а крещеные инородцы «могли возвращаться к религии предков» [Там же. С. 319]. Этой проблеме автор посвятила заключительный параграф монографии. В

исследовании приводится статистика перехода из православия в буддизм бурят и калмыков, увеличения численности калмыцкого духовенства [Михайлова, 1997 С. 320, 321]. К. В. Орлова особо указывает на поддержку калмыков и бурят со стороны крупного религиозного деятеля советника Далай-ламы XIII Агвана Доржиева, который, наряду с единоверцами из Монголии, Тибета и Бурятии, часто посещал приволжских калмыков [Там же. С. 322].

Особый интерес представляет материал, связанный с негативным отношением православного духовенства к либеральному законодательству, которое серьезно затрудняло миссионерскую деятельность. Так, со ссылкой на православные периодические издания, автор приводит лишь единичные случаи крещения калмыков [Орлова, 2018. С. 322–325]. Попытка РПЦ повлиять на ситуацию была предпринята на миссионерском съезде в Казани в июне 1910 г., где работа проходила по секциям, каждая из которых уделяла внимание одному вопросу: «ламайскому, церковно-миссионерскому, мусульманскому, языче-

скому, школьному, переводческому, административному» [Там же. С. 325]. В монографии подчеркивается, что участники съезда «резко оценивали реальное состояние миссионерской работы среди инородцев, в том числе и калмыков, ее во многом формальный характер; что Православной церкви не удалось завладеть умами и душами новых adeptов; что методы привлечения инородцев в начале XX в. оставались теми же, что и в XVIII–XIX вв.» [Там же. С. 328].

Последующие мировая война и революционные катаклизмы привели к тому, что РПЦ, как и другие конфессии, полностью утратила возможность ведения миссионерской деятельности, равно как и всякой иной, «выходящей за пределы церковной ограды» [Там же. С. 330].

В заключение хочется поздравить К. В. Орлову с блестяще выполненной работой и выразить надежду на продолжение исследования миссионерской деятельности РПЦ совместно с бурятскими и монгольскими учеными как в дореволюционный период, так и в новой истории Российского государства.

Использованная литература

- Горяев, 2018: *Горяев М. С.* История христианизации инородцев в российской историографии (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2018. № 37 (1) (*Goryayev M. S. Istoriya khristianizatsii inorodtsev v rossiyskoy istoriografii (na primere kal-mykov) // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2018. № 37 (1).*)
- Гурий, 1915: *Гурий (Степанов)*. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань, 1915. Т. 1, ч. 1 (*Guriy (Stepanov). Ocherki po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongol'skikh plemen. Kazan', 1915. T. 1, ch. 1.*)
- Ефимов, 2007: *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007 (*Yefimov A. B. Ocherki po istorii missionerstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi. M., 2007.*)
- Игумен Серапион, 2017: *Игумен Серапион (А. Е. Митько)*. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). Вып. 40 (*Igumen Serapion (A. Ye. Mit'ko). Missionerstvo i prozelitizm // Nauchnyye vedomosti. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2017. № 10 (259). Vyp. 40.*)
- Карташева, 2000: *Карташева Н. В.* Русское православное миссионерство как явление культуры: на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2000 (*Kartasheva N. V. Russkoye pravoslavnoye missionerstvo kak yavleniye kultury: na primere deyatel'nosti sv. Innokentiya (Veniaminova): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. M., 2000.*)
- Корниенко, 2018: *Корниенко Н. Н.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX в. — 2010-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018 (*Korniyenko N. N. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Mongolii (vtoraya polovina XIX v. — 2010-ye gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2018.*)
- Михайлова, 1997: *Михайлова В. Т.* Православие в духовной культуре бурят (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997 (*Mikhaylova V. T. Pravoslaviye v dukhovnoy kul'ture buryat (1861–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 1997.*)
- Михайлова, 2013: *Михайлова В. Т.* Образы «чужих» в контексте христианизации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2 (*Mikhaylova V. T. Obrazy «chuzhikh» v kontekste khristianizatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 2.*)
- Мчедлова, 2011: *Мчедлова М. М.* Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011 (*Mchedlova M. M. Mesto religii v sotsial'no-politicheskom protsesse: tsivilizatsionnyye osnovaniya i sovremennyye tendentsii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2011.*)
- Овчарова, 2014: *Овчарова А. И.* Христианство как нравственный императив современного российского государства // Философия права. 2014. № 2 (63) (*Ovcharova A. I. Khristianstvo kak nravstvennyy imperativ sovremennoy rossiyskoy gosudarstva // Filosofiya prava. 2014. № 2 (63).*)
- Орлова, 2006: *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М., 2006 (*Orlova K. V. Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v. M., 2006.*)
- Орлова, 2018: *Орлова К. В.* Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII — начало XX в.). М., 2018 (*Orlova K. V. Khristianizatsiya kalmykov v kontekste vnutrenney i vneshney politiki Rossii (seredina XVII — nachalo XX v.). M., 2018.*)
- Панарин, 2006: *Панарин А. С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006 (*Panarin A. S. Narod bez elity. M.: Algoritm, 2006.*)
- Шабунин, 2013: *Шабунин В. В.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013

(*Shabunin V. V.* Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v kontse XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013).

Шагжина, 2000: *Шагжина З. А.* Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье: 2-я

половина XVII — начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000 (*Shagzhina Z. A.* Missionerskaya deyatel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi v Zabaykal'ye: 2-ya polovina XVII — nachalo XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2000).

L. V. Kuras, I. S. Tsyrempilova

Religion as public space of politics. Thoughts of historiographers about the monograph «Christianization of the Kalmyks in the context of internal and external policy of Russia (middle of XVII — beginning XX c.)» by Orlova K. V. M., 2018

The basis of historiographical thoughts by the authors of the article have become the monograph of famous scientist and scholar of the religion Orlova K. V., which is dedicated to the problem of Christianization of the Kalmyks. The activity of the Russian Orthodox Church (the ROC) in the current research is inherent in internal and external policy of the Russian Empire is regarded to be the merit of the author. Moreover, the Russian Orthodox Church is considered a lead and ideologist in the process of incorporation of the Kalmyks in public space of politics.

Concurrently with analysis of the monograph the authors examine the situation with modern historiography of the problem of missionary work of the ROC for Mongolians, thereby supposing opportunity for further research.

Key words: the Russian Empire, religion, Christianization of the Kalmyks, the Russian Orthodox Church, Orthodox mission, Mongolian peoples, sociocultural integration.

Т. Г. Басангова

Кот/кошка в калмыцком фольклоре

DOI 10.25882/efqj-ym51; © Т. Г. Басангова, 2019

В статье приведена краткая характеристика образа кота в калмыцком фольклоре, отраженного в некоторых повествовательных жанрах — мифах, сказках, пословицах.

Ключевые слова: кот/кошка, калмыцкий фольклор, миф, сюжет, зооним.

Домашние животные также являются персонажами сказок о животных, но число сюжетов, в которых они выступают героями, гораздо меньше, чем количество сюжетов о диких животных. В данной главе исследуется калмыцкий фольклор, связанный с котом/кошкой, жившими поблизости от человека.

Зооним *мис* — одно из обозначений кота у калмыков. Впервые данный зооним, имеющий в основе полевые исследования, изучен А. Ш. Кичиковым [Кичгэ, 2017. С. 26–27].

Согласно исследованию А. Ш. Кичикова, у разных этнических групп калмыков имеются разные названия этого домашнего животного. У торгоутов, проживающих на Каспийском взморье, распространено наименование кошки — *маишк*, а самца — *котд* [Кичгэ, 2017. С. 26].

Древнее название кота *миш* обнаружено академиком Б. Я. Владимирцовым и отражено в анекдоте, записанном у ойратов [Владимирцов, 1926. С. 72].

В калмыцком фольклоре есть множество обозначений кота и кошки: *мис* ‘кошка’, *эр мис* ‘кот’, *кушка* ‘кошка’, *миисин кичг* ‘котенок’, *зерлг мис* ‘дикая кошка’, *миисин авц* ‘кошачьи повадки’, *миисин нудн* ‘кошачьи глаза’; бытуют фразеологизмы, пословицы и поговорки, в целом характеризующие поведение этих животных: *ноха мис хойрла эдл таарна* ‘ладят как кошка с собакой’, *миисин үкл хулһнын сэн* ‘смерть кота мышам выгодна’, *мис ноха сэкдг, хулһн буудя сэкдг* ‘кошка охраняет собаку, а мышка — пшеницу’ [Корнеева, 2016. С. 85–90].

В калмыцком фольклоре сохранились сюжеты о старом коварном коте и мышах. Обычно эти сюжеты сходны по своей композиции: кот собирает мышей на собрание в тесном помещении, чтобы истребить их, затем клянется им в вечной дружбе, обещая никогда их не трогать. Но клятву свою он, как правило, нарушает.

В калмыцких мифологических представлениях, которые отражены в приметах, кошка обладает про-

гностической функцией: если кошка умывается — жди гостей, кошка скребет лапами, очень подвижна — быть непогоде. Отмечено, что кошка считалась «собакой бога». Не разрешалось бить кошек и особенно убивать их, такие поступки считались большим грехом. В то же время не разрешалось держать кошек в доме, где ожидалось появление младенца. Считалось, что с будущим ребенком может случиться несчастье, поскольку кошка желает, чтобы внимание и ласка доставались только ей [Болдырева, 2008. С. 18–23].

В сюжетах мифов обозначено, что кошка заслужила почтительное отношение к ней, охраняя священные пирамидки из теста — *балины*, хранящиеся в алтарной части буддийских храмов.

В следующем сюжете кошка спасла рукописи Будды, которые грызли мыши. О благородном поступке кошки узнал Будда и погладил ее. В знак благодарности Будда наделил ее даром уцелеть в разных ситуациях: с какой бы высоты она ни прыгала, она не падает на спину, а становится на четыре лапы [Мифы, легенды, 2017].

В Китае кошки пользуются большим уважением. На улицах невозможно встретить бродячую кошку. Буддийские монахи занимались разведением священных кошек, часто называя их «маленькими тиграми» и «грозой зла» и специально обучая их охранять сокровища храмов.

Буддисты приписывают кошке склонность к медитации, способность видеть в темноте и отгонять злых духов [Багана, Яковлева, 2016. С. 93].

В сказках о мышах звучит мотив ложного благочестия со стороны кота. Мышь доверяется коту, он её съедает (АТ 113 В «Кот-наставник»). Данный мотив подробно исследован И. В. Имаевой, но в статье отсутствует материал из калмыцкого фольклора [Имаева, 2012. С. 252–257].

М. Э. Джимгиров в своем исследовании упоминает сказку «Хитрость кошки». Ученый полагает, что

данный сюжет восходит к древнеиндийской Панчатантре [Джимгиров, 1970. С. 78–79].

К сожалению, автором не приведен текст сказки на калмыцком языке. В данном сюжете присутствует мотив (АТ 113 В «Кот-наставник»): кошка украла четки у гелюнга. Пробравшись в подполье к мышам, кошка говорит: «Я учитель веры, который не должен убивать, воровать и лгать, поступайте и вы так же». Мыши признали в кошке учителя веры, и вот по вечерам кошка садилась на мышеловку и оттуда поучала собиравшихся отовсюду мышей. Всегда случалось так, что какая-нибудь мышь непременно попадалась в ловушку, а кошка ее съедала, не переставая проповедовать пост и воздержание. Но постепенное уменьшение мышей вызвало подозрение, и оно пало на кошку. «Скажите нам, великий учитель, что вы употребляете в пищу?» — «Кроме сухих древесных листьев — ничего», — смиренно отвечала кошка. «По милосердию Вашему, — продолжали мыши, — мы приходим в упадок: мы заметили в вашем священном помете шерсть и кости наших братьев, а поэтому смиренно просим вас удалиться от нас. С тех пор кошка стала загребать помет» [Джимгиров, 1970. С. 78–79].

Сказка имеет этиологическую концовку, отвечая на вопрос: «Почему кошка стала загребать помет?»

В современной фольклорной традиции калмыков также зафиксировано предание о кошке.

«Давным-давно жил-был гелюнг. Он приготовил масло для зажжения свеч, а кошка съела это масло. Поймал гелюнг кошку, побил и выбросил на улицу. Опять гелюнг решил зажечь свечу. Кошка решила отомстить гелюнгу и схватила его за шею, так погибли они оба» [Манджиева, 2012. С. 76–80].

В фольклорной традиции калмыков сохранились сюжеты, в которых отражен мотив сказки (АТ 113 В «Кот-наставник»). Действие в сюжете «Почему мышь живет в норках» относится ко времени, когда распространялась буддийская вера, создавались новые буддийские рукописи. Далее следует описание ритуала определения кошки хранительницей бурханов: гелюнг вырывает один волосок из своих усов, тем самым благословляя кошку на охрану буддийских изображений и рукописей.

Собрание животных (В 38 А), на которых решаются важные для них вопросы, — распространенный мотив в мировом фольклоре. Ю. Е. Березкин отмечает, что «звери собираются, чтобы установить продолжительность года, месяца, дня. Медведь предлагает год длиною сто лет, в году — сто месяцев, в месяце — сто дней. Все в остолбенении замолкают. Ласка прибегает последней, говорит, что ни один зверь не проживет так свой век, в году пусть будет

двенадцать месяцев, в месяце тридцать дней. Так и решили» [Березкин].

В данном сюжете собрание зверей происходит двукратно: сначала кошка собирает мышей и заявляет им, что она их учитель. Второй эпизод связан с тем, что у мышей есть свой хан, который является их спасителем и советует им спрятаться в норках, предварительно ими выкопанных.

Кошка находилась в непосредственной близости к человеку, который изучил ее повадки. Из текста мифов становится известно, что люди полюбили кошку за то, что она спасла от мыши их шубы. С тех пор люди размышляют о красоте и повадках кошки: нос как у человека, шея как у хорька, хвост как у змеи, уши как у волка, сердце как камень, усы как ласточкино крыло, хватает все как ястреб, когти как у филина [Мифы, легенды, 2017].

Сюжеты мифов и сказок, где главным персонажем является кот или кошка, отличаются краткостью содержания, но при обрисовке характера кошки, отличающейся хитростью, язык их чрезвычайно меток.

В репертуаре сказителя Ш. В. Боктаева сохранился сюжет о кошке, постоянным спутником и антиподом которой является собака. Согласно народным представлениям, место проживания кошки — это дом, а собака должна жить во дворе, сторожа хозяев. В кратком повествовании «О кошке и собаке» кошка не говорит, кто ее кормит. Она отвечает с хитрецей, что когда ест, то закрывает глаза [Алтн чеежтэ, 2010].

К кошке калмыки относились неоднозначно. Особенно им не нравилось, что «кошки едят с закрытыми глазами, и когда умрут, бог их спросит, кто заботился о них, они ответят: никого не видели» [Инф. Мукобинова].

Этологический миф поясняет, почему кошка живет в доме, а собака — на улице: *кошка и собака, чтобы помочь хозяину, решили найти для него бумажник. Они нашли бумажник, кошка взяла бумажник и ушла домой, а собака уснула на берегу реки. А кошка принесла кошелек и отдала старику и старухе. Старик и старуха обрадовались, забрали бумажник, уселись поесть, тут пришла собака. Получается, что кошка достигла задуманного, а собака — нет. Поэтому кошка живет в доме, а собака, так как она заснула, — живет на улице* [Алтн чеежтэ, 2010].

Таким образом, фольклорный образ кота разнообразен, так как основан он на народных представлениях. Человек создавал фольклорные образцы о животных, в том числе о коте, потому что они со своими повадками и привычками были близки ему в повседневной жизни. В калмыцком фольклоре обнаруживается пласт этиологических мифов, сказок, отражающих образ кота.

Использованная литература

Алтн чеежтэ, 2010: Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев) / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элис-

та: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровище предков»). На рус. и калм. яз. (Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости на-

- rodnoy Shanya Boktaev). Sost., predisl., komment. i prilozh. В. В. Mandzhievoy. Elista: KIGI RAN, 2010. 172 s. Seriya «Өvknrin zөөр» («Sokrovishhe predkov»). Na rus. i kalm. yaz.).
- Багана, Яковлева, 2016: *Багана Ж., Яковлева Е. С.* Национально-культурные особенности лексем 'кошка' и 'собака' на материале английского и китайского языков // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2016. Том 20, № 2. С. 91–98 (*Bagana Zh., Yakovleva E. S.* Nacional'no-kul'turnye osobennosti leksem 'koshka' i 'sobaka' na materiale angliyskogo i kitayskogo yazykov // Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika. 2016. Tom 20. № 2. S. 91–98.)
- Березкин: *Березкин Ю. Е.* Мифы Старого и Нового Света. Из Старого в Новый Свет: Мифы народов мира [Электронный ресурс] // URL: <https://culture.wikireading.ru/64402> (дата обращения: 31.03.2019) (*Berezkin Yu. E.* Mify Starogo i Novogo Sveta. Iz Starogo v Novyi Svet: Mify narodov mira [Elektronnyi resurs] // URL: <https://culture.wikireading.ru/64402> (data obrashheniya: 31.03.2019)).
- Болдырева, 2008: *Болдырева В. М.* Об особенностях традиционного хозяйства и связанных с ними представлений и верований у эркетеневских калмыков // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. Вып. 3. С. 18–23 (*Boldyreva V. M.* Ob osobennostyakh tradicionnogo hoziaystva i svyazannyh s nimi predstavleniy i verovaniy u erketenevskih kalmykov // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. Elista, 2008. Vyp. 3. S. 18–23).
- Владимирцов, 1926: *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-Западная Монголия). Л.: Ин-т живых вост. яз. им. А. С. Енукидзе, 1926. 202 с. (*Vladimircov B. Ya.* Obraztsy mongol'skoy narodnoy slovesnosti (S.-Zapadnaya Mongoliya). L.: In-t zhivykh vost. yaz. im. A. S. Enukidze, 1926. 202 s.).
- Джимгиров, 1970: *Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1970. 103 с. (*Dzhimgirov M. E.* O kalmytskix narodnykh skazkakh. Elista: Kalmytskoe kn. izd-vo, 1970, 103 s.).
- Имаева, 2012: *Имаева И. В.* Осмеяние ложного благочестия в сказках о коте-наставнике // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (VII Акмуллинские чтения) (г. Уфа, 7 декабря 2012 г.). Уфа, 2012. С. 252–257 (*Imaeva I. V.* Osmeyanie lozhnogo blagochestiya v skazkakh o kote-nastavnike // Gumanisticheskoe nasledie prosvetiteley v kul'ture i obrazovanii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (VII Akmullinskie chteniya) (g. Ufa, 7 dekabrya 2012 g.). Ufa, 2012. S. 252–257.)
- Кичгэ Т., 2017: *Кичгэ Төлэ.* Угин туск үг. Элиста, 2017. 170 с. (*Kichgэ Төлэ.* Угин туск үг. E'lista, 2017. 170 s.)
- Корнеева, 2016: *Корнеева А. Х.* Особенности зоонимии калмыцкого языка // Вестник КалмГУ. 2016. № 4. С. 85–90 (*Korneeva A. X.* Osobennosti zoonimii kalmytskogo yazyka // Vestnik Kalm GU. 2016. № 4. S. 85–90).
- Манджиева, 2012: *Манджиева Г. М.* Устное народное творчество калмыков в настоящее время // Научное наследие проф. А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения). Материалы региональной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Ш. Кичикова (г. Элиста, 21 декабря 2011 г.). Элиста: изд-во КалмГУ, 2012. С. 76–80 (*Mandzhieva G. M.* Ustnoe narodnoe tvorchestvo kalmykov v nastoyashhee vremya // Nauchnoe nasledie prof. A. Sh. Kichikova i aktual'nye problemy sovremennoy kalmytskoy filologii i kul'tury` (Kichikovskie chteniya). Materialy regional'noy konferentsii, posvyashhennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. Sh. Kichikova (g. Elista, 21 dekabrya 2011 g.). Elista: Izd-vo KalmGU, 2012. S. 76–80).
- Мифы, легенды, 2017: Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурькин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с. (Mify, legendy i predaniya kalmykov / podgotovka tekstov, per., vstupit. st., primech., kommentarii, ukazateli, slovar', sverka kalmytskix tekstov T. G. Basangovoy, T. A. Mixalevoy; отв. red. A. A. Burykin, E. N. Kuz'mina, V. V. Kukanova, G. Cz. Pyurbeev. Kalmytskiy nauchnyi tsentr RAN. M.: Nauka; Vost. lit., 2017. 367 s.)

Полевые материалы автора

Инф. Мукобинова: Информатор Мукобинова Ольга, 25 лет, г. Элиста (Informator Mukobinova Ol'ga, 25 let, g. Elista).

T. G. Basangova Cat/The cat in the Kalmyk folklore

The article presents a brief description of the image of a cat in Kalmyk folklore, as presented in some narrative genres — myths, fairy tales, proverbs.

Key words: cat, Kalmyk folklore, myth, narrative structure, zoonym.

О. В. Лундышева

Рукописи на тохарском Б из коллекции Березовского: фрагмент двуязычного текста «Уданаварги»¹

DOI 10.25882/59sn-a349; © О. В. Лундышева, 2019

Статья посвящена исследованию неопубликованного ранее небольшого фрагмента рукописи из Се-риндийского собрания ИВР РАН, содержащей двуязычный (санскрит — тохарский Б) текст «Уданаварги». В ней приводится полная транслитерация и транскрипция текста, а также реконструкция текста на тохарском Б. Высказываются предположения относительно реконструкции полного листа потхи данной рукописи.

Ключевые слова: «Уданаварга», двуязычные тексты на санскрите-тохарском Б, текстология, манускриптология.

Двуязычные тексты сыграли важную роль при расшифровке многих мертвых языков. Не стала исключением и группа так называемых тохарских языков², на начальном этапе расшифровки которых в основном использовали двуязычный текст «Уданаварги»³.

Судя по количеству дошедших до нашего времени фрагментов рукописей, «Уданаварга» была одним из самых популярных буддийских текстов в Восточном Туркестане [Hartmann, 1999. P. 116–117; 2004. P. 125]. В настоящее время она известна в санскритской версии и ее тибетском, тохарском и двух китайских переводах. Сама санскритская версия, вероятно, представляет собой компиляцию ряда палийских канонических текстов, созданную во II в. н. э. [Nakatmura, 1987. P. 42–43], или же все они восходят к не-

коему общему источнику. Подробнее об «Уданаварге», ее переводах и параллельных ей текстах см.: [Ānandajoti Bhikkhu, 2007].

Что касается бытования текста «Уданаварги» в тохарской литературной традиции, то, в отличие от большинства других санскритских текстов, его почти никогда не переводили полностью на тохарский А или Б, а либо оставляли в санскритском оригинале, либо записывали в виде последовательного перевода каждой *пады* из *шлоки*⁴ или, значительно реже, строфы в другом стихотворном размере, или части прозаического текста, по количеству слогов примерно совпадающей с размером усредненной *пады*. В итоге получался двуязычный текст, в котором за санскритской частью следовал тохарский перевод, обычно пословный. Так как подавляющее большинство дошедших до нас рукописей «Уданаварги» на санскрите-тохарском-Б крайне фрагментарны, нельзя с уверенностью утверждать, сохранял ли перевод стихотворную структуру оригинала в том случае, когда таковая была. Но, судя по разной длине сохранившихся полностью строк, этого, скорее всего, не происходило⁵. По всей

---

¹ Автор благодарит Михаэля Перо (университет Лейдена) за неоценимую помощь в идентификации и редактировании фрагмента.

² Мертвые языки индоевропейской группы, известные по рукописным источникам на бумаге и дереве, найденным преимущественно в северных оазисах бассейна реки Тарим (совр. Синдзян-Уйгурский автономный округ Китая). Чаще всего в научной литературе фигурируют как «тохарский А» и «тохарский Б».

³ «Уданаварга» (санскр. *Udānavarga*) — поэтический текст раннего буддизма, в котором, устами Будды, изложены основные этические принципы учения. *Udāna* можно перевести как «высказывание», *varga* — «глава, часть, список, группа, собрание смысловых единиц». Составит из чередующихся стихотворных и прозаических частей.

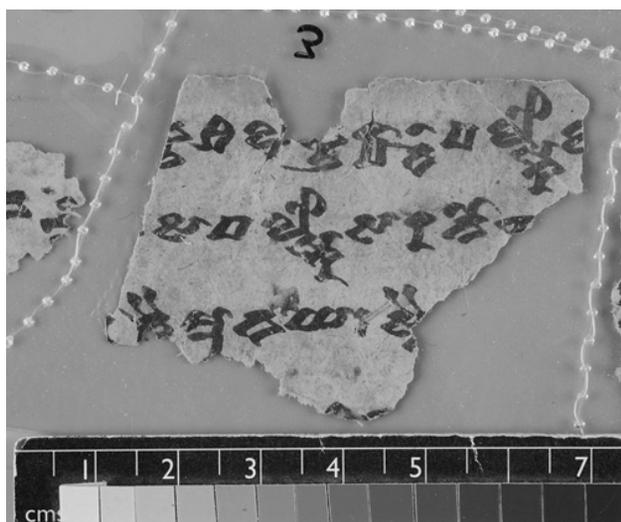
⁴ Ш л ó к а (санскр. *Śloka*) — санскритский стихотворный размер. Представляет собой строфу из двух строк по 16 слогов, каждая из которых, в свою очередь, состоит из двух полустрок — *пада* (санскр. *pāda*) по восемь слогов каждая. Понятие *пада* может относиться и к другим стихотворным размерам. В таком случае количество слогов в каждой *паде* будет меняться в соответствии с общим количеством слогов в строке.

⁵ О тохарских стихотворных размерах см.: [Peugot, 2018].

видимости, переводчику в первую очередь была важна точность перевода, а не его стихотворные достоинства, которые оставались прерогативой санскритского оригинала, доступного читателю параллельно с тохарским текстом.

Все известные на данный момент фрагменты тохарско-санскритской «Уданаварги» опубликованы, некоторые неоднократно. Подробнее о публикациях двуязычной тохарско-санскритской «Уданаварги» см.: [Reyrot, 2008; 2016].

В Сериндийском собрании ИВР РАН хранится 10 двуязычных тохарско-санскритских фрагментов, ранее идентифицированных как «Уданаварга». О публикациях этих фрагментов см.: [Ogihara, 2016]. Можно с уверенностью предположить, что некоторые неотожествленные на данный момент тексты двуязычных тохарско-санскритских фрагментов Сериндийского собрания также относятся к «Уданаварге». В процессе инвентаризации тохарской коллекции Сериндийского фонда автором был обнаружен один такой фрагмент.

SI 2921/3 recto

SI 2921/3 verso

Фрагмент SI 2921/3 (старый номер В/3-3), размером 5.7×4.1 см, был найден во время экспедиции М. М. Березовского 1905–1907 гг. в месте «Он-башский Мин-уй»¹ в районе Кучи — один из северных оазисов реки Тарим (современный Синдзян-Уйгурский автономный округ Китая). Фрагмент является частью края листа потхи. Исходя из количества акшар в санскритском тексте и соответствующего предполагаемого² количества акшар в переводном тохарском тексте, а также длины строк³ на листах типа потхи, было сделано предположение, что на листе данной рукописи было 7 строк текста. Соот-

ветственно, строка a1 — первая строка листа, b7 — последняя. Предполагаемая ширина листа (без полей) — 42–43 см (7 или 8 акшар в 5 см; примерно 63 акшары в стандартной строке). Предполагаемая высота листа (без полей) — примерно 8 см (1 строка текста + пустое пространство между строками = 1,2 см).

Данный фрагмент относится к 7-й (*Sucaritavarga* — глава о добродетельном поведении) и 8-й (*Vācavarga* — глава о речи) главам «Уданаварги» и содержит отрывки из текста Uv 7.5⁴–Uv 7.7 и Uv 7.12–Uv 8.1:

kāyena kuśalaṃ kuryād vacasā kuśalaṃ bahu |
manasā kuśalaṃ kuryād apramāṇaṃ niraupadhim [7,5]

7.5. [Тот, кто] телом благое свершает, речью благое умножает, умом производит благое, без счета и ограничений.

kāyena kuśalaṃ kṛtvā vacasā cetasāpi ca |
iha cātha paratrāsau sukhaṃ samadhigacchati [7,6]

¹ М. М. Березовский подписывал места находок рукописных фрагментов.

² Вычислить точное количество акшар переводного тохарского текста относительно текста оригинала не представляется возможным. Но можно высчитать статистически средние показатели.

³ Имеется в виду длина стандартной строки и более коротких строк, располагающихся около брошюровочного отверстия. Обычно коротких строк две или три, в зависимости от общего количества строк.

⁴ Нумерация глав «Уданаварги» по: [Bernhard, 1965].

- 7.6. Произведя это благое телом, а также речью и умом,
Обретает он счастье здесь и в ином мире.

*ahiṃsakā vai munayo nityaṃ kāyena saṃvṛtāḥ |
te yānti hy acyutaṃ yatra gatvā na śocati* [7,7]

- 7.7. Воистину, те не причиняющие вреда мудрецы, чье тело постоянно усмирено,
уходят в извечную обитель, где нет печали.

*vācānurakṣī manasā susaṃvṛtaḥ kāyena caivākuśalaṃ na kuryāt |
etāṃ śubhāṃ karma pathāṃ viśodhayann ārādhayen mārgam ṛṣi praveditam* [7,12]

- 7.12. Тот, кто смиряет речь и усмиряет разум, а телом не совершает неблагое,
эти чистые пути деяний соблюдая, обретет путь, познанный мудрецами риши.

*abhūtavādī narakān upa iti yaś cānyad apy ācaratīha karma |
ubhau hi tau pretyasamau niruktau nihīnadharmau manujau paratra* [8,1]

- 8.1. Говорящий о том, чего не было, попадает в ады, как и тот, кто [говорит] одно, а совершил другое.
Оба эти [типа] людей, перейдя в другую жизнь, получают более низкую дхарму.

Предположительно лист потхи, чей фрагмент хранится в собрании ИВР РАН под шифром SI 2921/3, и расположение на нем текста можно реконструировать следующим образом ¹:

kuśalaṃ bahu • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • manasā kuśalaṃ kuryāt • pālisko kārtse xxxxxxxx • apramāṇaṃ niraupadhim • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • kāyena kuśalaṃ kṛtvā •
xxxx xxxx xxxx xxxxxx • vacasā cetasāpi ca • rekṣa pāliskosa rano śpā • iha cātha paratrāsau • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • sukhaṃ samadhigacchati • xxxx xxxx xxxx xxxxxx
xxxx • ahiṃsakā vai munayah • snai xxxx xxxx xxxx xxxxxx • nityaṃ kāyena saṃvṛtāḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • te yānti hy acyutaṃ
sthānaṃ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • yatra gatvā na śocati • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • ahiṃ sakā vai munayo • xxxx xxxx xxxx xxxxxx •
nityaṃ vācā susaṃvṛtāḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • te yānti hy acyutaṃ sthānaṃ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • yatra gatvā na śocati • xxxx
xxxx xxxx xxxx xxxxxx • ahiṃsakā vai munayo • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • manasā nityasaṃvṛtāḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • te yānti hy acyutaṃ sthānaṃ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx
xxxx • yatra gatvā na śocati • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • kāyena saṃvṛtā dhīrā • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • dhīrā vācā susaṃvṛtāḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • manasā saṃvṛtā

dhīrā • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • dhīrāḥ sarvatra saṃvṛtāḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • te yānti hy acyutaṃ sthānaṃ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • yatra gatvā na śocati • xxxx
xxxx xxxx xxxx xxxxxx • kāyena saṃvṛtā sādhu • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • sādhu vācā ca saṃvṛtaḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • manasā saṃvṛtā sādhu • xxxx xxxx xxxx xxxxxx
xxxx • sādhu sarvatra saṃvṛtaḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • sarvatra saṃvṛto bhikṣuḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • sarvaduḥkhāt
pramucyate • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • vācānurakṣī manasā susaṃvṛtaḥ • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • kāyena caivā kuśalaṃ
na kuryāt • keṭsentsa śāp yolo xxxx xxxx xxxx xxxxxx • etāṃ śubhāṃ karmaphāṃ viśodhayann • xxxx xxxx xxxx xxxxxx •
xx xxxx xxxx • ārādhayen mārgam ṛṣi praveditam • yānmo ytāri rṣākeṃts kṛxxxx xxxx xxxxxx || sucaritavargah 7 || || sucaritavargah 7 ||
abhūtavādī narakān upaiti • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • ne yān no • yaś cānyad apy ācaratīha karma • xxxx xxxx xxxx xxxxxx • ubhau hi tau pretyasamau niruktau

Транслитерация

a1 /// kuśala[m] kuryāt • pālisko kārtse ///
a2 /// – sa pāliskosa rano śā(p) ///
a3 /// – [v]ai munayah s[n]ai ///
a4 /// – – ///
b4 /// ·r/ra ///
b5 /// [k·s]ents·šāp, yol[o] ///
b6 /// [yā]nmo ytāri rṣākeṃts kṛ ///
b7 /// ne yā[n]·o • yaścānya[da] ///

Транскрипция

a1 /// kuśalaṃ kuryāt • pālisko kā(rtse) /// = Uv 7.5c
a2 /// – sa pāliskosa rano śā(p) /// = Uv 7.6b
a3 /// – vai munayah snai /// = Uv 7.7a
a4 /// – – ///
b4 /// ·r/ra ///
b5 /// (ke)k(t)sents(a) śāp yolo /// = Uv 7.12b

b6 /// yānmo{y} ytāri rṣākeṃts kṛ /// = Uv 7.12d
b7 /// ne yān (n)o • yaścānyada /// = Uv 8.1a-b

Примечания

a1. Тохарское слово *pālisko* ‘ум’ (в косвенном падеже), использованное для перевода санскритского *manasā* (в инструментальном падеже), выделяется даже внутри данного фрагмента. В строке a2 в аналогичном контексте для передачи инструментального падежа использован грамматически гораздо более подходящий перлатив. Возможно, в строке a1 переписчик просто пропустил окончание перлатива *sa*.

Передача звука [ə] ² в составе Fremdzeichen *pa* позволяет отнести язык текста к так называемой «архаической» стадии [Peugot, 2008. P. 20–22]. Судя по статистике СЕТом, в подавляющем большинстве архаических текстов в слове *pālisko* (в номинативе, косвенном падеже и перлативе) звук [ə] передается

¹ Подчеркиванием выделены части текста, которые сохранились на фрагменте SI 2921-3. Знаками «xxxx» отмечены части строк с тохарским текстом. Предполагаемый объем тохарского текста меняется в зависимости от увеличения объема соответствующего санскритского текста.

² Это звук, аналога которому в санскрите не было, и поэтому для него в письме брахми потребовалось изобрести особое обозначение. На письме он мог отмечаться так называемым Fremdvoikal — ‘чужой / инородный гласный’ — огласовкой в виде двух надстрочных точек, или он же включался в состав отдельных акшар, так называемых Fremdzeichen — ‘чужой / инородный знак’. В таком случае он не имел обозначения в виде огласовки.

посредством Fremdzeichen *pa*, а в подавляющем большинстве так называемых «классических» текстов — посредством знака акшары *pa*.

a1. *kärtse* ‘добрый, хороший’ (в именительном падеже). В санскритской версии соответствует *kuśalaṃ* (в винительном падеже) *kuryāt* (оптатив, 3 л., ед. ч.). Можно предположить, что для передачи санскритского глагола *kuryāt* использовался глагол *yām-* ‘делать’ в оптативе ед. ч. 3 л. — *yāmi*, и таким образом *kärtse* выступает частью устойчивого словосочетания *kartse yām-* ‘делать (*yām-*) добро (*kartse*)’, многократно засвидетельствованного в тохарских рукописях. В данном случае речь идет не о согласованном, а именно об устойчивом словосочетании, аналогичном составным словам в санскрите, так как *kärtse* стоит в именительном падеже, не являясь подлежащим в данном предложении.

Передача звука [ǰ] в составе Fremdzeichen *ka* позволяет отнести язык текста к так называемой «архаической» стадии [Peurot, 2008. P. 20–22]. Судя по статистике СЕТОМ, в подавляющем большинстве архаических текстов в слове *kartse* (в номинативе) звук [ǰ] передается посредством Fremdzeichen *ka*, а в подавляющем большинстве так называемых «классических» текстов — посредством знака акшары *ka*.

Как антоним *kärtse* в данном фрагменте выступает отдельное слово *yolo* — ‘злой, дурной’ (см. b5), хотя в санскритской версии антоним конструируется с помощью приставки *a-*: *kuśala* и *akuśala*.

a2. Судя по статистике СЕТОМ¹, для передачи группы слов «речью и умом» (в санскрите *vacasā cetasā*) чаще всего используется тохарское словосочетание *reki pālskosa*. Поэтому логичным представляется предположить, что строка *sa pālskosa* может быть восстановлена как *rekisa pālskosa*. Следует отметить, что обычно в тохарском языке падежное окончание прикрепляется к группе однородных слов в целом. Здесь же переводчик, очевидно, следует за санскритской грамматикой, присоединяя падежное окончание к каждому слову.

a2. *pālskosa* ‘ум’ (в перлативе). Соответствует санскритскому *cetasā* (в винительном падеже).

a2. *raṇo* ‘также, даже, хотя, же’. Соответствует санскритскому *api*.

b5. *šār* ‘и’. Соответствует санскритскому *ca*.

a3. *snai* ‘без’. Соответствует санскритской приставке *a-* в слове *ahimsakā*.

b5. *keksentsa* ‘тело’ (в перлативе). Соответствует санскритскому *kāyena* (в инструментальном падеже).

b5. *šār* ‘и’. Соответствует санскритскому *ca*.

Uv 7.5c *manasā kuśalaṃ kuryāt*
pālsko kā(rtse yāmi) ‘[тот, кто] умом делает добро’

¹ Как минимум 10 засвидетельствованных употреблений.

² Засвидетельствованы и другие словосочетания с глагольным корнем *yām-*. Но точно сказать, в форме какого падежа (именительного или косвенного) стоит первый компонент словосочетания, нельзя, так как для этих существительных формы именительного и косвенного падежей совпадают.

³ Окончание местного падежа *-ne* сохранилось в тексте фрагмента.

b5. *yolo* ‘злое, дурное’. Соответствует санскритскому *akuśalaṃ* (в винительном падеже). Можно предположить, что для передачи санскритского глагола *kuryāt* использовался глагол *yām-* ‘делать’. *yolo*, как и *kärtse* в a1, стоит в форме именительного падежа, не оправданной в данном предложении грамматически. Следовательно, можно предположить, что a1 *kärtse yām-* ‘делать (*yām-*) добро (*kartse*)’ и *yolo yām-* ‘делать зло’ являлись устойчивыми словосочетаниями с подобным уникальным управлением².

b6. В строчке *yānmo ytāri* в результате сандхи пропущена заключительная {y} в слове *yānmo* (3 л., ед. ч., оптатив. от *yānm-* ‘достигать, получать, обрести’; соответствует санскритскому *ārādhayet* — 3 л., ед. ч., оптатив.).

Передача звука [ǰ] в виде Fremdvokal в первом ударном слоге *yā* позволяет отнести язык текста к так называемой «архаической» стадии [Peurot, 2008. P. 20–22].

b6. *ytāri* ‘путь’ (в косвенном падеже). Соответствует санскритскому *mārgam* (в аккузативе).

b6. *rṣākeṃts* ‘мудрец, риши’ (в генитиве, мн. ч.) Соответствует санскритскому *rṣi* в сложном слове *rṣipraveditam*. В тохарском варианте сложное слово передается согласованным словосочетанием. Можно предположить, что, так как в тохарском тексте после *rṣākeṃts* стоит слог *kā*, санскритское *praveditam* (прич. пр. вр.) было передано тохарским *kārsausai* (прич. наст. вр., косв. падеж, ед. ч., ж. р. от *kārsa-* ‘знать’), согласованным с *ytāri* (ж. род, ед. ч.) ‘путь’. При этом приставка *pra-* никак дополнительно не передается.

b7. Так как в тохарском языке термин «ад» чаще всего представлен словом *nrai*, оправданным представляется предположить, что санскритскому *nara-kān* (в винительном падеже, мн. ч.) в данном тексте соответствует *nraintane* ‘ады’ (в местном падеже³, мн. ч.).

b7. *yān* ‘идти’ (наст. вр., ед. ч., 3 л. от *i-*), *no* — энклитический союз. Соответствует санскритскому *upa iti* (наст. вр., ед. ч., 3 л.).

Передача звука [ǰ] в виде Fremdvokal в первом ударном слоге *yā* позволяет отнести язык текста к так называемой «архаической» стадии [Peurot, 2008. P. 20–22].

На основе приведенных транслитерации, транскрипции, примечаний, а также текста санскритского оригинала фрагмент можно реконструировать следующим образом:

- Uv 7.6b *vacasā cetasāpi ca*
(*reki*)*sa pālskosa rano śāp* ‘а также речами и умом’
- Uv 7.7a *ahimsakā vai munayo* ‘воистину, [те] не причиняющие вреда мудрецы’
snai /// ‘... не- ...’
- Uv 7.12b *kāyena caivākuśalaṃ na kuryāt*
keksentsa śāp yolo (*mā yāmi*) ‘и (тот, кто) не делает зла телом’
- Uv.7.12d *ārādhayen mārgam ṛṣi praveditam*
yānmoу ytāri ṛṣākeṃts kā(rsausai) ‘обретет путь, познанный [мудрецами] риши’
- Uv.8.1a *abhūtavādī narakān upaiti* ‘говорящий о том, чего не было, попадает в ады’
/// (*nrainta*)*ne yān no* ‘... воистину, попадает в ады’

Ряд особенностей текста позволяют отнести его язык к так называемому «архаическому» уровню. При этом письмо относится к так называемому «классическому» типу. По всей видимости, текст, созданный достаточно рано, неоднократно переписывался без внесения изменений и в более позднее время.

Санскритский текст переведен очень близко к тексту, но не дословно. Не передается глагольная приставка (*pra-vid*), санскритское сложное слово (*ṛṣi praveditam*) передано согласованным словосочетанием, при этом согласованные санскритские словосочетания (*kuśalaṃ / kuśalaṃ kṛ*) передаются устойчивыми словосочетаниями, по структуре аналогичными сложным словам в санскрите. Санскритские слова *manas* и *cetas* передаются одним и тем же тохарским *palsko*. При этом расхождения с оригиналом

минимальны. Переводчик, стремясь к пословному переводу, сохраняет санскритский синтаксис, несколько чуждый тохарскому прозаическому тексту.

Двуязычные санскритско-тохарские фрагменты не только позволяют уточнить понимание тохарского языка и процессы формирования тохарского литературного репертуара, но и могут помочь в уточнении некоторых вопросов палеографии. Так, опираясь на размеры единичных фрагментов, можно восстанавливать средние размеры целых листов потхи тохарской письменной традиции. А если учесть, что подавляющее большинство дошедших до нашего времени тохарских рукописей представлены небольшими фрагментами, такого рода реконструкции остаются практически единственным источником подобных данных.

Использованная литература

- Adams, 2013: *Adams D. Q.* A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged. 2 vol. Series: Leiden studies in Indo-European, 10. Amsterdam: Rodopi, 2013.
- Bernhard, 1965: *Bernhard F.* Udānavarga. Band I: Einleitung, Beschreibung der Handschriften, Textausgabe, Bibliographie. (Sanskrittexte aus den Turfanfunden 10). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965.
- Hartmann, 1999: *Hartmann, Jens-Uwe.* Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and their relation to the Chinese Tripitaka // Collection of essays 1993: Buddhism across boundaries: Chinese Buddhism and the western regions. Sanchung, Taiwan: Fo Guang Shan Foundation for Buddhist & Culture Education, 1999. P. 108–136
- Hartmann, 2004: *Hartmann, Jens-Uwe.* On the Relationship between the Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and those from Afghanistan // Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004. P. 125–128.
- Nakamura, 1987: *Nakamura, Hajime.* Indian Buddhism: A Survey with Bibliographical Notes. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1987.
- Ogihara, 2016: *Ogihara H.* Sanskrit-Tocharian B Bilingual Udānavarga Fragments Kept in the Russian Collection // Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки / сост. и отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука. Вост. лит., 2016. С. 223–235. (Sergei Fedorovich Ol'denburg — uchenyi i organizator nauki / Sost. i отв. red. I. F. Popova. M.: Nauka; Vostochnaia literatura, 2016. S. 223–235.)
- Peyrot, 2008: *Peyrot M.* More Sanskrit–Tocharian B bilingual Udānavarga fragments // Indogermanische Forschungen 113. Berlin: W. de Gruyter, 2008. P. 83–125.
- Peyrot, 2016: *Peyrot M.* Further Sanskrit–Tocharian bilingual Udānavarga fragments // Tocharian and Indo-European Studies 17. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2016. P. 153–211.
- Peyrot, 2018: *Peyrot M.* A Comparison of the Tocharian A and B Metrical Traditions // Language and Meter / ed. by Dieter Gunkel and Olav Hackstein. Leiden: Brill, 2018. P. 319–345.
- Pinault, 2016: *Pinault G.-J.* The Buddhastotra of the Petrovskii Collection // Written Monuments of the Orient, 2016 (1). Saint-Petersburg: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2016. P. 3–20.

Электронные ресурсы

- CEToM = A comprehensive edition of Tocharian manuscripts. URL: <https://www.univie.ac.at/tocharian> (дата обращения: 30.08.2019)
- Ānandajoti Bhikkhu, 2007: *Ānandajoti Bhikkhu* (2nd rev., 2007; last rev. 2018). A Comparative Edition of the Dhammapada: URL: <https://www.ancient-buddhist-texts.net/Buddhist-Texts/C3-Comparative-Dhammapada/Comparative-Dhammapada.pdf> (дата обращения: 30.08.2019)

O. V. Lundysheva
Tocharian B manuscripts in M. M. Berezovsky' collection:
a bilingual *Udānavarga* Fragment

The article is an edition of a newly found Sanskrit-Tocharian B Bilingual *Udānavarga* fragment (Uv 7.5c–Uv 7.7a; Uv 7.12b–8.1a–b) kept in the Serindian Collection of the IOM RAS. It contains the transliteration and transcription of the bilingual text as well as Tocharian B text reconstruction. There are suggestions concerning the reconstruction of this pothi folio.

Key words: *Udānavarga*, sanskrit-tocharian B bilingual, textology, manuscriptology.

М. И. Тубянский

Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода

Предисловие, подготовка переиздания, примечания, приложение
Т. В. Ермаковой и Е. П. Островской

DOI 10.25882/9a5m-a892; © Т. В. Ермакова, Е. П. Островская, 2019

Вниманию читателя предлагается переиздание одной из лучших монголоведческих работ ученого-востоковеда широкого профиля Михаила Израилевича Тубянского (1893–1937), чья научная деятельность с 1927 по 1936 г. протекала в МНР. В этой работе сформулированы методологические вопросы развития монгольского литературоведения, проанализирован состав дореволюционного литературного наследия и дана его классификация, впервые выстроенная в соответствии с системой монгольской культуры. М. И. Тубянский показал, что в феодальный период монгольскими авторами была создана крупная литература на тибетском языке, занимавшая положение национальной литературной традиции и пользовавшаяся известностью в Центральной Азии. Работа была написана в качестве критического отклика на статью члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Поппе «Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы», опубликованную в третьем номере журнала «Современная Монголия» за 1935 г., и вышла в свет в том же журнале с пометкой от редакции: «Печатается в дискуссионном порядке». В дальнейшем она неоднократно характеризовалась авторитетными филологами-монголистами как обладающая значительной научной ценностью, но по политическим причинам оказалась на многие десятилетия фактически выведенной из научного оборота. Настоящая публикация подготовлена по изданию: *Тубянский М. И. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–31.*

Ключевые слова: Монголия, МНР, монгольская литература дореволюционного периода, М. И. Тубянский, Н. Н. Поппе, журнал «Современная Монголия», теоретические проблемы монгольского литературоведения.

Публикуемая ниже статья открывает перед читателем панораму теоретических проблем, возникающих при изучении дореволюционного литературного наследия Монголии. Эти проблемы были выдвинуты на передний план в ходе научной дискуссии в середине 1930-х гг. и во многом не утратили своей значимости в современном монголоведении. Автор статьи, Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937), вошел в историю российской науки о Востоке как разносторонний филолог-литературовед. Будучи учеником акад. Ф. И. Щербатского (1866–1942), он профессионально владел санскритом и тибетским языком и в качестве штатного сотрудника Азиатского Музея АН СССР занимался в 1920-х гг. текстологическим исследованием одного из раннесредневековых буддийских трактатов по науке логики [Тубянский, 1926. С. 875–982; Островская, 2012. С. 49–51]. Однако Ф. И. Щербатский привил своему ученику интерес не только к буддийской философской литературе, но и к процессу обновления культуры и ли-

тературных традиций, протекавшему в Индии в связи с подъемом национального самосознания. М. И. Тубянский, талантливый полиглот, уже в студенческие годы самостоятельно освоил бенгальский язык, чтобы в подлиннике ознакомиться с произведениями лауреата Нобелевской премии по литературе Рабиндраната Тагора. В период работы в Азиатском Музее он сумел внести немалый вклад в зарождение российской бенгалистики, ведя параллельно преподавательскую деятельность в Ленинградском институте живых восточных языков [Кононов, Иориш, 1977. С. 24, 29, 30, 35, 57]. Им была разработана авторская методика обучения бенгальскому языку и подготовлена хрестоматия по бенгальской литературе [Тубянский, 1923]. Заметный вклад М. И. Тубянский внес в изучение мировоззрения Тагора [Гнатюк-Данильчук, 1990. С. 216–230] и в подготовку семитомного собрания сочинений писателя, изданного в Ленинграде в 1924–1927 гг. В состав этого издания вошли переводы прозы, поэзии и мемуаров Тагора, выполнен-

ные М. И. Тубянским. Он же являлся редактором-составителем семитомника и автором примечаний к публикуемым произведениям.

Острый интерес к теоретическим проблемам литературоведения привел М. И. Тубянского в середине 1920-х гг. в круг литературоведа, культуролога и философа М. М. Бахтина — внеформальное сообщество единомышленников, увлеченных поиском новых методологических подходов к исследованию письменной и устной литературы [Медведева, Медведев, 2016. С. 202–215]. На семинарах, проходивших в домашней обстановке, на квартире известной пианистки М. В. Юдиной, новаторские идеи вырабатывались коллективно, в специфичной для круга М. М. Бахтина диалоговой форме. Такие творческие собеседования способствовали раскрепощению интеллектуальной активности участников и взаимному обогащению их научной эрудиции. М. И. Тубянский в порядке экспериментального освоения психоаналитического метода интерпретации мифологических сюжетов, обсуждавшегося на нескольких семинарах, выполнил исследование одного из древнеиндийских мифов [Тубянский, 1927. С. 60–70]. Но главный итог его участия в бахтинских семинарах заключался не в этом оригинальном литературоведческом эксперименте, а в овладении искусством выявления многомерных («полифонических» в терминологии Бахтина) взаимосвязей национальной литературы с той системой культуры, в которой она исторически развивается. М. И. Тубянский окончательно убедился в методологической необходимости руководствоваться в изучении истории литературы принципом взаимодополняемости различных областей социогуманитарного знания, образующих смысловой контекст историко-литературного процесса.

Культура как объект комплексных исследований вошла в поле внимания М. И. Тубянского и по линии его академической деятельности, поскольку в 1927 г. непреходящий секретарь АН СССР акад. С. Ф. Ольденбург (1863–1934), пребывавший одновременно и на посту директора Азиатского Музея, замыслил создать новую научно-исследовательскую организацию — Институт буддийской культуры (далее: ИНБУК). К составлению обоснования этой инициативы и проекта устава ИНБУКа С. Ф. Ольденбург привлек не только лидера российской буддологической школы Ф. И. Щербатского, но и М. И. Тубянского, которого ценил как исключительно эрудированного и высокомотивированного молодого ученого [Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927. С. 1701–1704; Ермакова, 2011. С. 202–209].

В числе направлений деятельности ИНБУКа, предусмотренных в проекте устава, значилось развертывание экспедиционных исследований в ареалах укоренения буддийской культуры. Предполагалось, в частности, что в ходе экспедиций будет производиться ознакомление с буддийской литературой, зафиксированной в живой традиции религиозного образования. Такая литература особенно интересовала С. Ф. Ольденбурга как редактора научно-издатель-

ской серии «Bibliotheca Buddhica», поскольку ее функционирование в системе подготовки ученого духовенства обеспечивало воспроизведение буддийского мировоззрения и именно такие произведения следовало в первую очередь готовить к изданию в серии. В том же, 1927 г. было сочтено целесообразным, не дожидаясь официального открытия ИНБУКа, направить М. И. Тубянского на год в МНР для изучения старой и новой тибетской литературы, используемой в местных духовных училищах, и методов преподавания там религиозно-философских дисциплин.

Организовать подобную научную командировку непосредственно в Тибет возможности не было, так как в то время тибетская государственная администрация запрещала въезд в страну европейцев. Но и Монголия вполне подходила для осуществления поставленных задач — в интеллектуальной культуре монгольских монастырей господствовала тибетская книжность и — основным лингвистическим средством буддийской учености выступал тибетский язык. А кроме того, традиционные контакты монгольского духовенства с Тибетом не прерывались и после провозглашения МНР (1924). М. И. Тубянский давно помышлял о перспективе такой поездки и готовился к ней. Пользуясь консультациями акад. Б. Я. Владимирцова (1884–1931), он освоил халхаское наречие и монгольский литературный язык, а также обогатился необходимыми познаниями в области монголоведения. Однако, отправляясь в Улан-Батор, он не мог предвидеть, что его пребывание в Монголии затянется на девять лет, а учрежденный весной 1928 г. ИНБУК будет в 1930 г. упразднен в связи с реформированием академических востоковедных организаций и образованием в Ленинграде крупного научно-исследовательского концерна — Института востоковедения АН СССР.

В Монголии первоначальной базой исследований М. И. Тубянского был столичный монастырь-университет Гандан. Ему удалось сблизиться со священноначалием этой прославленной обители, продемонстрировав свое знание буддизма, и установить контакты с преподавателями религиозно-философских дисциплин. В обмен на консультации по вопросам буддийской философии и методам преподавания он выразил готовность стать непосредственным участником образовательного процесса — вести курс санскрита. За основу курса он взял учебник Г. Бюлера, а занятия проводил на тибетском языке. Обо всем этом он 29 сентября 1928 г. сообщил в отчетном письме Ф. И. Щербатскому как научному куратору экспедиции и просил его ходатайствовать перед Комиссией экспедиционных исследований АН СССР о продлении командировки еще на один год [СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19–23]. Но и по истечении этого срока М. И. Тубянский не считал свои исследования завершенными и остался в Монголии, но уже не в качестве командированного ученого, а как научный консультант Полпредства СССР.

Трудно сказать, действительно ли желание продолжить свои исследования было единственным мотивом, тормозившим его возвращение в Ленинград. Возможно предположить, что М. И. Тубянский знал о начатом в 1929 г. следствии по так называемому «академическому делу», об арестах научных работников и сотрудников Архива Академии, о смещении С. Ф. Ольденбурга с должности постоянного секретаря АН СССР и предпочел дистанцироваться от этих событий. Но никакими документированными сведениями, которые подтверждали бы подобное предположение, мы не располагаем. В автобиографии, написанной М. И. Тубянским в апреле 1937 г. при зачислении в штат Института востоковедения, ученый сообщал, что получил предложение от Полпредства СССР задержаться в стране для консультирования советских дипломатов по вопросам монголоведения и тибетологии и для участия в работе Ученого комитета МНР [Личное дело Тубянского М. И. — СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610. Л. 6].

Организация, называемая в российских работах по истории монголоведения «Ученым комитетом» (сокр.: Учком), или «Научно-исследовательским комитетом» (сокр.: НИК), была создана в 1921 г. как первое научно-исследовательское учреждение Монголии Судар бичийн хурээлэн (в переводе с монгольского: «Комитет книг и рукописей»). В 1930 г., когда М. И. Тубянский был назначен на должность ученого секретаря этого учреждения, оно в связи с расширением круга своих задач стало называться Шинжлэх ухааны хурээлэн (в традиционном переводе на русский язык — «Комитет наук»). Спустя три десятилетия, в 1961 г., на его базе была образована Академия наук МНР.

Пребывая в указанной должности с 1930 по 1936 г., М. И. Тубянский совмещал научно-организационную работу с продолжением собственных исследований и существенно расширил их тематику. Его глубоко заинтересовали теоретические проблемы развития монгольского литературоведения и дореволюционное литературное наследие. В качестве автора научных публикаций он сотрудничал с политико-экономическим журналом «Современная Монголия», учрежденным при Полпредстве СССР. Этот журнал предназначался преимущественно для служебного пользования, печатался в Улан-Баторе, в Русской типографии, сравнительно небольшим тиражом и поступал в СССР в очень незначительном количестве экземпляров. (Он выходил в свет с 1933 по 1936 г. и с 1938 по 1940 г.) В настоящее время «Современная Монголия» относится к разряду редких периодических изданий.

Литературоведческие исследования М. И. Тубянского приобрели особую актуальность в связи с задачами развития монгольской национальной культуры, языка и литературы, поставленными на IX съезде МНРП, проходившем осенью 1934 г. В среде советских ученых-монголоведов и прежде всего сотрудников Института востоковедения АН СССР эта ди-

ректива МНРП вызвала живой отклик. Молодой член-корреспондент Академии наук Николай Николаевич Поппе (1897–1991), претендовавший после кончины Б. Я. Владимирцова на научное лидерство в российском монголоведении, выступил на страницах «Современной Монголии» с программной статьей «Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы» [Поппе, 1935б. С. 3–12]. Критическим ответом на нее и стала работа М. И. Тубянского «Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода», опубликованная в том же журнале с пометкой от редакции: «Печатается в дискуссионном порядке» [Тубянский, 1935. С. 7–31].

Не предвосхищая знакомства читателя с содержанием этой интереснейшей работы, отметим лишь некоторые моменты, контекстуально важные для понимания ее идейной направленности. Перечень вопросов, которые М. И. Тубянский полагал необходимым обсудить в связи с поставленными на IX съезде МНРП задачами, он вынес в начало своей статьи в качестве своеобразного оглавления и далее каждому из них посвятил отдельный одноименный параграф. В перспективе нового культурного строительства, развертывавшегося в МНР, ученый стремился акцентировать ценность литературы, созданной в течение многовекового дореволюционного периода. Дореволюционная литература, подчеркивал М. И. Тубянский, ценна именно тем, что она является литературой монгольского народа, исторического творца своей национальной культуры, и поэтому развитие литературы должно опираться на творческое освоение этого национального достояния, а не начинаться как бы с чистого листа.

Учитывая разработанные в науке типологические представления о средневековой литературе, он утверждал, что предмет монгольского литературоведения не может ограничиваться только художественной словесностью, а должен охватывать письменное наследие целиком. Он считал такой подход методологически правомерным, поскольку в средневековых трактатах по различным отраслям знания не наблюдается того полного отрыва от художественной словесности, который характерен для современной специальной литературы.

М. И. Тубянский вслед за Б. Я. Владимирцовым обратил пристальное внимание на роль тибетского языка, занявшего в монгольском феодальном обществе положение второго литературного языка. Он показал, что в феодальный период монгольскими авторами была создана значительная религиозно-философская литература на тибетском языке, получившая известность в Центральной Азии и пользующаяся признанием в Тибете. Указывая на такие ее признаки, как отчетливо выявленное и датированное авторство, наличие преемственности и идейной полемики, ученый констатировал, что фактически она выдвинулась в тот исторический период на позиции национальной литературной традиции.

В этой связи следует сказать, что М. И. Тубянский был хорошо осведомлен о развернувшейся в СССР борьбе с религией. В Институте востоковедения проблематика истории буддийской философской мысли неуклонно вытеснялась из научно-исследовательских программ. Но ученый не намеревался расставаться с буддологией по возвращении на родину и собирался продолжить это направление исследований, замаскировав его тематически под изучение древнеиндийского материализма по тибетоязычным источникам. Такой разворот тематики становится понятным, если не упускать из виду тот культурно-исторический факт, что сведения о воззрениях школ индийского материализма сохранились преимущественно в буддийских трактатах. Индийские, а позднее тибетские и монгольские мыслители-буддисты в своих произведениях подвергали всесторонней критике взгляды материалистов, и М. И. Тубянский планировал положить в основу своей кандидатской диссертации еще не известные мировой науке трактаты монгольских авторов, написанные на тибетском языке [Воробьева-Десятковская, Савицкий, 1972. С. 163–164]. Именно с таким прицелом он особенно кропотливо изучил эту религиозно-философскую часть дореволюционного литературного наследия Монголии.

В статье М. И. Тубянского значительное место уделено классификационному описанию дореволюционной литературы. Впервые в истории монголоведения он классифицировал весь массив монгольской литературы, включая переводную, по отраслям, образующим в совокупности систему национальной культуры. Цель такой классификации состояла в том, чтобы продемонстрировать исторический потенциал и возможные тенденции развития литературного процесса в условиях нового культурного строительства.

Однако, несмотря на свои теоретико-методологические достоинства и богатое содержание, эта работа М. И. Тубянского вскоре оказалась выведенной из научного оборота. Первоначальной причиной ее забвения стал арест ученого, последовавший 18 августа 1937 г., когда он уже являлся штатным сотрудником индо-тибетского кабинета Института востоковедения. В течение долгого времени научной общественности не было известно, что он приговорен к

высшей мере наказания по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии и 24 ноября того же года расстрелян. Ф. И. Щербатской, заведовавший индо-тибетским кабинетом, в феврале 1940 г. обратился к вице-президенту Академии наук Г. М. Кржижановскому с письменной просьбой способствовать возвращению его репрессированных учеников, в том числе М. И. Тубянского, к научной работе, так как надеялся, что они пребывают в ссылке [Вигасин, 2008. С. 266–267].

Но и посмертная реабилитация ученого, состоявшаяся в 1957 г. [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610. Л. 11], не привела к возобновлению научного внимания к «Некоторым проблемам монгольской литературы дореволюционного периода». Теперь уже советские ученые воздерживались от упоминания этой работы в своих исследованиях из-за того, что в ней велась полемика с Н. Н. Поппе. Имя Н. Н. Поппе было опозорено добровольным переходом ученого на сторону немецко-фашистских захватчиков в 1942 г. По результатам расследования его коллаборационистской деятельности Н. Н. Поппе, бежавший после падения Третьего рейха в США, был в 1949 г. заочно лишен звания члена-корреспондента АН СССР.

Попытку вернуть статью М. И. Тубянского из долгих лет забвения впервые предпринял И. И. Иориш, охарактеризовавший ее как не утратившую своей научной ценности [Иориш, 1972. С. 227]. Ее нынешнее переиздание направлено прежде всего на ознакомление молодого поколения ученых-монголоведов с историческими путями развития литературоведения как области монголистики в первой трети XX в.

При подготовке текста статьи к переизданию мы провели сверку ссылочного аппарата и в квадратных скобках указали (в форме полужирного) работы, на которые ссылается автор. Это было необходимо, так как М. И. Тубянский не заботился об унификации библиографических описаний и в отдельных случаях допускал ошибки в названиях сочинений и указании страниц. В качестве приложения к публикации мы приводим список использованной автором литературы, показывающий широту его эрудированности. Наши примечания к статье обозначены астерисками и даны постранично.

М. И. Тубянский *

Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода

1. Общие вопросы. — § 1: Неизученность монгольской литературы. — § 2: Вспомогательные дисциплины. — § 3: Оценки монгольской литературы. — § 4: Литература и письменность. — § 5: Проблема переводной литературы. — § 6: Проблема истории культуры. — § 7: Вопрос о племенных литературах. — § 8: Самостоятельная монгольская литерату-

ра. — § 9: Личная и безличная литература. — § 10: Социальная борьба в монгольской литературе.

2. Состав монгольской литературы. — § 11: Классификация монгольской литературы. — § 12: Литература по экономике. — § 13: Политика и публицистика. — § 14: Ганчжур и Данчжур. — § 15: Литература по религии. — § 16: Литература по языкозна-

* В публикуемой статье сохранены стиль, орфография и пунктуация автора.

нию. — § 17: Литература по медицине и ветеринарии. — § 18: Литература по технике. — § 19: Юридическая литература — § 20: Астрология и астрономия. — § 21: Историческая литература. — § 22: Художественная литература. — § 23: Очередные задачи монгольского литературоведения.

§ 1. Неизученность монгольской литературы

В 1880 г. известный монголовед А. Позднеев писал: «Литература монголов для нас положительно не известна»¹. В 1907 г. венгерско-американский востоковед В. Лауфер (умерший в 1934 г.) констатирует, что история монгольской литературы еще не может быть написана, так как для этого отсутствуют сколько-нибудь основательные подготовительные работы². Наконец в 1935 г. советский монголовед проф. Н. Поппе указывает, что в области монгольских литератур мы до сих пор не имеем ни одного литературоведного исследования³. Если считать, что первые статьи о монгольской литературе появились в Европе более 100 лет тому назад⁴, то надо подчеркнуть удивительную медленность и непродуктивность европейского востоковедения в этом отношении, особенно если сравнить степень изученности монгольской литературы с рядом других литератур Востока, как то: китайской, индийской, арабской, турецкой и др.

До настоящего времени сводных обзоров монгольской литературы имеется всего два: 1) литографированные лекции А. Позднеева (1896/97)* и 2) цитированная выше книга Б. Лауфера. Но ни та, ни другая не являются историями монгольской литературы, а преимущественно — обзорами существующей европейской литературы на эту тему⁵, те же многочисленные статьи и работы, которые в них перечисляются, сами по себе, не говоря уже о случайности и ограниченности их тематики, в значительной своей части отнюдь не удовлетворяют научным требованиям, которые должны быть к ним предъявлены.

¹ «Образцы народной литературы монгольских племен» 1880, с. 48. (См.: [Позднеев, 1880].)

² «Skizze der mongolischen Literatur» в венгерском журнале «Keleti Szemle» («Восточное обозрение») за 1907 г.; русский перевод: Ленинград, 1927, с. 1. (См.: [Laufer, 1907; Лауфер, 1927].)

³ «Проблемы бурят-монгольского литературоведения» в Записках Института востоковедения Академии наук. Вып. 111 (1935), с. 13. — В своей статье о монгольской литературе в № 3 (10) «Современной Монголии» проф. Поппе говорит о «необщезвестности» (с. 3) монгольской литературы, но это уже значительное смягчение действительного положения дела. (См.: [Поппе, 1935а; 1935б].)

⁴ Если вести счет от работ Палласа (конец XVIII века). (См.: [Pallas, 1776; 1801; Паллас, 1787–1789].)

⁵ См. замечания Владимирцова и Лауфера в указанном русском издании книги Лауфера, с. I и 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

Одним из главных препятствий к надлежащему изучению монгольской литературы было отсутствие в самой Монголии литературного и литературоведческого центра и даже отсутствие в ней достаточного интереса к родной литературе вплоть до XX в., когда появились — сначала у бурят — выдающиеся собиратели монгольского фольклора в лице Ц. Ж. Жамцарано и др. Он же основал первое в МНР национальное научно-исследовательское учреждение — Ученый комитет (1921) — и богатейшее собрание монгольской литературы в составе библиотеки Ученого комитета (НИКа). В других странах собрание памятников монгольской литературы произошло уже давно, особенно в течение всего XIX в. — в Петербурге, а именно в б. Азиатском Музее (ныне — Институт востоковедения) Академии наук (совр. Институт восточных рукописей РАН. — Т. Е., Е. О.) и в университетской библиотеке, но, к сожалению, несмотря на наличие значительных монговедческих сил в этих учреждениях, как указывал еще в 1927 г. акад. Б. Я. Владимирцов⁶, и еще и доньше (1935) каталоги этих крупнейших мировых коллекций пока не изданы. Точно так же не издан и каталог библиотеки НИКа МНР.

§ 2. Вспомогательные дисциплины

Таким образом, мы приходим к выводу, что прежде всего *отсутствует научная библиография* монгольской литературы. По справедливому замечанию Лауфера, «существует еще много неподобранных сокровищ» монгольской литературы⁷, но если к тому же еще не приведены в известность даже те, которые так или иначе «подобраны», какое же возможно литературоведение?⁸ Ведь библиография представляет собственно первую ступень научного литературоведения, элементарнейшую его вспомогательную дисциплину.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что плохо обстоит дело и с другими вспомогательными дисциплинами *монгольского литературоведения*⁹. Сравнительно лучше разработано доньше *монгольское языкознание*¹⁰, хотя и в нем немало пробелов, хорошо известных каждому монголоведу. Но гораздо ху-

⁶ См. написанное им предисловие к вышеназванной книге Лауфера, с. 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁷ Лауфер. С. 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁸ По имеющимся сведениям, Институт востоковедения Академии наук теперь готовит к печати частичный каталог своих коллекций. (См.: [Жамцарано, 1936].)

⁹ О вспомогательных дисциплинах литературоведения см. соответствующий раздел статьи И. Нусинова**** «Литературоведение» в Литературной энциклопедии. Том VI (1932), стб. 477 и след.

¹⁰ Особенно после появления (уже в XX в.) превосходных работ Рамстедта, Владимирцова, Смедта, Мостарта и (весьма неравноценных между собою) работ проф. Поппе. (См.: [Рамстедт, 1908; Smedt et Mostaert, 1933; Владимирцов, 1924; 1929; Поппе, 1934; 1935а; 1935б].)

же дело обстоит с *историей монголов*, несмотря на наличие громадного количества отдельных разработок. Наиболее крупная сводка по монгольской истории — Грум-Гржимайло¹¹ — отнюдь не может считаться научным трудом. Громадное значение имеет посмертная работа акад. Владимирцова¹², но это — лишь блестящее начало, своего рода введение в не-написанную монгольскую историю, а самой истории — даже хотя бы научных обработок отдельных крупных эпох монгольской истории — все еще нет. Крупным шагом в смысле подготовки материалов будет ожидаемое от проф. Пеллио издание монгольского «Сокровенного сказания»**, затем предпринимаемый Институтом востоковедения новый перевод Рашид-ад-Дина***; но зато изумительно богатые китайские источники по монгольской истории доныне очень мало затронуты¹³; мало использованы и тибетские источники¹⁴, точно так же почти не затронуты и *монгольские архивы*.

§ 3. Оценки монгольской литературы

Но, помимо указанных препятствий, путь к монгольскому литературоведению преграждала и преграждает неразработанность и запутанность ряда принципиальных *методологических* вопросов и сбивчивость предварительных ориентировок и оценок.

При подходе к изучению монгольской литературы некоторые авторы задают себе такие вопросы: велика ли она? ценна ли она? стоит ли ее изучать? — и т. д. На эти вопросы мы встречаем разные ответы. Так, например, в одной из своих статей проф. Поппе пишет: «Письменная монгольская литература *очень невелика*» (курсив наш. — М. Т.)¹⁵, тогда как в другой статье того же автора мы читаем: «На письменном монгольском языке существует *богатая* (курсив наш. — М. Т.) литература. Ее очень мало знают и потому часто приходится слышать о бедности ее»¹⁶. В данном случае приходится допустить, что автор за 1 год, протекший между двумя своими статьями, резко изменил свое мнение. Но в обоих случаях эти суждения высказаны им совершенно некритически, так как он не указывает никакого масштаба для «измерения» литературного богатства и нельзя также считать, что этот масштаб самоочевиден. Вопрос поставлен неправильно, «измерения» подобного рода могут быть даны только конкретно. Незачем сравни-

вать монгольскую литературу, например, с английской или с китайской; надо учесть количество самих монголов, кочевой образ жизни, отчасти препятствующий развитию книжности, гнет феодализма, вызывающий безграмотность, и т. д.; сопоставить состав монгольской письменной литературы с литературой других кочевых народов и т. д. и тогда уже говорить о количественной оценке.

На вопросе о ценности монгольской литературы останавливается не раз Лауфер. Так, по его словам, литература северного буддизма может по монгольским источникам изучаться с тою же пользой, как и по китайским источникам¹⁷. Это утверждение в такой форме неправильно: несмотря на то, что индийский буддийский канон переведен на монгольский язык, он переведен не с санскрита (как китайский и тибетский каноны), а с тибетского, т. е. представляет собою «пере-перевод», и потому может быть, в смысле изучения буддизма, в лучшем случае лишь филологическим пособием для изучения тибетского канона. Но Лауфер почему-то и вообще не указывает на крупное значение монгольских переводов с тибетского языка для изучения тибетского языка и литературы¹⁸. Далее, монгольская литература ценна, по его словам, потому, что монголы были посредниками в распространении литературных сюжетов между Западом и Востоком, в особенности же — эпоса¹⁹. При этом он имеет в виду работы Потанина²⁰ и т. п. Наконец, Лауфер указывает еще и на то, что изучение монгольской литературы рассеивает историческое представление о монголах как о варварах и тем самым «приближает этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам»²¹. Это последнее соображение, красноречиво развитое Лауфером в самом конце его книги²², и все другие его доводы,

¹⁷ Указ. соч. С. 66. (См.: [Лауфер, 1927].)

¹⁸ Хотя в своей статье о маньчжурской литературе Лауфер и говорит о филологическом значении маньчжурских переводов для китаистов («Keleti Szemle», 1908, с. 11). (См.: [Laufer, 1908].)

¹⁹ Указ. соч. С. 93–94. (См.: [Лауфер, 1927].)

²⁰ Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, 1899. (См.: [Потанин, 1899].)

²¹ Указ. соч. С. 95. (См.: [Лауфер, 1927].)

²² Лауфер пишет (с. 94–95): «Мировое историческое значение монголов настолько велико, что нас должно живейшим образом интересоваться все касающееся духовной жизни народа, который некогда смог потрясти всю Европу, а ее королей и пап вовлечь в сферу своего влияния. В истории нашего отечества они заклеены именами варварских орд, на школьной скамье они выставляются нам чернее китайской туши и предтечами пресловутой желтой опасности. Тем более обязана наука выступить против такого странного определения и приблизить этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам. В своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к родине, к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к жене. Мы познаем общечеловеческие и вместе с тем благородные и рыцар-

¹¹ Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. 1926. (См.: [Грум-Гржимайло, 1926].)

¹² История общественного строя монголов****, 1934.

¹³ См. указания у Владимирцова, указ. соч., с. 8. (См.: [Владимирцов, 1934].)

¹⁴ Там же. С. 19. (См.: [Владимирцов, 1934].)

¹⁵ См. статью проф. Поппе «Монгольская литература» в Литературной энциклопедии, т. VII (1934), стб. 446–451. (См.: [Поппе, 1934].)

¹⁶ Статья проф. Поппе о монгольской литературе в журн. «Современная Монголия», № 3 (10) за 1935 г., с. 6. (См.: [Поппе, 1935].)

как и большинства других авторов, писавших до 1911 г., имеют все же исключительно отвлеченный характер. Главное значение монгольской литературы — в ее неизменной роли, в том, что она есть литература монгольского народа, который, вопреки всем приговорам «знатных иностранцев», возрождается к новой исторической жизни; что он при этом в своем культурном строительстве начинает не с пустого места, а с критического освоения своего культурного наследия, и что поэтому монгольская литература, завещанная историей, не есть нечто застывшее, — она переоценивается в жизненном процессе; ее интерес для всего культурного человечества неотделим от ее возрождения и обновления творческими силами монгольской революции.

§ 4. Литература и письменность

Проф. Н. Н. Поппе в своей статье «Проблемы бурят-монгольского литературоведения» видит один из двух серьезных недочетов прежних работ по монгольской литературе «в подмене литературы письменностью в широком смысле этого слова и в непонимании задач литературоведения как науки, имеющей своим объектом лишь художественные произведения»²³. По его словам, предыдущие авторы (кроме Владимирцова) не делали никакой разницы между дипломатической перепиской, эпиграфикой и т. д., с одной стороны, и художественными произведениями — с другой. Объектом литературоведения, по словам проф. Поппе, «должны быть безусловно (курсив наш. — М. Т.) только художественные произведения, только художественная литература в целом, а философская, медицинская литература, сборники законов и т. д. должны быть предметом истории монгольской науки, правоведения и т. д.»²⁴. Выставив такой принцип, проф. Поппе сам же, однако, отклоняется от него в той же статье. Так, он в состав бурятской литературы включает помимо былин и легенд и т. д. также не относящиеся к художественным сочинения по истории и географии²⁵. По его словам, изучение исторических сочинений «является, конечно, не столько задачей литературоведа, сколько историка... хотя их блестящий стиль, образный, очень четкий и строгий язык делают их близкими литературоведу»²⁶, а географические сочинения «безусловно, имеют право быть отнесенными, хотя бы отчасти, к художественной литературе», так как содержат много личного и субъективного и изобилуют безусловно художественными описаниями²⁷. Точно

так же в своей вышеуказанной статье в «Современной Монголии» проф. Поппе в составе оригинальной старой монгольской литературы на первом месте называет исторические и географические сочинения²⁸, а художественные как таковые трактует *отдельно*²⁹. Таким образом, почему-то соблюдение вышеприведенного требования об ограничении литературоведения рамками художественной литературы самому автору оказывается не под силу. Эта непоследовательность, очевидно, проистекает из необдуманности самого принципа. Если исторические и географические сочинения можно отчасти включить в состав понятия художественной литературы потому, что в них имеются художественно изложенные места или «строгий язык», то зачем же отказывать в этом праве философским, юридическим и другим сочинениям, которые тоже сплошь да рядом изобилуют разными художественными достоинствами? В «Основах химии» Менделеева и в «Капитале» Маркса есть также и художественные места, и строгий язык, и многое другое, но никто не упоминает их в составе изящной литературы. Но главная ошибка проф. Поппе не столько в неспособности действительно четко разграничить области художественной и научной литературы³⁰, сколько в непонимании *историчности* этого разграничения. Не далее как в том же выпуске Записок Института востоковедения есть статья академика И. Ю. Крачковского о новоарабской литературе, в которой мы между прочим читаем: «Когда мы говорим о древней арабской литературе, мы часто понимаем под этим, как и при средневековых литературах (курсив наш. — М. Т.), вообще всю письменность: почти все истории арабской литературы включают такие отделы, как философия, точные науки и т. д.»³¹. То же самое относится, как известно, и к древним литературам Индии, Китая, Греции и т. д. Почему проф. Поппе так изолированно трактует монгольскую литературу, не учитывая, что это — общее явление, свойственное целому ряду литературоведческих отраслей? Дело тут не в «непонимании» или «подмене», а в коренном отличии современных литератур, буржуазных и пролетарских, от литератур прежних эпох, когда, несмотря на блестящее во многих случаях развитие, выделение научной и специальной литератур почти никогда не доходило до полного отрыва их от художественной литературы и когда образованный человек эпохи мог быть начитанным одновременно чуть ли не во всех отделах литературы. Поэтому только справедливо, если в таких случаях не проводится строгого различия между литературой в узком смысле и письменностью в широком смысле. Таким образом, мы считаем вполне

ские черты этих необузданных сыновей степи, которые некогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча». (См.: [Лауфер, 1927].)

²³ См. выше, примеч. 3. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁴ Указ. соч. С. 14. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁵ С. 25 и 28–29. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁶ С. 25. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁷ С. 29 и 28. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁸ С. 8 и след. (См.: [Поппе, 1935б].)

²⁹ С. 9. (См.: [Поппе, 1935б].)

³⁰ Ср. в статье И. Нусинова «Литература» в Литературной энциклопедии, т. VI, главу «Литература и наука» (стб. 423). (См.: [Нусинов, 1932].)

³¹ Вышеназв[анный] III выпуск Записок, с. 159–160. (См.: [Крачковский, 1935].)

целесообразным для литератур «средневекового», т. е. феодального типа, а тем более для литератур дофеодальных эпох, включение в понятие литературы всей письменности, как, разумеется, и всего фольклора.

§ 5. Проблема переводной литературы

Своеобразную методологическую трудность в монгольском литературоведении представляет вопрос о переводах. Дело в том, что монгольская письменная литература в большей своей части состоит, как известно, из переводов с других языков. По словам проф. Поппе, переводы эти делались вначале с уйгурского, потом с тибетского, а также с китайского языков³²; но здесь не указано, что переводов с китайского довольно мало, так как китайские сочинения переводились большей частью с готовых маньчжурских переводов, так что придется дополнить этот список маньчжурским языком. Ввиду такого преобладания переводов возникает следующий вопрос: «Можно ли такие переводные, неоригинальные произведения считать предметом монгольского литературоведения?»³³ На этот вопрос проф. Поппе сам же дает следующий ответ: эти произведения надо изучать в составе монгольской литературы: 1) поскольку они вошли в литературный обиход, акклиматизировались и сумели вызвать в данной национальной среде местные литературные явления, представляющие собою некое окружение для данного литературного произведения; 2) потому что переводы выполнены по определенному социальному заказу: «Никому не нужного, никому ничего не говорящего произведения не станут ведь переводить»³⁴. Очевидно, проф. Поппе считает, таким образом, что переводная литература должна быть включена в понятие монгольской литературы³⁵.

Но эта концепция проф. Поппе неверна, так как в монгольской литературе имеется немало именно «никому не нужного» переводов — «мертвых сокровищ», по выражению акад. Владимирцова. Очень значительное число переводов, входящих в состав монгольского Данчжура, полного собрания сочинений Цзонхавы³⁶ и других подобных коллекций ни-

кем никогда не читались, не распространялись, не акклиматизировались и не вызвали в монгольской литературе абсолютно никаких откликов; таковы, например, целые крупнейшие отделы Данчжура, посвященные философии, мистике и дисциплине буддизма. Несмотря на грандиозность масштаба подобных переводческих предприятий, они в значительной части были исторически безрезультатны. Если проф. Поппе такой факт социологически кажется невозможным, то это указывает лишь на неисторичность его представления о «социальном заказе». Социальный заказ на эти никем не читанные переводы был, но смысл его резко отличается от социальных заказов послефеодальных периодов истории. С точки зрения общепринятой в буддизме теории так называемой религиозной заслуги (санскр. *пунья*, тиб. *соднам*, монг. *буян*) всякая переписка и тем более перевод священных текстов представляет собою такую заслугу, даже независимо от дальнейшего назначения данного перевода. Для маньчжурского императора Цянь Луна (1736–1796) достаточно было той репутации покровителя веры, которую он снискал себе подобными благотворительными начинаниями, но о действительной эффективности переводов ни он, ни его преемники не заботились. Философия буддизма продолжала по-прежнему изучаться в монгольских монастырях исключительно на тибетском языке, и некоторые попытки монголизации монастырской учебы или хотя бы монастырской книжности со времен Абатай Хана³⁷ до То-вана³⁸ и вплоть до Ц. Ж. Жамцарано³⁹ так и не имели успеха*****.

В результате мы имеем факт, очень многозначительный для культурной истории Монголии: пересаженная в Монголию из Тибета сложная культура буддийских монастырей так и не была монголизована по языку. Умственная культура феодального периода Монголии имела свой центр тяжести в монастырях, но ее орудием был никак не монгольский, а исключительно тибетский язык. Отсюда получилось, что наряду с монгольским литературным языком в Монголии в качестве второго, не только равноправного, но и преобладающего литературного языка распространился тибетский литературный язык. «Монгольский язык, уступая место тибетскому, —

³² Статья в «Современной Монголии», с. 7. (См.: [Поппе, 1935б].)

³³ Статья проф. Поппе в Записках Института востоковедения, с. 16. Аналогичные формулировки мы встречаем и в остальных цитированных статьях проф. Поппе: в Литературной энциклопедии, стб. 451, и в «Современной Монголии», с. 7. (См.: [Поппе, 1935а; 1932; 1935б].)

³⁴ Статья в Записках Института востоковедения, с. 17. (См.: [Поппе, 1935а].)

³⁵ См. также его статью в Литературной энциклопедии: стб. 451: «Тем не менее она (переводная литература) должна быть предметом тщательного изучения со стороны монголоведов, так как пустила корни в Монголии и распространилась». (См.: [Поппе, 1932].)

³⁶ Цз о н х а в а — известный реформатор тибетского буддизма (1357–1419).

³⁷ Согласно тибетской биографии Балгон Шадби-дордже, 1-го перерожденца Цзугин-ламы, Абатай-Хан (XVI в.) выписал из Тибета Ширэту Гушри-цордже специально для перевода тибетских книг на монгольский язык для распространения буддизма в Монголии (см. Послесловие этой биографии).

³⁸ Т о - в а н*****, как указано в его орфографическом сочинении, основал школу для изучения буддизма по-монгольски, но она просуществовала недолго.

³⁹ Согласно переписке между Ц. Ж. Жамцарано и известным ламаистским ученым Цзава-Дамдином*****, опубликованной на тибетском языке в монастыре Шина-Чойрин Хуре, Ц. Ж. Жамцарано обращался к Цзава-Дамдину с предложением организовать в широком масштабе перевод тибетской книжности на монгольский язык. Цзава-Дамдин отклонил его предложение.

писал акад. Владимирцов — уходит в канцелярии, в ставки князей, в юрты светских лиц, но и там встречает себе соперника в лице опять же тибетского языка, который во всеоружии своей громадной литературы стремится завоевать новые и новые области монгольской духовной жизни... Не только буддийское духовенство, но и светское общество обращается к этому языку... вообще все, кто только стремится стать образованными, начинают изучать тибетский язык»⁴⁰.

Но дело не только во втором литературном языке: в Монголии на тибетском языке вырастает действительно крупная литература. Акад. Владимирцов мог указать на нескольких выдающихся писателей из монголов, писавших по-тибетски⁴¹, но в настоящее время их количество, оказывается, было гораздо большим, чем это можно было предполагать. Акад. Владимирцов указывает на алашаньского Дандар-лхарамбу, который своими учеными сочинениями на тибетском языке прославился не только в Монголии, но даже и в самом Тибете⁴². Но, помимо того, что число таких монголо-тибетских авторов, так сказать, международного значения было довольно велико, — можно назвать, например, еще Балдан-цорчже, Дандар-агримбу, Чагдор-габджу, Цава-Дамдина и др. Если попытаться перечислить лишь тех авторов, которые прославились только в пределах Монголии, то и их окажется очень много, причем необходимо подчеркнуть, хотя подробнее останавливаться на этом вопросе здесь невозможно, что и в качественном отношении их литературная продукция находится на высоком уровне, являясь естественным продолжением индо-тибетской философско-схоластической традиции, которая во всяком случае с честью выдержит сравнение со средневековой европейской литературой.

Аналогия с Европой средних веков поможет нам осмыслить и тот поразительный факт, что эта тибетская литература монголов, будучи вполне «нормальной» литературой, т. е. имея и определенно датированных, ярко выраженных авторов, и преемственность, и полемику, и идейную борьбу и т. д., заняла фактически положение «национальной литературы», богато отражающей идеологию эпохи, и тем самым подавила и оттеснила монгольскую литературу на положение загнанной, прозябающей письменности, почти не знающей, по словам акад. Владимирцова, своих, национальных по языку, писателей-творцов⁴³. Не иначе ведь было положение и в средневековой Европе, с ее господством латыни.

Такое положение монгольской литературы в феодальную эпоху объясняет нам наличие в ней доволь-

но многочисленных «мертвых сокровищ», вроде вышеупомянутых Ганчжура и Данчжура — факт, совершенно обойденный в цитированных статьях проф. Поппе. Между тем очерченное положение, сводящееся к отсутствию монголизации национальной умственной культуры в эпоху феодализма и к наличию в богатой переводной литературе значительных «мертвых пластов» — с одной стороны, обнаруживает снова неправильность утверждения Лауфера о равноценности монгольских буддийских канонов с китайскими⁴⁴, а с другой стороны, обнаруживает и неправильность утверждения проф. Поппе, будто переводная литература не могла быть переведена впустую. Самый факт наличия переводов еще не превращает их тем самым в литературу: «История литературы есть история прочитанного, но не история написанного»⁴⁵.

Если мы, таким образом, считаем необходимым сделать «отвод» для значительной части монгольской переводной литературы с тибетского, то этим еще не снимается литературоведческая проблема переводов в монгольской литературе. Но центр тяжести проблемы совершенно не в том, в чем его видит проф. Поппе. Трудность литературоведческой разработки переводной литературы отмечена была Лауфером в его статье о маньчжурской литературе: «История маньчжурской литературы, — говорит он, — которая, в сущности, представляет только ответ китайской литературы, неизбежно должна быть трактуема иначе, нежели история самостоятельной литературной области. Задача ее историка не может состоять в том, чтобы изучать и анализировать отдельные переводы (курсив наш. — М. Т.), так как подобная задача стала бы понятна лишь в связи с развитием китайской литературы и, следовательно, должна быть предоставлена изложению последней»⁴⁶. Это своеобразное положение, с такою ясностью сформулированное Лауфером в отношении маньчжурской литературы, не было применено ни им самим, ни кем-либо другим к монгольской литературе, хотя методологическая сторона проблемы здесь одинакова в отношении переводной части монгольской литературы. Как уже сказано, монгольская литература феодального периода в большей своей части переводная. Но подавляющий избыток переводной литературы отнюдь не означает, что она тем самым оторвана от социальной действительности и не выражает собою реальной идеологии эпохи: он означает, что эта литература по своему содержанию не может быть ни понята, ни объяснена сама из себя, по образцу, например, богатейших оригинальных пластов индийской, греческой или древнескандинавской литератур. Монгольская литература, именно как пе-

⁴⁰ Б. Владимирцов. Raicanantra, 1921, с. 50–51. Аналогичное указание у Потанина — «Очерки Северо-Западной Монголии», I (1881), с. VI–VII. (См.: [Владимирцов, 1921; Потанин, 1881].)

⁴¹ Там же. С. 51. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴² Владимирцов. Там же. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴³ Там же. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴⁴ Лауфер. Указ. соч. С. 66. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁴⁵ Этот тезис принадлежит П. С. Когану. Цитирую из Литературной энциклопедии, VI (1932), стб. 483. (См.: [Цейтлин, 1932].)

⁴⁶ Laufer. Skizze der manjurischen Literatur. «Extrait de la Revue Orientale». 1908. С. 1–2. (См.: [Laufer, 1908].)

реводная литература, является зависимой не только в узкофактическом смысле ее зависимого возникновения: она и по содержанию и смыслу, по системе своей идеологии может быть охвачена только в сопоставлении ее с ее идейными источниками и оригиналами, а также при сопоставлении ее с тибетской литературой, возникшей в самой Монголии и гораздо более полно отражавшей общественную идеологию.

§ 6. Проблема истории культуры

Но изучение идеологических систем индо-тибетского буддизма в Индии и Тибете, а также и в самой Монголии, представляя собою неизбежную предпосылку для охвата идейного содержания монгольской литературы, само непосредственно к монгольскому литературоведению отнесено быть не может. Это — задача истории умственной культуры Центральной Азии, задача столь же неизбежная, сколь далекая сегодня от своего разрешения. Мы можем быть какого угодно мнения о преобладании переводов в монгольской литературе, но — за исключением вышеуказанных «мертвых сокровищ» — те переводы, которые не только писались, но и читались, и обдумывались, и изучались, действительно выражают собою идеологию эпохи в неменьшей степени, чем немногочисленные оригинальные сочинения. Для их понимания в порядке литературоведческого изучения недостает *важнейшей* для монгольского литературоведения *вспомогательной дисциплины*: *недостает истории центральноазиатской культуры*. Этот дефект необходимо подчеркнуть со всей резкостью именно потому, что он до сих пор не был отмечен. Поэтому совершенно непонятна та простота, с которой проф. Поппе предлагает включить монгольскую переводную литературу в число предметов изучения, как бы не подозревая, что любой перевод, рассматриваемый только в рамках монгольской литературы, хотя бы с присоединением справок о том, откуда он переведен, будет представлять собою совершенно недоступную загадку по своему *содержанию*. При этом надо добавить, что для монгольского читателя он такой загадки не представлял, так как те самые вопросы, которые мы теперь предлагаем разрешить посредством разработки истории центральноазиатской культуры, были достаточно освещены для него богатой *устной* традицией толкования.

Если мы не желаем ограничиться литературоведением в духе формалистической школы, а хотим понять монгольскую литературу феодальной эпохи как действительное выражение ее идеологии, как орудие идейной борьбы и могущественных общественных интересов, понять ее социологически и исторически, то невозможно разрабатывать ее в отрыве от системы и истории идеологии всего центральноазиатского общества, частью которого была Монголия, и столь же невозможно отрывать ее изучение от других, не менее богатых орудий идеологического движения, из коих на первом месте приходится по-

ставить тибетскую литературу, создававшуюся в Монголии.

Но дело не исчерпывается идеологией индо-тибетского происхождения и стиля. В предисловии к своему классическому Монгольскому словарю Ковалевский отметил наличие следующих «четырёх элементов образованности» у монголов: 1) элемент номадный, 2) индо-тибетский, 3) китайский и 4) европейский⁴⁷. Здесь необходимо подчеркнуть значение китайского элемента как второго по силе после индо-тибетского. Китайское культурное влияние в Монголии, по-видимому, гораздо древнее индо-тибетского, но ничего не известно о том, чтобы до эпохи маньчжурской династии предпринимались какие-либо систематические усилия по внедрению в Монголию элементов традиционной китайской идеологии⁴⁸. В маньчжурскую эпоху предприняты были многочисленные переводы художественных, религиозных и философских сочинений преимущественно конфуцианского характера, причем в большинстве эти переводы делались, как выше отмечено, не с китайского, а с маньчжурского языка. В отношении этих переводов дело обстоит не иначе, и потому в истории центральноазиатской культуры неизбежно выделение самостоятельного китайского раздела, ориентирующегося на подлинные китайские источники. Таким образом, очерчиваются основные требования к истории центральноазиатской культуры как вспомогательной дисциплине монгольского литературоведения. Ее основной задачей должно быть, используя соответствующие достижения других отраслей востоковедения, установление исторического развития тех идеологических систем — так сказать, в их непереуведенной, оригинальной форме, — для того, чтобы дать возможность уже монгольскому литературоведению как таковому выяснить характер их рецепции монгольской культурно-идеологической средой, а также их дальнейшие литературно-идеологические последствия в этой среде.

§ 7. Вопрос о племенных литературах

При соблюдении вышеуказанного требования о создании истории центральноазиатской культуры впервые возможно будет введение в монгольское литературоведение культурно-исторической точки зрения, которая позволит многие вопросы разрешить впервые научным образом. К числу таких вопросов относится и проблема взаимоотношений между монгольской литературой с одной стороны, и многими монгольскими литературами — с другой стороны. Эта проблема затронута проф. Поппе в одной из ци-

⁴⁷ Осип Ковалевский. Монголо-русско-французский словарь. Т. I. Казань, 1844. С. IV и след. (См.: [Ковалевский, 1844].)

⁴⁸ Переводы, делавшиеся в эпоху Юаней (см.: Позднеев, Лекции. I, 1896а, с. 177 и след.) по-видимому, не нашли распространения и в настоящее время утеряны. (См.: [Позднеев, 1896а].)

тированных статей следующим образом: по его мнению, одной из коренных ошибок монгольского литературоведения до сих пор было то, что оно рассматривало всегда в качестве своего предмета некую общую монгольскую литературу, но не ставило себе целью проследить литературы отдельных монгольских племен, как-то: халхасов, ойратов, бурят и др.⁴⁹ По мнению проф. Поппе, монгольскую письменную литературу можно считать единой только до XIV в., а с этого времени необходимо вести отдельную историю для литературы каждого из монгольских племен⁵⁰. Но, по справедливому указанию проф. Поппе, например, громадные переводческие предприятия, вроде переводов Ганчжура и Данчжура, относятся к XVII и XVIII вв.⁵¹ К какой же из отдельных монгольских литератур собирается отнести их проф. Поппе? Совершенно ясно, что если бы даже, скажем, оказалось, что персональный состав переводчиков набирался из чахаров и что поэтому некоторые особенности чахарского наречия отразились на переводных текстах, это ни в коем случае не давало бы нам права ограничиться приурочением этих переводов к составу чахарской литературы по той причине, что они и в последующие десятилетия и века оставались понятными для всех тех племен, которые продолжали еще пользоваться так называемым монгольским литературным языком. Поэтому ясно, что поскольку этот (классический) литературный язык сохранял свое значение, постольку существовала и междуплеменная письменная литература. Другое дело ойратская письменная литература, с семнадцатого века пользовавшаяся другим литературным языком, другое дело также фольклор, всегда тесно связанный с племенными особенностями, и другое дело, наконец, монгольская литература с начала двадцатого века, когда, особенно после революции, начало происходить усиленное сближение между литературным и разговорным языком.

Таким образом, мы считаем, что, поскольку речь идет о монгольской письменной литературе, необходимо установить пределом ее никак не XIV в., а XVII, когда произошло выделение ойратского литературного языка, а в отношении остальных племен общая литература должна трактоваться как таковая вплоть до конца XIX в. Мелкие языковые различия относятся скорее к области языковедения, чем к области литературоведения. До конца XIX в. наличие для известных групп межплеменных литературных языков совместно с культурно-историческим фондом, связанным с каждым из них, заставляет нас, вполне допуская возможность и необходимость отдельных историй литератур, выделять из всех них общую для них составную часть, которую не имеет никакого смысла каждый раз излагать повторно. По-

этому недостаточно «учитывать связь» между племенными литературами, как это предлагает проф. Поппе⁵², а необходимо диалектически подвижным образом рассматривать каждую из племенных литератур как становящуюся, выделяющуюся — сначала своим фольклорным элементом, а затем и в письменности — из общего сложного единства, слагающегося из более широкого круга центральноазиатской культуры и более узкого круга межплеменной монгольской культуры, распадающейся уже с давних пор, в свою очередь, на более или менее крупные группы.

§ 8. Самостоятельная монгольская литература

При большом преобладании в монгольской литературе переводов над самостоятельными сочинениями особый интерес привлекает к себе, естественно, та часть монгольской литературы, которая не является переводной. Мы уже упоминали о том, что большую литературную активность монголы проявили на тибетском языке. Что же касается монгольского национального языка, то естественно предположить, на первый взгляд, что прежде всего устная литература или фольклор окажется свободнее от внешних влияний. Но на самом деле это не так. Одно из наиболее крупных достояний старого фольклора — это эпос о Гэсэр-хане, пользующийся большой популярностью у некоторых монгольских племен, имеющийся и в записях. Однако этот эпос также оказывается заимствованным. Тем не менее назвать его просто переводом тоже нельзя, так как он подвергся значительной переделке в монгольской среде. Таким образом, можно сказать, что монгольские варианты «Гэсэриады» представляют плод совместного творчества тибетцев и монголов. Произведение это в монгольском своем виде обладает столь богатыми поэтическими достоинствами, столь разнообразным содержанием при значительных размерах, что Лауфер недаром обозначил его как интереснейшее произведение монгольской литературы⁵³. В монгольский фольклор перешло очень много сюжетов из Индии, Тибета и других окружающих стран, но не только сюжеты, а и самая поэтика фольклора также указывает на связь с другими культурами⁵⁴. Но сколько бы ни было подобных заимствований в составе фольклора, самостоятельное творчество постоянно участвует в нем в большей мере, нежели в письменной литературе, не говоря уже о том, что имеется большая устная литература, безусловно, не заимствованная ниоткуда, а выросшая всецело из почвы монгольской истории. Таковы, например, раз-

⁴⁹ Указ[анная] статья в Записках Института востоковедения Академии наук, с. 14. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵⁰ Там же. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵¹ Статья в «Современной Монголии», с. 5–6. (См.: [Поппе, 1935b].)

⁵² Записки Института востоковедения, с. 16. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵³ Указ. соч. С. 75. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁴ Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. 1923. Предисловие, с. 35–36. (См.: [Владимирцов, 1923].)

личные полуисторические былины и т. д. Кроме того, мы имеем в фольклоре, как известно, и богатую лирику. Таким образом, монгольский фольклор включает в себе, наряду с заимствованиями, самостоятельное творчество, богатое как по содержанию, так и по форме⁵⁵.

Что касается письменной литературы, то надо прежде всего указать, что точное отграничение ее от фольклора не всегда возможно, так как не раз бывало, что устное предание записывалось чуть не одновременно с его возникновением. Так было, например, в XII в. со знаменитым «Сокровенным сказанием»⁵⁶ так бывало еще и в XX в. с ойратскими былинами⁵⁷. Но если ограничиться действительно письменной литературой в точном смысле, то ее можно считать сравнительно небогатой только лишь по сравнению с переводной литературой, но иной вывод получится при сравнении ее, например, с письменными литературами других кочевых народов⁵⁸.

Говоря о самостоятельности литературы, можно различать несколько градаций. Малосамостоятельной можно считать литературу такого типа, когда мы имеем подражание или небольшую переделку заимствованного материала, или компиляцию из малообработанных заимствованных материалов. Вопреки мнению проф. Поппе сюда относятся как раз значительная часть тех исторических произведений, которые он не перестает расхваливать в своих статьях как «замечательные» и весьма самостоятельные. На самом деле значительная часть этих исторических произведений, вроде, например, «Болор Толи»⁵⁹, представляет собою оскуднённую компиляцию из тибетских и маньчжурских источников*****. Это не исключает того, что есть и весьма самостоятельные, оригинальные исторические произведения, но их гораздо меньше.

Вполне самостоятельными в большинстве случаев являются произведения, содержащие обработку специально монгольских тем. В качестве таковых можно указать, из числа художественных произведений, на «Сокровенное сказание» и др. В научной области сюда же можно отнести разработку монгольскими языковедами вопросов монгольской грамматики и орфографии, содержащуюся в ряде произведений, начиная с Чжи-рухэну Тольта, отмеченного Поздневым⁶⁰. Сюда же можно отнести различные

кодексы «Степных законов» (см. ниже) и др. Наконец, наивысшую самостоятельность придется приписать тем сочинениям, в которых дается синтез как чужестранных, так и национальных культурных элементов, — синтез, не укладывающийся ни в раздел культурных заимствований, ни в раздел таких произведений, кругозор которых ограничивается узконациональными рамками. К числу подобных произведений можно отнести, например, «Наставление» То-вана, в области лирики — стихотворения Цокто-тайчжи и др.

§ 9. Личная и безличная литература

Мы выше приводили мнение акад. Владимирцова о том, что монгольская литература «почти не знает писателей-творцов» на национальном языке. Если сопоставить монгольскую литературу дореволюционного периода не только с «нормальными» литературами других народов, но даже хотя бы с тибетской литературой, созданной самими же монголами, то придется признать, что количество определенных авторов-творцов в ней действительно чрезвычайно невелико. Тем не менее изыскания в этой области уже дали некоторые результаты, и из кажущейся безличной массы проступили некоторые яркие фигуры, как, например, Цокто-тайчжи, автор лирических произведений и историко-философских опытов, запечатленных на камнях⁶¹. В середине XIX в. выделяется в качестве разностороннего писателя хулумбуирский То-ван (Тогто-хо-төрө), автор этически-экономического «Наставления» и других сочинений по этике, по полезным ископаемым, по правописанию и др. В XIX в. мы имеем также Хуульту-сандага, автора различных од, эпиграмм и разных других стихотворных произведений. В XX в. среди ойратов большой популярностью пользовался Парчей, автор поэмы о взятии Кобдо (1911)⁶². Нет сомнения, что изыскания в этой области без труда обнаружат гораздо большее количество авторов в разных областях литературы старого и нового времени.

§ 10. Социальная борьба в монгольской литературе

Вопреки мнению, будто «природа монгола... совершенно равнодушна к страшной деспотии в социальной жизни»⁶³, в монгольской устной и письмен-

⁵⁵ О монгольском эпосе см. указанное в примеч. 53 Предисловие Б. Я. Владимирцова. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁶ Записано было впервые в 1240 г.

⁵⁷ Владимирцов, там же, с. 40. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁸ Ср.: Потанин. Указ. соч., с. VII. (См.: [Потанин, 1899].)

⁵⁹ В статье проф. Поппе названы (с. 9) «Хрустальное зеркало» (Болор Толи) — чисто компилятивное сочинение, «Драгоценные четки» (Эрденийн Эрихе), представляющее собою сухую сводку официальных дат архивного происхождения и имеющее некоторую ценность только ввиду неиспользованности монгольских архивов, и т. д. (См.: [Поппе, 19356].)

⁶⁰ См. ниже, § 16.

⁶¹ О Цокто-тайчжи см. статью Владимирцова в «Известиях» Академии наук, 1926 г. О надписи Цокто-тайчжи в Цаган Байшине см.: Позднеев. Монголия и монголы, т. I, с. 467 и след. и работы Нuth'a, указ. соч. Лауфера, с. 39, примеч. (См.: [Владимирцов, 1926а; Позднеев, 1896; Нuth, 1894; Лауфер, 1927].)

⁶² Владимирцов, вышеуказанное Предисловие, с. 31 и след. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁶³ Пржевальский. Монголия и страна тангутов. 1, с. 53. (См.: [Пржевальский, 1875].)

ной литературе феодального периода мы находим многочисленные непосредственные отражения социальной борьбы, которая, конечно, протекает в своеобразных, не всегда легко распознаваемых формах. Так, имеются многочисленные сведения о борьбе светских феодальных кругов против оспаривавшего их власть шаманства⁶⁴. Далее мы имеем яркое выражение борьбы за национальную независимость против порабощения Монголии маньчжурами⁶⁵. За время маньчжурского владычества мы встречаем социальную критику в виде различных «Наставлений», например, «Наставления» Гунгин Цзугин Гэгэна и др., которые под видом советов и поучений содержат обличение поведения высших классов феодального общества⁶⁶. Еще больший интерес представляют фольклорные произведения о народных шутниках и весельчаках типа фламандского Эйленспигеля***** или пушкинского Балды, которые, пользуясь нравом остряков, жестоко издеваются и обличают все то, что в феодальном строе считается неприкосновенным. Таковы упоминаемые Потаниным Анцзан-ху-урумчи и Бал'ин-сэнгэ⁶⁷, а также, например, «Ганданский бадарчин»⁶⁸ и др. Подобный безобидный шутник приобретает вдруг неожиданные черты: он — доброжелатель человечества, он борется с Эрлик-ханом (царем смерти), он — волшебник, он — сын неба, в нем проступают черты не то Фауста⁶⁹, не то Прометея*****.

Аналогичные мотивы встречаются в немалом количестве и в переводной литературе, что вполне естественно, так как, например, литература, переведенная с тибетского, отражает крупные исторические эпохи Индии и Тибета, заполненные, в свою очередь, социальной борьбой. Так, например, в одной из сказок про kota-монаха, пришедшей кружным путем из Индии, мы встречаем беспощадное разоблачение ханжи-монаха; в переведенных с тибетского песнях Миларайбы мы также встречаем яркое выражение социальной критики⁷⁰. Эти примеры можно было бы значительно умножить: собрание этого рода мате-

риалов представилось бы благодарной задачей, так как дало бы богатейший материал к реальной социологии центральноазиатского общества вообще и Монголии в частности.

§ 11. Классификация монгольской литературы

В новейшей сводке монгольской литературы Лауфера оглавление вскрывает перед нами полную беспомощность классификации различных произведений монгольской литературы, так как в ней отсутствует единый принцип: часть произведений приурочивается к известной рубрике по их происхождению, например, китайская литература, часть — по содержанию, например, юридическая литература и т. д. Никакой определенной системы классификации не встречаем мы и в статьях проф. Поппе⁷¹. Действительно, установить классификацию не так просто до тех пор, пока у нас нет определенной целевой установки в отношении монгольской литературы. Целевой установкой может быть только одно: монгольская литература как культурное наследие, подлежащее критическому освоению. При такой точке зрения совершенно ясно, что любое произведение старой монгольской литературы, независимо от того, переводное оно или нет, а если переводное, то с китайского или с тибетского, должно рассматриваться как материал к социально правильному и исторически целесообразному разрешению той или иной задачи строительства современной монгольской культуры. Поскольку эта культура, в свою очередь, представляет собою определенную систему, то литературный материал, естественно, распределяется соответственно расчленению этой системы. Так, например, различные отрасли художественной литературы предоставляют материал для художественного творчества как по форме, так и по сюжету, а по своим основным идеологическим тенденциям могут служить для конкретизации различных сторон общей задачи преодоления феодализма. Юридическая литература, как самостоятельная, так и переводная, дает не только богатый материал по исторической социологии, но и много злободневного материала для практики юридического строительства. Медицинская литература дает ценный материал по различным болезням, связанным с данным природным и социальным комплексом и попытками, более или менее удачными, их лечения, предпринимавшимися на почве тибетской медицины, приведшими к ценным экспериментальным результатам, вследствие чего медицинская

⁶⁴ Потанин. Восточные мотивы, с. 567, 657, 839; Владимирцов. Чингис-хан. (См.: [Потанин, 1899; Владимирцов, 1922].) В том же духе сведения и в монгольской биографии шамана Даян-Дэрэхи.

⁶⁵ См.: Владимирцов, в статье, указ. в примеч. 61. (См.: [Владимирцов, 1926].)

⁶⁶ См. главу о дидактической литературе у Лауфера, с. 70–71, и в послесловии к Хрестоматии монгольской словесности Позднеева, с. VI–VII. (См.: [Лауфер, 1927; Позднеев, 1900].)

⁶⁷ Ср.: Потанин. Указ. соч., с. 466 и след. (См.: [Потанин, 1899].)

⁶⁸ Это произведение еще никем не было записано.

⁶⁹ Потанин, с. 502. (См.: [Потанин, 1899].)

⁷⁰ Сказку о Коте-монахе см. у Владимирцова, Рафсантантра, с. 126 и след.: «Мыши и кот-наставник». — «Полное собрание песен» Миларайбы проф. Поппе называет «Сто тысяч песнопений» (статья в «Современной Монголии», с. 8), но такой перевод заглавия основан на недоразумении. (См.: [Владимирцов, 1921; Поппе, 19356].)

⁷¹ В статье в «Современной Монголии» проф. Поппе разбирает «оригинальную монгольскую литературу» на след. разделы: 1) история, 2) география, 3) художественная литература (с. 8–9), а фольклор трактует совершенно отдельно (с. 10). (См.: [Поппе, 19356].) В его статье в Литературной энциклопедии мы встречаем старые лауферовские рубрики: буддийская литература, китайская литература (стб. 449) и т. п. (См.: [Поппе, 1932].)

литература, помимо исторического интереса, оказывается в той или иной степени практически ценной для дела здравоохранения, и т. д. Во всяком случае, несомненно, что подход к старой монгольской литературе с точки зрения культурного наследия должен являться решающей установкой и для ее классификации, и для монгольского литературоведения вообще.

Рассматривая состав монгольской литературы с точки зрения культурного наследия, мы, конечно, не можем себе поставить целью дать здесь исчерпывающий библиографический очерк, так как для этого недостает подготовительных работ и при всяких условиях это было бы несовместимым с размерами краткой журнальной статьи. Не ограничиваясь здесь вопросами, уже освещенными в научной литературе европейского типа, мы постараемся дать краткую характеристику состава монгольской литературы, считая, что ее интерес будет состоять главным образом в новой точке зрения.

§ 12. Литература по экономике

Эта область в монгольской литературе мало представлена, и это лишний раз указывает на то, насколько историк Монголии зависит от иноязычных, и в особенности китайских, источников, богатых экономическими данными⁷². Блестящий труд покойного акад. Владимирцова⁷³ хотя и открывает новую эпоху в монголоведении, лишен надлежащего экономического фундамента и представляет собою, в сущности, социологический анализ терминов монгольского феодализма на известной хронологической канве. Нераскрытость китайских источников, и притом не столько литературных, сколько архивных, является решающим препятствием для изучения исторического движения монгольской экономики. Тем не менее некоторые материалы, относящиеся к этим вопросам, в монгольской литературе имеются. Сюда относятся прежде всего материалы, содержащиеся в экономических главах «Истории юаньской династии», которая, как известно⁷⁴, не раз переводилась на монгольский язык. Далее, в подробнейшей официальной биографии маньчжурского императора Канси⁷⁵ имеется немало сведений по монгольской экономике XVII в., представляющих особые главы. О монгольских архивных материалах в собственном смысле мы не говорим, поскольку они к нашей теме не относятся. О принципах конфуцианской экономической политики маньчжурской эпохи имеется

⁷² См. вышеприведенные указания о китайских источниках.

⁷³ См. выше, примеч. № 12.

⁷⁴ Владимирцов. Указ. соч., с. 9, примеч. 5. (См.: [Владимирцов, 1934].) Один из переводов, выполненный покойным монгольским Китаистом Данда, хранится в библиотеке НИКа.

⁷⁵ Перевел с маньчжурского Лобсан-галда по поручению 8-го богдо.

ценнейший документ в виде «Указа», изданного от имени маньчжурских императоров Канси и Юнчжэна. Это яркое произведение позднейшего конфуцианства имеется в превосходном монгольском переводе, впервые опубликованном, по-видимому, в 1830 г.⁷⁶

О существовании оригинальных монгольских экономических произведений до сих пор не было известно, но к таковым надо отнести «Наставление» хулумбуирского То-вана, написанное в 1853 г.⁷⁷, а также «Алтан Толи» (Золотое Зеркало) того же автора, посвященное описанию полезных ископаемых его хошуна.

§ 13. Политика и публицистика

Из переводной литературы мы имеем политическую философию конфуцианства, изложенную в классических трактатах этого учения, переведенных на монгольский язык⁷⁸. Сюда же относится и вышеупомянутый «Указ» Канси. Политические принципы эпохи Юаней изложены в оригинальном сочинении под названием «Цаган Туухэ», которое проф. Поппе, по недоразумению, относит к исторической литературе. Из индо-тибетской переводной литературы мы имеем сочинения, относящиеся к области индийской «Нити-шастра», т. е. «Политики», предназначавшиеся для царей и министров индийских средневековых государств. Из этой области имеются, например, сборники политико-моральных наставлений Масуракиши и Чанакьи, переведенные в составе Данчжура, и др. Из тибетской литературы сюда относятся частично «Изречения» Сакья Пандиты⁷⁹ и в полной мере сюда относится «Жемчужное ожерелье» («Мутиль-прэнва») — политическое наставление, сочиненное по-тибетски специально для Монголии при пятом Далай-ламе по просьбе монгольских князей и переведенное на монгольский язык, переводы наставлений Гунтан-гэгэна и др. Из оригинальной монгольской литературы мы имеем опять же «Наставление» То-вана и затем большую публицистическую литературу, вращающуюся вокруг различных социальных и политических вопросов, сочинявшуюся различными монгольскими князьями и чиновниками. Главным образом она относится формально к числу разных деловых бумаг, подававшихся в течение различных судебных процессов и т. п. Но как в Китае⁸⁰,

⁷⁶ Лауфер. Указ. соч., с. 68, примеч. 2. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁷⁷ Глава о скотоводстве из этого «Наставления» впервые издана НИКом в настоящем году. (См.: [Тубянский, 1935а].)

⁷⁸ Мы имеем в виду «Сы шу» и «У цзин», которые не раз частично переводились на монгольский язык.

⁷⁹ Монгольский текст их в научном издании подготовлен был к печати покойным ныне ориенталистом Е. Е. Обермиллером в Ленинграде******.

⁸⁰ О китайской чиновничьей литературе см., например, у Васильева: Материалы по истории китайской литерату-

так и в Монголии казалось бы «бюрократическая» письменность подобного рода выходит за рамки деловой переписки: этого рода произведения переписывались и расходились в списках по всей стране и иногда имели большой успех. К числу таких авторов можно отнести, например, того же То-вана и ряд других писателей второй половины XIX в., к числу которых относятся, например: Дашинима-Гун, улясунтайский Ламачжаб-гун, Хайсан-гун, Гуй-амбань, самбейские Магсар-галда и Чагдор-галда и ряд других.

§ 14. Ганчжур и Данчжур

В монгольском переводе мы имеем две крупные коллекции индийской литературы, переведенной с тибетского, а именно: а) Канон переведенных откровений (Ганчжур), т. е. сочинений, приписываемых различным буддам, и пере-переведенных с тибетского перевода индийских оригиналов. Эта коллекция отредактирована была тибетцем Будоном в XIV в. и переведена на монгольский в XVII в.; б) Канон переведенных трактатов (Данчжур). Эта коллекция также составлена была Будоном, причем в нее включено было все то из индийской литературы, входящей в состав монастырской учебы, что только могло быть собрано в Тибете в то время. Эта коллекция переведена была на монгольский язык в XVIII в. Обе эти коллекции не представляют собою каких-либо «энциклопедий», как это предполагает проф. Поппе: это просто серийные издания классиков индубуддийской культуры, и только разнообразие тематики, очевидно, дало повод говорить об «энциклопедиях». В частности, Данчжур, имеющий более систематический характер по расположению своего материала, охватывает сочинения, располагающиеся по следующим категориям: 1) восхваления Будды и прочие хвалебные сочинения, 2) мистика (тантризм), 3) наука и философия. Последний раздел распадается на известные пять индийских наук: а) духовная наука — сюда относятся сочинения по философии школ мадхьямика, вайбхашика и других индийских школ, а также по монастырской дисциплине (Винае), б) логика, в) языковедение, а именно: грамматика, лексика, поэтика, метрика и образцовые поэтические произведения, в число которых входит, между прочим, «Облако-вестник», знаменитая поэма Калидасы, небуддийского автора; г) медицина и ветеринария; д) техника. В качестве основной отрасли из области техники фигурирует средневековая индийская химия (алхимия), далее идет художественное ремесло (иконопись и т. д.), учение о благовониях (для культа), различные методы гадания и предсказания и т. д. Имеются также сочинения по математике, астрономии и астрологии, включенные в отдел мистики, так

ры, литогр. изд., «Приложения», с. 202 и след. (См.: [Васильев, 1887].)

как их возникновение приписывается будде Калачакре (Дуйнхор)⁸¹. Содержание Ганчжура по тематике совпадает с содержанием Данчжура, но не имеет столь систематического расположения. Из этой объемистой индийской литературы лишь незначительная часть в монгольских переводах может быть действительно отнесена с некоторым правом к составу монгольской литературы, так как она относится к числу «мертвых сокровищ», которые в монгольском своем виде никогда не входили в литературный обиход, не имели читателей (см. выше). Но в известной своей части ряд отдельных произведений, искусственно обезличенных включением в столь громоздкие серии, нашел доступ в литературу. Рассматривать же эти две коллекции без всяких оговорок как относящиеся к составу монгольской литературы, как это делает проф. Поппе, невозможно.

Как видно из вышеприведенной схемы, эти коллекции весьма сложного состава и включают как религиозные, так и светские сочинения. Но разработка состава этих коллекций как таковых не может относиться к задачам монгольского литературоведения.

§ 15. Литература по религии

Эта отрасль в монгольской литературе представлена богато, причем в ней нашли отражение различные эпохи и формы религиозного мышления. Сюда относится прежде всего монгольская шаманская литература, которая известна лишь в незначительной степени. Она отражает в основном дофеодальную Монголию. Происхождение и история шаманства пока совершенно не известны. Тибетские авторы, писавшие о тибетском шаманстве («бомбо»)⁸², склонны отождествлять его с монгольским шаманством и с китайским даосизмом. Сравнительное изучение различных форм как примитивного, так и высокоразвитого шаманства, в том числе и реформированного под влиянием буддизма, когда-нибудь позволит ответить на эти вопросы и позволит внести свет в ту самую область дологического мышления, которая послужила материалом работ акад. Марра. Можно не сомневаться, что как устная, так и письменная шаманская литература Монголии очень много даст для разработки этих тем ввиду ее высокого уровня. Из индубуддийских духовных сочинений наибольшим распространением пользовались монгольские переводы ряда сутр и тантр, вроде «Алтан-гэрэл» («Суварна-прабаса»), «Улигэрун далай» («Дама-мука»), «Панчаракша» и ряд других. Кроме индубуддийских духовных произведений, переведен был и ряд оригинальных тибетских произведений, в том числе трактаты Цзонкапы («Мурун-цзергэ», тиб. «Лам-

⁸¹ Весьма ценный каталог пекинского издания Данчжура издан Р. Cordier в 1914–1915 гг. в 2 томах (Catalogue du Fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale. Troisième partie). (См.: [Cordier, 1914].)

⁸² Например, Туган-гэгэн и др.

рим») ⁸³, Гамбопы («Тонильхуйн чимэг», тиб. «Тарчжан»), «Песни» Миларайбы и его же духовная биография, «Улигэрун Ном» («Притчи», тиб. «Бэ-чой») Бодобы и другие. Из числа переводов с тибетского очень многие сделаны неполно и избилуют ошибками, но свободны от этих недостатков выдающиеся переводы, сделанные ойратским Цзая-пандитой ⁸⁴. В наши задачи не может входить здесь конкретная оценка буддийской духовной литературы с точки зрения культурного наследия, но если принять во внимание, что в феодальную эпоху всякое мышление, в том числе и научное, приобретает неизбежно религиозную стилизацию, то ясно будет, что и в составе духовной литературы в тесном смысле слова найдется немало произведений совершенно не духовного характера по своему содержанию и по своей тенденции. Мы уже указывали на то, что социальная критика нашла свое выражение в ряде произведений, традиционно относимых к духовным. Детальный разбор этого рода литературы, поскольку она действительно вошла в монгольский литературный обиход, позволит высвободить из-под схоластической штамповки немало реальных ценностей. Однако, как упомянуто выше, задачи такого рода могут разрешаться лишь при условии, что мы не будем ограничиваться рамками монгольской литературы.

§ 16. Литература по языкознанию

Из переводной с тибетского литературы по языкознанию непосредственно ничего не вошло в состав монгольской литературы, если не считать терминологических словарей «Махавьютпатти» (тиб. Чжэбраг-догчжэд-чэнмо), которые получили некоторое распространение в отдельных ксилографических изданиях ⁸⁵ и представляют интерес с точки зрения монгольской лексики, и систематического тибетско-монгольского словаря по терминологии под названием «Мэргэд гархуйн орон» (тиб. Хайви-чжун-най), составленного в XVIII в. Различных тибетских словарей вообще составлено было много. Другие языковедческие сочинения как индийского происхождения, так и тибетские трактаты по грамматике тибетского языка непосредственно в монгольскую литературу не вошли, но получили в ней своеобразное отражение в виде самостоятельных монгольских сочинений по монгольской грамматике и правописанию, составлявшихся преимущественно монахами под большим влиянием тибетских грамматических трактатов. Сюда относятся, помимо вышеупомяну-

⁸³ Монгольские переводы этого основного трактата ламаизма далеко не удовлетворительны. Но еще гораздо хуже монгольских русский перевод, сделанный Г. Ц. Цыбиковым и частично напечатанный (Владивосток, 1911). (См.: [Цыбиков, 1910–1913].)

⁸⁴ О переводах Цзая-пандиты см.: Голстунский. Монголо-ойратские законы. 1880. (См.: [Голстунский, 1880].)

⁸⁵ Есть и пятиязычные издания (санскрит, тибетский, монгольский, китайский и маньчжурский).

того Чжирухэну Тольта, еще следующие орфографически-грамматические сочинения: «Окторгой Мани», автор Лхарамба Данцин-дагба (XVIII в.); «Уцзэхуй дур хильбэр болгагсан бичиг», автор Удха унэн гун (XVIII в.); «Хэлэну чимэг», автор Агвандандар Лхарамба; «Оюн билигун сойорхал», автор вышеупомянутый То-ван (XIX в.); «Алтан толи», автор Лхамо-сурун (XIX в.) ⁸⁶.

Совершенно самостоятельный интерес представляют монгольские словари, возникшие не под индотибетским влиянием, а под китайско-маньчжурским, и частично изданные ксилографическим способом в Пекине ⁸⁷. Они также содержат замечания по монгольскому правописанию. Эти словари, в составлении монгольской части которых основную роль играли монгольские авторы, представляют собою выдающееся достижение языкознания. Наибольшее значение приобрели следующие словари: 1) Четырехязычный словарь китайского, тибетского, маньчжурского и монгольского языков. 2) Толковый словарь (Тайльбури толи) маньчжурского и монгольского языков. Этот словарь особенно интересен содержащимися в нем точными дефинициями значений слов на обоих языках. Он состоит из 21 тетради и сокращенно обозначается поэтому выражением «хорин нигэту» (издан в 1718 г.). 3) Китайско-маньчжурско-монгольский словарь, автор Сайшинга (XIX в.), имеется также дополнение к словарю того же автора. 4) Хуриягсан бичиг — монголо-китайско-маньчжурский словарь (XIX в.). 5) Наконец, в эпоху автономии был переведен на монгольский язык маньчжурский толковый словарь, составленный еще в XVIII в. в 36 тетрадях, вследствие чего получился новый монгольский толковый словарь.

§ 17. Медицинская литература

Из трактатов по индийской медицине, включенных в состав Данчжура ⁸⁸, ни один не вошел в монгольскую литературу, хотя переводы их в монгольском Данчжуре, естественно, имеются ⁸⁹. О монгольской литературе по медицине см. в № 3 (10) настоящего журнала, с. 76 и 82–83.

Кроме того, имеется превосходный монгольский перевод с китайского трактата по анатомии Пьера Диони, который в XVII в. переведен был иезуитом Переннэном на китайский язык с французского ⁹⁰.

⁸⁶ См. предисловие к букварю Шагчжи, изданному НИКом.

⁸⁷ Об этих изданиях см.: Лауфер. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁸⁸ Об этих трактатах см.: *Беленький С. Ю. и Тубянский М. И.* К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. № 3 (10). 1935. С. 72–74. (См.: [Беленький, Тубянский, 1935].)

⁸⁹ Перевод ветеринарного трактата Шалихотры (указ. соч., с. 82), имеющийся в монгольском Данчжуре, по-видимому, читался, так как экземпляр, имеющийся в НИКе, носит на себе следы читки.

⁹⁰ Экземпляр этого перевода хранится в НИКе.

§ 18. Литература по технике

В доисторической технике большую роль играет фиктивная техника, т. е. магия. Существует монгольская магическая литература, донныне не отмеченная, в виде сборников так называемых «Домов», т. е. магических приемов и рецептов. Литература эта также тибетского происхождения и восходит к индийской магии. Главным автором тибетской магии является индеец Падамба (Дамба-санчжа)⁹¹. Как некоторые его сочинения, так и другие сочинения тибетских авторов переводились на монгольский язык и из них составлялись также различного рода компиляции.

Что касается реальной техники, то несмотря на богатство индийской и китайской технической литературы, монгольских переводных сочинений в этой области, по-видимому, не имеется, если не считать интересных, но кратких обзоров индо-тибетской техники, под названием «Ура-лахуй ухаан» (например, в составе вышеназванного «Мэргэд гархуйн орон»).

Особое место в Монголии занимает та отрасль техники, которая лежит в основе монгольского кочевничества, а именно техника скотоводства. Она получила отражение в некоторых разделах юридической литературы, в упомянутой биографии Канси, а также в «Наставлении» То-вана и др. Крупный труд известного знатока монгольского скотоводства Дорджи, бывшего министром финансов в начале монгольской революции, посвященный гобийскому скотоводству, относится уже к революционному времени.

§ 19. Юридическая литература

На монгольский язык переведены с маньчжурского Собрание законов маньчжурской династии, а также так называемое Уложение Палаты внешних сношений. Эти оба кодекса, особенно второй, содержат интереснейший материал к социологии эпохи феодализма⁹². Из самостоятельных юридических произведений утерянной приходится считать так называемую «Ясу» Чингисхана. Зато сохранились следующие ценнейшие памятники, весьма богатые содержанием; 1) так называемые «Монголо-ойратские законы 1640 года»⁹³; 2) «Халха чжурум» 1709 г.⁹⁴; 3) «Законы Монгольского Государства» 1914 года⁹⁵ и некоторые другие.

⁹¹ Падамба умер в 1117 г.

⁹² Оба эти кодекса переведены были на русский язык с маньчжурского: первый — Леонтьевым (1781–83) (См.: [Леонтьев, 1781–1783]), второй — Липовцевым (1828) (См.: [Липовцев, 1828]).

⁹³ См. выше, примеч. 84.

⁹⁴ См.: Жамцарано Ц. и Турунов А. Халха Джиром. 1923. (См.: [Жамцарано, 1923].) Перевод этого кодекса на русский язык с комментарием в настоящее время подготавливается Ц. Жамцарано*****.

⁹⁵ Ср.: Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 26. (См.: [Владимирцов, 1934].)

§ 20. Астрология и астрономия

Эти две отрасли, которые для средневекового мировоззрения почти неотделимы, представлены переводами с тибетского. Переводы индийских трактатов, содержащиеся в Данчжуре, реально в монгольскую литературу не вошли, но имеются переводы позднейших тибетских сочинений, например, известного сочинения «Биндурья-гарбо», составленного в XVII в. известным тибетским писателем Санчжайчжамцо. Имеется на монгольском языке также перевод крупного астрономического сочинения «Сольбица бариху бодорол бичиг», переведенного с китайского по поручению императора Канси в 1712 г. Последнее сочинение представляет крупный интерес и по содержанию, и по терминологии⁹⁶.

§ 21. Историческая литература

Древнейшим и ценнейшим самостоятельным историческим произведением является «Сокровенное сказание», хотя и изложенное в чрезвычайно художественной форме, но по своей тенденции предназначенное быть именно историей дома Чингиса⁹⁷. Близким к нему памятником является «Алтан-тобчи», старинный текст которого, близкий по содержанию к «Сокровенному сказанию», вошел в состав одноименного сочинения от 1604 г., в котором история продолжена до момента ее составления⁹⁸. Эти два сочинения отличаются большой оригинальностью и по содержанию, и по форме. Большими достоинствами отличается также «История» Санан-сэцэна. Составленная, возможно, при Хубилае так называемая Цаган Туухэ («Белая история»)⁹⁹, как упомянуто выше, не есть историческое сочинение. Большинство монгольских исторических трудов позднейшего времени, как вышеупомянутый «Болор Толи», представляют собою компиляции из различных тибетских и маньчжурских источников. Множество биографий различных деятелей буддийской церкви большею частью сочинялись по-тибетски, хотя речь шла именно о монголах, и переведены на монгольский немногие из них. Оригинальный и ценный материал исторического характера имеется, однако, в монгольских биографиях Нэйчжи-тойна и Цзая-пандиты¹⁰⁰. Далее ценный исторический материал имеется в виде дневников различных действий и высказываний некоторых крупных монгольских хубилга-

⁹⁶ Экземпляр его имеется в библиотеке НИКА.

⁹⁷ Русский перевод китайской версии, сделанный Палладием Кафаровым, напечатан в Трудах Членов Пекинской Миссии, т. IV. (См.: [Кафаров, 1866].)

⁹⁸ Издание Алтан-Тобчи в настоящее время подготавливает Ц. Жамцарано*****. Что слово «Тобчи» означает «сокращение», «сводку», «свод», а не «пуговицу», как допускает проф. Поппе, — несомненно.

⁹⁹ Экземпляр имеется в библиотеке НИКА.

¹⁰⁰ См.: Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 18. (См.: [Владимирцов, 1934].)

нов. Дневники эти велись на монгольском языке, и впоследствии на их основании составлялись их официальные биографии уже на тибетском языке; некоторые из этих биографий потом снова переводились на монгольский язык. Впрочем, такого рода дневники скорее приходится считать за архивный материал. На основании таких же дневников составлена и частично изданная Позднеевым летопись «Драгоценные четки» (Эрдэнийн Эрихэ). Большое количество монгольской исторической литературы, по-видимому, еще не собрано. Основным дефектом исторической литературы, начиная с XVII в., является усиленная «стилизация» в церковном или маньчжурофильском направлении, недостаточное владение архивным материалом и недостаточная обработанность имевшихся данных вообще. В этом отношении литературу юаньской эпохи (XIII–XIV вв.) можно назвать творческой в противоположность историческим сочинениям маньчжурской эпохи.

§ 22. Художественная литература

Художественная литература в широком смысле разделяется на устную и письменную. Устная литература, называемая обычно еще народной литературой или фольклором, в целом принципиально ничем не отличается от письменной, за исключением того чисто технического обстоятельства, что она не записана. Но то, что какое-нибудь сочинение не записано, отнюдь не является его существенным признаком. Мало того, далеко не про всякое произведение можно определенно сказать, было ли оно записано или нет. Мы, конечно, не говорим о записях, производимых учеными фольклористами, которые все наперечет. Мы также имеем в виду тот факт, что есть множество произведений, которые можно с таким же правом отнести к устной литературе, как и к письменной, так как они имеются в обоих видах. К таковым относится, например, упомянутый выше тибетско-монгольский эпос о Гэсэре. Имеются различные легенды, которые передаются из уст в уста, но в то же время оказываются записанными не только по-монгольски, но и по-тибетски, подвергнувшись церковной обработке¹⁰¹. Другие фольклорные сочинения перешли лишь впоследствии, так сказать, на положение устной литературы, таковы, например, различные легенды из области индийского и тибетского буддизма. Как бы то ни было, хотя строго провести разделения и нельзя, но подавляющее большинство реальной монгольской художественной литературы дореволюционного периода доныне остается незаписанным ни самими носителями ее, ни фольклористами. Большое количество сюжетного материала зафиксировано было Потаниным, но точных записей у него почти нет. Лишь с XX в. началось систематическое собирание монгольской устной литературы, в чем большую роль сыграли Ц. Жамцарано, Б. Влади-

мирцов¹⁰² и другие. Поскольку, как мы указывали, устная литература лишь в техническом отношении отличается от письменной, нет никаких оснований приписывать ей в целом более народный характер, чем письменной литературе: она по своему социальному характеру отражает различные наслоения как дофеодальной, так и феодальной эпохи, и создавалась она в значительной степени путем сознательного насаждения сверху. Очагами, в которых культивировалась устная литература, были в основном крупные и мелкие княжеские дворы¹⁰³. Специфически народная литература, которая могла бы быть противопоставлена литературе феодальной, однако, тоже имеется и занимает свое особое место в составе фольклора (см. выше). Особенно богато представлено было в начале XX в. устное творчество не столько у халхасов, сколько у бурятов и ойратов¹⁰⁴. Целый ряд былин и сказок, представляющих большой историко-литературный и культурно-исторический интерес, доныне не записаны, а те, что записаны, ждут надлежащей обработки и переводов на какие-либо другие языки. Только после того, как основные произведения монгольского эпоса, как то Гэсэриада, Чжангариада и другие, будут надлежащим образом обработаны, переведены и сделаны достоянием всемирной литературы, монгольская литература займет свое надлежащее место и получит надлежащую оценку. В той мере, в какой эти эпические произведения пока известны, нет оснований полагать, что они окажутся менее заслуживающими внимания, нежели крупные эпосы других времен и народов.

Как мы выше упоминали, далеко не все монгольские эпические и другие фольклорные произведения можно считать самостоятельными. Но, безусловно, малосамостоятельна письменная художественная литература, в основной своей массе представляющая переводы с китайского, тибетского и маньчжурского. Сюда относятся такие, например, тибетские художественные произведения, как «Песни» и «Биография» Миларайбы, такие переводы с китайского и маньчжурского, как исторический роман Сань-го-цзи, эротический роман Цзин Пин Мэй, знаменитые повести Ляочжая и другие. Эти разнообразные художественные произведения пользовались большим успехом и потому, хотя и являются переводами, должны рассматриваться как относящиеся к составу монгольской литературы. Тем более что переводы большей частью не вполне точны, но зато весьма художественны, иначе говоря, представляют собою некую переработку оригинала.

Вполне оригинальная монгольская письменная литература дореволюционного времени действитель-

¹⁰² Часть их записей издана Академией наук, часть хранится пока в виде рукописей. (Предположительно см.: [Жамцарано, 1913–1918; Владимирцов, 1923; 1926].)

¹⁰³ Владимирцов. Предисловие, с. 25–26. (См.: [Лауфер, 1927].)

¹⁰⁴ Там же. С. 13.

¹⁰¹ Такова биография шамана Даян-Дэрэхи.

но небогата, хотя несколько выдающихся авторов мы выше и указывали.

§ 23. Очередные задачи монгольского литературоведения

На основании всего вышеизложенного видно, сколько открытых вопросов и неразработанных тем имеется в области монгольской литературы. Монгольское литературоведение, очевидно, находится еще в начальной стадии своего развития, и для того, чтобы оно дало конкретные результаты, необходимо выполнение ряда предварительных условий. К числу таких предварительных условий, лежащих вне компетенции литературоведения, относится заполнение крупных пробелов в виде создания все еще отсутствующей научной монгольской истории, основанной

на учете всех имеющихся источников, особенно архивных, как монгольских, так и китайских, и, вторых, создание истории материальной и духовной культуры Центральной Азии. Для самого же монгольского литературоведения на настоящей его стадии основными задачами остаются библиография письменной литературы и активнейшее продолжение записей устной литературы, которая под натиском быстро изменяющихся жизненных условий вымирает, ставя тем самым под угрозу освоение ценнейшего культурного наследия монгольского прошлого. Во избежание этого необходима быстрейшая активизация монголистических научных сил в разных странах наряду с активизацией подготовки монгольских кадров исследователей — литературоведов, языковедов и историков.

Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–31.

Примечания

* М. И. Тубянский имеет в виду издание лекций А. М. Позднеева 1897 г. См.: [Позднеев, 1897].

** Перевод П. Пельо «Сокровенного сказания» вышел из печати значительно позднее. См.: [Pelliot, 1949].

*** М. И. Тубянский имеет в виду исторический труд на персидском языке Джамид ат-таварих («Сборник летописей») под авторством Рашид ад-Дина (1247–1318), персидского государственного деятеля и ученого-энциклопедиста. Для восстановления истории монгольской империи труд Рашид ад-Дина признавался ценным источником, автор в нем опирался и на монголоязычные произведения, в частности Алтан дэбтэр («Золотая книга») — официальную историю Чингис-хана. Издание перевода, работа над которым началась в 1936 г., затянулась. Том III русского перевода А. К. Арендса под редакцией А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского был подготовлен в 1939 г., а опубликован в 1946 г. Подробнее см.: [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 5–6].

**** М. И. Тубянский ошибочно указал автором И. М. Нушинова. См.: [Цейтлин, 1932].

***** М. И. Тубянский неточно приводит название книги Б. Я. Владимирцова. См.: [Владимирцов, 1934].

***** Упоминание М. И. Тубянским То-вана и Цзава-Дамдина неслучайно. Так, наследие То-вана (?–1868) ученый параллельно написанию данной статьи обследовал на предмет публикации «Наставления», раскрывающего традиционные техники кочевого скотоводства. См.: [Тубянский, 1935а].

***** М. И. Тубянский посвятил То-вану и его произведениям специальную статью. См.: [Тубянский, 1935а].

***** Цзава-Дамдин (1867–1937) — видный деятель монгольского буддизма, в автобиографии (1936) есть упоминания о встречах и контактах с Ф. И. Щербатским, М. И. Тубянским, Ц. Жамцарано. Подробнее см.: [Бира, 1964].

***** Эта резкая оценка М. И. Тубянского была подвергнута аргументированной критике современными российскими исследователями. См.: [Джамбадорджи, 2005. С. 255].

***** Эйленспигель — М. И. Тубянский дает транскрипцию нем. Till Eulenspiegel. Тиль Уленшпигель (в рус. транскрипции также Ойленшпигель, Эйленшпигель) — герой средневековых нидерландских и немецких легенд, лубочных книг. Собираательный персонаж, плут, весельчак.

***** Ба́дарчин (от монг. ба́дар, санскр. патра — чаша, принадлежность буддийского монаха). В практике монгольского буддизма — странствующий монах, иногда направляемый монастырем для сбора пожертвований. Персонаж монгольского фольклора.

***** По доступным источникам следы этой работы не обнаружены.

***** Упомянутый М. И. Тубянским перевод был опубликован значительно позднее. См.: [Халха-Джурум, 1965].

***** Жамцарано осуществил публикацию на основе фотофаксимиле с рукописи из библиотеки НИКа. См.: [Жамцарано, 1936].

Приложение. Список литературы, использованной М. И. Тубянским

Беленький, Тубянский, 1935: *Беленький С. Ю., Тубянский М. И.* К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. 1935. № 3 (10). С. 59–84 (*Belen'kii S. Ju., Tubianskii M. I.* K voprosu ob izuchenii tibetskoj meditsiny // *Sovremennaja Mongolija*. 1935. No. 3 (10). С. 59–84).

Васильев, 1887: *Васильев В. П.* Материалы по истории китайской литературы: лекции, читанные засл. проф.

Имп. ун-та В. П. Васильевым. СПб.: Типогр. Иконникова, 1887 (*Vasil'ev V. P.* Materialy po istorii kitaiskoj literatury: lektzii, chitannye zasl. prof. Imp. Universiteta V. P. Vasil'evym. SPb.: Tipogr. Ikonnikova, 1887).

Владимирцов, 1921: *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Пг.: Акад. типография, 1921 (*Vladimirtsov B. Ia.* Mongolskii sbornik rasskazov iz Pañcatantra. Pg.: Akad. tipografija, 1921).

- Владимирцов, 1922: *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 (*Vladimirtsov B. Ia.* Chingis-khan. Berlin; Pб.; М.: Izd-vo Z. I. Grzhebina, 1922).
- Владимирцов, 1923: Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст., примеч. Б. Я. Владимирцова. Л., 1923 (*Mongolo-oiratskii geroicheskii epos / per., vstup. st., primech. B. Ia. Vladimirtsova.* L., 1923).
- Владимирцов, 1924: *Владимирцов Б. Я.* Из области вокализма монголо-турского праязыка // Доклады Российской АН. 1924. С. 33–35 (*Vladimirtsov B. Ia.* Iz oblasti vokalizma monolo-turetskogo praiazyka // Doklady Rossiiskoi AN. 1924. S. 33–35).
- Владимирцов, 1926: *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л.: ЛВИ; Гос. Ак. тип., 1926 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obraztsy mongol'skoi narodnoi slovesnosti (Severo-Zapadnaia Mongoliia). L.: LVI; Gos. Ak. tip., 1926).
- Владимирцов, 1926а; 1927: *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-Тайджи // Изв. АН СССР. № 13–14. 1926. С. 1253–1280; № 3–4. 1927. С. 215–240 (*Vladimirtsov B. Ia.* Nadpisi na skalakh khalkhaskogo Tsoktu-Taidzhi // Izvestiia AN SSSR. No. 13–14. 1926. S. 1253–1280; No. 3–4. 1927. S. 215–240).
- Владимирцов, 1929: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: ЛВИ, 1929 (*Vladimirtsov B. Ia.* Sravnitel'naia grammatika mongol'skogo pismennogo iazyka i khalkhaskogo narechiia. Vvedenie i fonetika. L.: LVI, 1929).
- Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obschestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm. L.: Izd-vo AN SSSR, 1934).
- Голстунский, 1880: *Голстунский Е. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1880 (*Golstynskii E. F.* Mongolo-oiratskie zakony 1740 goda. SPb.: Tipogr. Imp. AN, 1880).
- Грум-Гржимайло, 1926: [Грум-Гржимайло Г. Е.] Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии составлен Г. Е. Грум-Гржимайло. Т. II. Издание Ученого комитета МНР. Л., 1926 (*Grum-Grzhimailo G. E.* Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii kraj. Istoricheskii ocherk etikh stran v sviazi s istoriei Srednei Azii sostavlenn G. E. Grumm-Grzhimailo. T. II. Izdanie Uchenogo komiteta MNR. L., 1926).
- Жамцарано, 1913–1918: *Жамцарано Ц. Ж.* Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. 1: Произведения народной словесности бурят. Вып. 1–3. СПб., 1913–1918 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Obraztsy narodnoi slovesnosti mongol'skikh plemen. Teksty. T. 1: Proizvedeniia narodnoi slovesnosti buriat. Vyp. 1–3. SPb., 1913–1918).
- Жамцарано, 1923: *Жамцарано Ц. Ж.* (совм. с А. Туруновым). Халха-джиром (описание памятника) // сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 6. Иркутск, 1923. С. 1–18 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Khalkha-dzhirom (opisanie pamiatnika) // Sb. trudov professorov i prepodavatelei Irkutskogo gos. un-ta. Vyp. 6. Irkutsk, 1923. S. 1–18).
- Жамцарано, 1936: *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века // Труды Ин-та востоковедения. Вып. XVI. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1936 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Mongol'skie letopisi XVII veka // Trudy In-ta vostoковедения. Vyp. XVI. Izd-vo AN SSSR. M.; L., 1936).
- Кафаров, 1866: *Кафаров П.* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типогр. Безобразова, 1866. С. 5–258 (*Kafarov P.* Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane // Trudy chlenov rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine. T. IV. SPb.: Tipogr. Bezobrazova, 1866).
- Ковалевский, 1844: *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Типогр. Казанского ун-та, 1844 (*Kovalevskii O. M.* Mongolo-russko-frantsuzskii slovar'. T. 1. Kazan': Tipogr. Kazanskogo un-ta, 1844).
- Крачковский, 1935: *Крачковский И. Ю.* Новоарабская литература // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 159–182 (*Krachkovskii I. Iu.* Novoarabskaia literatura // Zap. In-ta vostokovedeniia AN SSSR. Vyp. III. L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 159–182).
- Лауфер, 1927: *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. с нем. В. А. Казакевича; ред. и предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Лен. Вост. ин-т, 1927 (*Laufer B.* Ocherk mongol'skoi literatury / Per. s nem. V. A. Kazakevicha; red. i predisl. B. Ia. Vladimirtsova. L.: Len. Vost. institut, 1927).
- Леонтьев, 1781–1783: *Леонтьев А.* Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства / перевел с маньчжурского на русский язык Коллегии иностр. дел надворный советник А. Леонтьев. Т. 1–3. СПб.: Имп. АН, 1781–1783 (*Leont'ev A.* Vse zakony i ustanovleniia Kitaiskogo (a nyne Man'chzhurskogo) pravitel'stva / perevel s man'chzhurskogo na rossiiskii iazyk Kollegii inostr. del nadvornyi sovetnik A. Leont'ev. T. 1–3. SPb.: Imp. AN, 1781–1783).
- Липовцев, 1828: *Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб., 1828 (*Lipovtsev S. V.* Ulozhenie Kitaiskoi palaty vneshnikh snoshenii. T. 1–2. SPb., 1828).
- Нусинов, 1932: *Нусинов И. М.* Литература // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 402–437 (*Nusinov I. M.* Literatura // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 402–437).
- Паллас, 1787–1789: *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей Особы (императрицею Екатериною II). СПб., 1787–1789 (*Pallas P. S.* Sravnitel'nye slovarei vseh iazykov i narechii, sobrannye desnitseiu Vysochaishei Osoby (imperatritseiu Ekaterinoui II. SPb., 1787–1789).
- Позднеев, 1880: *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Собр. и изд. А. Позднеевым. Вып. 1. СПб.: типогр. АН, 1880 (*Pozdneev A. M.* Obraztsy narodnoi literatury mongol'skikh plemen. Sobr. i izd. A. Pozdneevym. Vyp. 1. SPb.: Tipogr. AN, 1880).
- Позднеев, 1896: *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг.: в 2 т. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896 (*Pozdneev A. M.* Mongoliia i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliiu, ispolnennoi v 1892–1893 gg. v 2 t. T. 1: Dnevnik i marshrut 1892 g. SPb.: Tip. Imp. AN, 1896).
- Позднеев, 1896а: *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1895/96 acad. году / записал и издал студент

- Х. П. Кристи. СПб., 1896 (*Pozdneev A. M. Lektsii po istorii mongol'skoi literatury, chitannye ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta A. M. Pozdneevym v 1895/96 akad. godu / zapisal i izdal student Kh. P. Kristi. SPb., 1896*).
- Позднеев, 1900: *Позднеев А. М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900 (издание ф-та восточных языков № 7) (*Pozdneev A. M. Mongol'skaia khrestomatia dlia pervonachal'nogo преподаvaniia, sostavlennaia A. Pozdneevym, byvshim ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta, nyne direktorom Vostochnogo Instituta v g. Vladivostoke. S predislaviiem professora N. I. Veselovskogo. SPb.: Tip. Imp. AN, 1900 (izdanie f-ta vostochnykh iazykov No. 7)*).
- Поппе, 1934: *Поппе Н. Н.* Монгольская литература // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VII. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Стб. 446–453 (*Poppe N. N. Mongol'skaia literature // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VII. M.: OGIZ RSFSR, 1934. Stb. 446–453*).
- Поппе, 1935а: *Поппе Н. Н.* Проблемы бурят-монгольского литературоведения // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. III. Л.: Изд-во АН, 1935. С. 13–37 (*Poppe N. N. Problevy burat-mongol'skogo literaturovedeniia // Zapiski Instituta vostoковedeniia Akademii nauk SSSR. Vyp. III. L.: Izdatel'stvo AN, 1935. S. 13–37*).
- Поппе, 1935б: *Поппе Н. Н.* Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы // Современная Монголия. 1935. № 3 (10). С. 3–12 (*Poppe N. N. Zadachi i perspektivy issledovaniia mongol'skogo iazyka i literatury // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 3 (10). S. 3–12*).
- Потанин, 1881: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению имп. Русского географического общества Г. Н. Потаниным. Т. I: Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. СПб.: тип. В. Безобразова, 1881 (*Potatin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniiu imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva G. N. Potaninym. T. I: Dnevnik puteshestviia i materialy dlia fizicheskoi geografii i topografii S.-Z. Mongolii. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1881*).
- Потанин, 1899: *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Геогр. отд-ние Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899 (*Potatin G. N. Vostochnye motivy v srednevekovom evropeiskom epose. M.: Georg. otd-nie Imp. o-va liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii, 1899*).
- Пржевальский, 1875; 1876: *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского. Т. 1–2. СПб.: ИРГО, 1875. Т. 1; 1876. Т. 2 (*Przheval'skii N. M. Mongoliia i strana tangutov. Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoi Nagornoii Azii N. Przheval'skogo. T. 1–2. SPb.: IRGO, 1875. T. 1; 1876. T. 2*).
- Рамстедт, 1908: *Рамстедт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и Халха'ско-ургинского говора / пер. студентов ф-та восточных языков имп. СПб. Ун-та; ред. прив.-доц. А. А. Руднев. СПб.: типогр. имп. ун-та, 1908 (*Ramstedt G. I. Sravnitel'naia fonetika mongol'skogo pis'mennogo iazyka i Khalkha'sko-urginskogo govora / per. studentov f-ta vostochnykh iazykov imp. SPb. un-ta; red. priv.-dots. A. A. Rudnev. SPb.: tipogr. imp. univesiteta, 1908*).
- Рашид-ад-Дин, 1952: *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Том I, кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (*Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei. Tom I, kn. 1 / per. s pers. L. A. Khetagurova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952*).
- Тубянский, 1935а: *Тубянский М. И.* Три главы из «Наставления» То-вана. Введение, перевод, комментарий // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 29–47 (*Tubianskii M. I. Tri glavy iz «Nastavleniia» To-vana. Vvedenie, perevod, kommentarii // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 6. S. 29–47*).
- Цейтлин, 1932: *Цейтлин А. Г.* Литературоведение // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 477–493 (*Tseitlin A. G. Literaturovedenie // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 477–493*).
- Цыбиков, 1910–1913: *Цыбиков Г. Ц.* Лам-рим чэн-по (степени пути к блаженству). Сочинение Цзонхавы в монгольском и русском переводах. Том 1, вып. 2. Русский перевод. Владивосток: Изд-во и печ. Вост. ин-та, 1910–1913 (*Tsybikov G. Ts. Lam-rim chen-po (stepeni puti k blazhenstvu). Sochinenie Tszonkhavy v mongol'skom i russkom perevodakh. T. 1, vyp. 2. Russkii peredov. Vladivostok: Izl-vo i pech. Vost. in-ta, 1910–1913*).
- Cordier, 1914: *Cordier P.* Catalogue du Fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale Troisième partie. Index du Bstan-Hgyur. Paris, 1914.
- Huth, 1894: *Huth G.* Die Inschriften von Tsaghan Baišing. Tibetan-Mongolian text with linguistic and historical notes. Leipzig: Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1894.
- Laufer, 1907: *Laufer B.* Skizze der Mongolischen Literatur // Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouraloaltaïques. VIII. Budapest, 1907.
- Laufer, 1908: *Laufer B.* Skizze der Manjurischen Literatur // Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouraloaltaïques. IX. Budapest, 1908.
- Pallas, 1776; 1801: *Pallas P. S.* Sammlungen historischer nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Th. 1–2. St.-Petersburg: bey der Kays. Akademie der Wiss., 1776, 1801.
- Smedt et Mostaert, 1933: *Smedt A. de et Mostaert A.* Lie dialecte mongour parle' par les Mongols du kansou occidental. Pt. 1–3. Pei-p'ing: Impr. de l'univers. Catholique, 1933.

Использованные архивные материалы и литература

- Письмо М. И. Тубянского Ф. И. Щербатскому от 29 сентября 1928 г.: СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19–23.
- Личное дело Тубянского М. И.: СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610.

- Бира 1964: *Бира Ш.* О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор, 1964 (*Bira Sh.* О «Zolotoi knige» Sh. Damdina. Ulan-Bator, 1964).
- Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm. L.: Izd-vo AN SSSR, 1934).
- Вигасин, 2008: *Вигасин А. А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова; Институт стран Азии и Африки, 2008 (*Vigasina A. A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy). M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lovonosova; Institut stran Azii i Afriki, 2008).
- Воробьева-Десятковская, Савицкий, 1972: *Воробьева-Десятковская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение // Азиатский музей – Ленинградское отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР. М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 149–176 (*Vorob'eva-Desiatkovskaja M. I., Savitskii L. S.* Tibetovedenie // Aziatskii muzei – Leningradskoe otd-nie In-ta vostokovedeniia AN SSSR. M.: Nauka; GRVL, 1972. S. 149–176).
- Гнатюк-Данильчук, 1990: *Гнатюк-Данильчук А. П.* Религиозно-философские взгляды Тагора — индийские и европейские корни в освещении М. И. Тубянского // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. М., 1990. С. 216–230 (*Gnatiuk-Danil'chuk A. P.* Religiozno-filosofskie vzgliady Tagora — indiiskie i evropeiskie korni v osveshchenii M. I. Tubianskogo // Pis'mennye pamiatniki i problemy kul'tury narodov Vostoka. M., 1990. S. 216–230).
- Джамбадорджи, 2005: *Джамбадорджи.* Хрустальное зеркало (пер. Б. И. Короля, А. Д. Цендиной), комментарии // История в трудах ученых лам / сост. и ред. А. С. Железняков, А. Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 62–154, 254–263 (*Dzhambadordzhi.* Khrustal'noe zertsalo (per. B. I. Korolia, A. D. Tsendinoi), kommentarii // Istoriiia v trudakh uchenykh lam / sost. i red. A. S. Xhelezniakov, A. D. Tsendina. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2005. S. 62–154, 254–263).
- Ермакова, 2011: *Ермакова Т. В.* Документы по деятельности acad. Ф. И. Щербатского 1920–1930-х годов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга: доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. С. 200–214 (*Ermakova T. V.* Dokumenty po deiatel'nosti acad. F. I. Shcherbatskogo 1920–1930-kh godov // Chetvertye vostokovednye chteniia pamiati O. O. Rozenberga. Doklady, stat'i, publikatsii dokumentov. SPb.: Izd-vo A. Goloda, 2011. S. 200–214).
- Жамцарано, 1936: *Жамцарано Ц. Ж.* Список исторической хроники XVII века «Алтан тобчи» Лубсан Данзана // Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. (Труды Ин-та востоковедения АН СССР. XVI). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 78–120 (*Zhamtsarano Ts. Zh.* Spisok istoricheskoi khroniki XVII veka «Altan Tobchi» Kubsan Danzana // Zhamtsarano Ts. Zh. Mongol'skie letopisi XVII (Trudy In-ta vostokovedeniia AN SSSR. XVI. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936).
- Иориш 1972: *Иориш И. И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР. М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 209–234 (*Iorish I. I.* Mongolovedenie // Aziatskii muzei — Leningradskoe otd-nie In-ta vostokovedeniia AN SSSR. M.: Nauka; GRVL, 1972. S. 209–234).
- Кононов, Иориш, 1977: *Кононов А. Н., Иориш И. И.* Ленинградский восточный институт. М.: Наука. ГРВЛ, 1977 (*Kononov A. N., Iorish I. I.* Leningradskii vostochnyi Institut. M.: Nauka; GRVL, 1977).
- Медведева, Медведев, 2016: *Медведева Ю. Л., Медведев Д. А.* Круг Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2016. № 3. С. 202–215 (*Medvedeva Ju. L., Medvedev D. A.* Krug Bakhtina. K obosnovaniuu fenomena // Zvezda. 2016. No. 3. S. 202–215).
- Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927: *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И.* Институт изучения буддийской культуры // Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. № 18. С. 1701–1704 (*Ol'denburg S. F., Shcherbatskoi F. I., Tubianskii M. I.* Institut izucheniia buddiiskoi kul'tury // Izv'ю AN SSSR. 1927. Ser. 6. No. 18. S. 1701–1704).
- Островская, 2012: *Островская Е. П.* М. И. Тубянский как представитель отечественной научной школы // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Труды участников науч. конф. СПб.: Изд-во А. Голода, 2012. С. 45–60 (*Ostrovskaiia E. P. M. I. Tubianskii kak predstavitel' otechestvennoi nauchnoi shkoly // Piatye vostokovednye chteniia pamiati O. O. Rozenberga. Trudy uchastnikov nauchnoi konferentsii. SPb.: Izd-vo A. Goloda, 2012. S. 45–60).*
- Позднеев, 1897: *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1896/97 acad. году. Т. II / записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1897 (Lektsii po istorii mongol'skoi literatury, chitannye ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta A. M. Pozdneeuy v 1896/97 acad. godu. T. II / zapisal i izdal student Kh. P. Kristi. SPb., 1897).
- Тубянский, 1923: *Тубянский М. И.* Образцы бенгальской литературы (на бенгали). Л.: ЛВИ, 1923 (*Tubianskii M. I.* Obraztsy bengal'skoi literatury (na bengali). L.: LVI, 1923).
- Тубянский, 1927: *Тубянский М. И.* К истолкованию мифа о Mahīsamardani // Восточные записки. Т. 1. Л.: ЛВИ, 1927. С. 60–70 (*Tubianskii M. I.* K istolkovaniuu mifa o Mahīsamardani // Vostochnye zapiski. T. 1. L.: LVI, 1927. S. 60–70).
- Тубянский, 1935: *Тубянский М. И.* Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–35 (*Tubianskii M. I.* Nekotorye problemy mongol'skoi literatury dorevoliutsionnogo perioda // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 5 (12). S. 7–35).
- Тубянский, 1935а: *Тубянский М. И.* Три главы из «Наставления» То-вана. Введение, перевод, комментарий // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 29–47 (*Tubianskii M. I.* Tri glavy iz «Nastavleniia» To-vana. Vvedenie, perevod, kommentarii // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 6. S. 29–47).
- Халха-Джурум, 1965: *Халха-Джурум* (памятник монгольского феодального права XVIII в.) / сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано; подготовка текста к изд., ред. перевода, введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М., 1965 (*Khalkha-Dzhurum* (pamiatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v.) / svodnyi tekst i perevod Ts. Zh. Zhamtsarano; podgotovka teksta k izd., red. perevoda, vved. i primеч. S. D. Dylykova. M., 1965).

- Цейтлин, 1932: *Цейтлин А. Г.* Литературоведение // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 477–493 (*Tseitlin A. G.* Literaturovedenie // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 477–493).
- Tubyansky, 1926: *Tubyansky M. I.* On the Authorship of Nyuayravesa // Изв. АН СССР. 1926. Сер. 6. № 9. С. 975–982 (*Izv. AN SSSR.* 1926. Ser. 6. No. 9. S. 975–982).
- Pelliot 1949: *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres 1–6. Paris: Adrien-Moissonneuve, 1949.

Список сокращений

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
НИК — Научно-исследовательский комитет МНР

M. I. Tubyansky

Some problems of the pre-revolutionary Mongolian literature

Foreword, re-edition, notes and appendix by T. V. Yermakova and E. P. Ostrovskaya

The paper presents the re-edition of one of the best works in Mongolian studies by Russian Eastern studies scholar M. I. Tubyansky (1893–1937), who worked in Mongolia since 1927 till 1936. The paper formulates the principles of research methodology in the sphere of Mongolian literature studies, gives the analysis and classification of the contents of Mongolian literature before the revolution in 1921. The classification is made according to the system of Mongolian culture. M. I. Tubyansky demonstrated that Mongolian authors in the feudal period created substantial massive of literature in Tibetan language, playing the role of national literary tradition and widely spreading in the Central Asia. The paper was written as a critical comment on the article by correspondent member of USSR Academy of Sciences N. N. Poppe «Tasks and perspectives of the study of Mongolian language and literature» published in the journal «Modern Mongolia», 1935, no. 3. Tubyansky's article was published in the same journal with editorial board note «Published in the context of discussion». Henceforward the most authoritative philologists characterized the article as a significant and valuable, but political reasons practically excluded it from usage in Asian studies. The present publication is based on the edition: *Tubyansky M. I.* Some problems of the pre-revolutionary Mongolian literature // *Modern Mongolia.* 1935. No. 5 (12). P. 7–31.

Key words: Mongolia, Mongolian people's republic, Mongolian literature before the revolution in 1921, M. I. Tubyansky, N. N. Poppe, «Modern Mongolia» journal, theoretical problems of the studies of the Mongolian literature.

Круглый стол «Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность»

DOI 10.25882/vgta-5q80

10 июня 2019 г. в Институте востоковедения РАН состоялся круглый стол «Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность». Заседания прошли в Зеленом зале ИВР РАН и в Малом лекционном зале Дома ученых. Мероприятие приурочено к Дням культуры Монголии в Санкт-Петербурге, состоявшимся в городе на Неве 7–10 июня 2019 г. Организаторами круглого стола выступили: Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Институт истории и археологии, являющийся постоянным партнером, плодотворно сотрудничающим с ИВР РАН на протяжении почти 10 лет, и Международная ассоциация монголоведов (Улан-Батор, Монголия). Поскольку одним из важнейших направлений деятельности ИВР РАН на протяжении всей его истории остается изучение письменных памятников монгольских народов, данное научное мероприятие, являясь фактом продолжения сотрудничества с монгольскими учеными и всеми, кому близко изучение истории и культуры Монголии, было направлено на обсуждение монголоведческих проблем, актуальных для современного мирового научного сообщества и на предложение новых подходов в исследовании памятников письменности и сохранении духовного наследия монголов. Особое внимание уделялось проблемам петербургского монголоведения, которое продолжает оставаться авангардом российского востоковедения, изучающего историю, культуру Монголии и готовит высокопрофессиональные научные монголоведческие кадры. В работе круглого стола с монгольской стороны приняли участие: вице-премьер-министр Монголии Ульзийсайхан Энхтувшин, президент Международной ассоциации монголоведов доктор исторических наук, профессор Сампилдондов Чулуун, первый помощник вице-премьер-министра Нурэнзэд Нарантуяа; постоянный представитель Улан-Батора в Москве Мунхчулуун Мунхцэцэг, старший советник и начальник канцелярии вице-премьер-министра Монголии Лхагвасурэн Саянаа, директор департамента политики культуры и искусства Болд Сэргэлэг, советник посольства Монголии в Российской Федерации Очирбат Очирмаа.

С российской стороны участвовали: директор Института восточных рукописей РАН доктор исторических наук И. Ф. Попова, заведомо Центральной и Южной Азии ИВР РАН доктор исторических наук Т. Д. Скрынникова, завсектором Центральной Азии ИВР РАН доктор филологических наук И. В. Кульганек, ведущий научный сотрудник СПбФ Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, доктор исторических наук Т. И. Юсупова, научные сотрудники ИВР РАН, преподаватели кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, специалисты и работники музеев, архивов и академических учреждений Санкт-Петербурга.

На открытии круглого стола в приветственном обращении к участникам научного мероприятия И. Ф. Попова отметила, что монголоведение является одним из старейших направлений отечественного востоковедения, и выразила уверенность, что круглый стол будет достойным вкладом в дело укрепления научного сотрудничества российской и монгольской науки. Работа круглого стола включала в себя три выставки — «Монгольские рукописи в собрании ИВР РАН», «Материалы и документы о Монголии из Архива востоковедов ИВР РАН», «Новые работы по монголоведению сотрудников ИВР РАН», подготовленные сотрудниками сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН Д. А. Носовым, Н. В. Ямпольской, И. В. Кульганек и сотрудником отдела рукописей и документов А. А. Сизовой. Перед началом работы круглого стола И. Ф. Попова познакомила высоких гостей с рукописным фондом и музеем Института. В своем приветствии вице-премьер-министр Монголии Ульзийсайхан Энхтувшин остановился на научном сотрудничестве академических учреждений Монголии и России, подчеркнул большой объем работы, выполняемой сотрудниками ИВР РАН, и назвал главные результаты этого научного сотрудничества: проведение совместных конференций, написание коллективных научных трудов, издание сборников материалов и организация стажировок для молодых исследователей. На открытии круглого стола вице-премьер-министр Ульзийсайхан Энхтувшин вручил

И. Ф. Поповой медаль Правительства Монголии «Найрамдал» («Дружба»). На круглом столе в дар сектору Центральной Азии были преподнесены доктором исторических наук, профессором СПбГУ А. А. Колесниковым портреты тюркологов и монголоведов, работавших в разное время в ИВР РАН. На заседаниях обсуждались актуальные проблемы монголоведения, касающиеся монгольских письменных памятников, истории изучения культуры монгольских народов, сохранения архивных и рукописных материалов.

Докладчики выступили со следующими темами:

Ю. И. Елихина — «Образы Богдо-гэгэнов из коллекции Государственного Эрмитажа»;

В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек — «Родные и потомки востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева»;

Д. А. Носов — «Отчет сотрудника Ученого комитета В. А. Казакевича (1896–1937) о поездке в Восточную Монголию летом 1925 г.»;

Е. П. Островская — «Из истории российско-монгольских научных связей: монголоведная деятельность М. И. Тубянского»;

Т. А. Пан — «Монгольские книги в маньчжурском фонде ИВР РАН»;

М. П. Петрова — «Тема боёв на Халхин-Голе в современной монгольской поэзии»;

Р. Ю. Почекаев — «Вклад петербургских юристов в отечественное монголоведение»;

С. С. Сабрукова — «Обзор документов архива А. В. Бурдукова»;

Д. С. Ткач — «Международное положение Внешней Монголии в 1921–1922 гг.»;

М. В. Федорова — «Монгольские фотоколлекции в собрании Российского этнографического музея»;

С. Х. Шомахмадов — «Санскритский фрагмент „Сутры золотого блеска“ из Центральной Азии»;

Т. И. Юсупова — «История изучения Монголии российскими учеными: публикации 2018 г.»;

Н. В. Ямпольская — «Берестяная рукопись на Ясном письме из Аблай-хита»;

Н. С. Яхонтова — «Словари в монгольской коллекции ИВР РАН».

Работа круглого стола показала высокий интерес научного сообщества к проблематике заявленных тем, актуальность проводимой петербургскими монголоведами научной работы и значимость их исследований для монгольской, российской и мировой науки.

И. В. Кульганек

Юбилей историка и востоковеда Александра Ивановича Андреева

DOI 10.25882/yn54-7t33

В этом году свой 70-летний юбилей отметил доктор исторических наук Александр Иванович Андреев, один из крупнейших российских специалистов по истории российско-тибетских отношений и изучению Центральной Азии.

Александр Иванович Андреев

Александр Иванович родился 23 января 1949 г. в Ленинграде, в семье военного журналиста, участника Великой Отечественной войны И. Г. Андреева. В 1972 г. он окончил английское отделение филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова. Еще во время учебы в Университете Александр Иванович стажировался в Индии (1969–1970). Эти поездки сформировали у него глубокий интерес к востоковедению. После получения университетского диплома в 1972–1975 гг. он посещал в качестве вольнослушателя практические занятия на кафедре индийской филологии, изучал санскрит и хинди, слушал лекции по истории древнеиндийской литературы В. Г. Эрмана (1928–2017). В дальнейшем к этим увлечениям прибавились занятия тибетским языком, которые Александр Иванович продолжил в 1983–1984 гг. в США, в Индианском университете (Indiana University) в Блумингтоне, где в течение семестра посещал занятия тибетолога Криса Беквита (Chris Beckwith) и одновременно слушал лекции по истории Тибета

старшего брата XIII Далай-ламы Тубтен Джигме Норбу (Thubten Jigme Norbu, 1922–2006).

Исследовательская деятельность Александра Ивановича началась в конце 1980-х гг., после возвращения из Франции, где он некоторое время посещал лекции в Национальном институте восточных языков и цивилизаций (INALCO). Александр Иванович стал тесно сотрудничать с Ленинградским фондом культуры, принимал участие в двух крупных исследовательских проектах «Санкт-Петербургский некрополь» и «Русский некрополь в Стокгольме» (оба проекта возглавлял А. В. Кобак, ныне директор Фонда культуры им. Д. С. Лихачёва). Результатом этой работы стали несколько очерков о старых петербургских кладбищах, написанных на основе их тщательного натурного обследования. Эти очерки вошли в книгу «Исторические кладбища Петербурга» (СПб., 1993; 2009).

Во время поездок в Старую Деревню для обследования Серафимовского кладбища внимание Александра Ивановича привлек буддийский храм, где в то время размещались лаборатории Зоологического института РАН. С большим увлечением Александр Иванович занялся изучением истории его строительства и непростой судьбой в советское время. В результате кропотливых архивных поисков им была подготовлена публикация на русском и английском языках «Буддийская святыня Петрограда» (Улан-Удэ, 1992), которая вызвала широкий общественный интерес. В последующем Александр Иванович значительно углубил и расширил эту работу. Новое историческое исследование «Храм Будды в северной столице» (1-е изд. 2004; 2-е изд. 2012) также очень востребовано, сейчас готовится его третье издание.

Реконструкция трагической судьбы Буддийского храма пробудила интерес Александра Ивановича к личности инициатора его строительства хамбо-ламы Агвана Доржиева (1854–1938) и к созданной им в начале 1920-х гг. при храме тибето-монгольской миссии, а затем и к более широкой проблеме — буддийские монастыри в Бурятии и Калмыкии, их закрытие и разгром в 1930-е гг., трагическая судьба бурятско-калмыцкого буддийского духовенства. В развитие этой темы А. И. Андреев перешёл к более углублён-

ному исследованию политических отношений между Россией (царской и советской) и Тибетом. Благодаря поддержке А. В. Кобака он получил доступ в Архив Президента РФ (ходатайство подписал лично Д. С. Лихачёв, в те годы председатель правления Российского международного фонда культуры). Материалы архива легли в основу монографии А. И. Андреева «От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века» (СПб.; Самара; Прага, 1997).

В 1994 г. Александр Иванович стал сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, группы истории изучения Центральной Азии, которая работала на базе Музея известного путешественника П. К. Козлова (1863–1935). Здесь произошло становление Александра Ивановича как академического исследователя. В 1998 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советско-Тибетские отношения: 1918–1929», в которой рассмотрел секретные советские дипломатические миссии в Тибет в 1920-е гг. Это была практически не исследованная и до некоторой степени сенсационная тема.

Итогом дальнейшей разработки истории российско-тибетских отношений стали две монографии: «Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy» (Leiden; Boston: Brill, 2003) и «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» (СПб.: СПбГУ; «Нартанг», 2006), написанные на материалах многочисленных российских и зарубежных архивов, в которых Александр Иванович много и плодотворно работал. В последней книге автор рассказывает о зарождении в XVIII в. российско-тибетских контактов, анализирует наиболее активные фазы политического диалога России с Тибетом, подробно характеризует тибетскую политику СССР / Российской Федерации во 2-й половине XX в. По этой теме в декабре 2005 г. Александр Иванович защитил докторскую диссертацию. Работа была выполнена на кафедре истории России и зарубежных стран СПбГУ.

С Тибетом и буддизмом связаны ещё две монографии А. И. Андреева: «Гималайское Братство: теософский миф и его творцы» (СПб.: СПбГУ, 2008) и «The Myth of the Masters Revived: The Occult Lives of Nikolai and Elena Roerich» (Leiden; Boston: Brill, 2014). В этих книгах, написанных на основе большого количества уникальных документов (в том числе из Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке) и новейших публикаций, автор представил критический анализ создания и бытования псевдорелигиозно-философских учений Е. П. Блаватской (теософии) и Н. К. и Е. И. Рерихов («Агни-Йоги» или «Живой Этики»).

В начале 2003 г. Александр Иванович возглавил Мемориальный музей-квартиру П. К. Козлова, руководителем которой был до конца 2015 г. Он прилагал немало сил к работе по развитию научной деятельности Музея, разработке научного наследия рус-

ских путешественников. Своеобразным итогом работы Музея под его руководством стала книга «Российские экспедиции в Центральную Азию: организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг.» (СПб.: Нестор-История, 2013). Александр Иванович был не только ее редактором, но и автором большинства статей. В книге освещаются научные достижения российских экспедиций в Центральную Азию, рассматриваются различные аспекты их организации и снаряжения, полевые исследования и сбор естественно-исторических коллекций.

Важным вкладом в разработку тематики Музея и в историю российского изучения Центральной Азии стала книга «The Quest for Forbidden Lands: Nikolai Przhhevskii and his Followers on Inner Asian Tracks» (Leiden; Boston: Brill, 2018). Она написана совместно с Т. И. Юсуповой и М. К. Басхановым с целью познакомить западную аудиторию с достижениями российских исследователей. Следует также отметить большое участие Александра Ивановича в разработке научного наследия П. К. Козлова. Вместе с Т. И. Юсуповой им были подготовлены публикации экспедиционных дневников путешественника: Монголо-Тибетской экспедиции (СПб., 2003) и Монголо-Сычуаньской экспедиции (СПб., 2015).

В целом Александр Иванович автор и соавтор 14 монографий (четыре из которых опубликованы на английском языке в западных издательствах, одна — в Монголии), более 100 научных статей на русском, английском и французском языках, редактор-составитель четырех сборников, в которых ярко проявился исследовательский талант Александра Ивановича, его широкая эрудиция и глубокие профессиональные знания.

Александр Иванович много внимания уделяет научно-популяризаторской деятельности. В 1993–1994 гг. читал лекции на историко-востоковедные темы в Королевской академии искусств в Лондоне на выставке тибетского искусства «Wisdom and Compassion: The Sacred Art of Tibet», в университетах Стокгольма, Упсалы и Кембриджа. Он активно популяризирует деятельность российских исследователей Центральной Азии, выступает с лекциями, проводит экскурсии в музеи, участвует в подготовке теле- и радиопередач и телефильмов, посвященных жизни и деятельности П. К. Козлова.

Александр Иванович — увлеченный, любящий свое дело человек, ему свойственна творческая свобода и в то же время высокая ответственность. Круг его интересов необыкновенно широк: Центральная Азия (Монголия, Китай, Тибет), её исследователи; российско-монгольские и российско-тибетские связи (политические, экономические, культурные) в XVIII–XX вв.; история буддизма и буддологических исследований в России, исследование жизни и творчества семьи Николая Рериха, петербургское краеведение. Сегодня он является признанным ученым в этих областях не только в российском, но и в мировом научном сообществе.

За свою научную деятельность Александр Иванович, один из немногих наших соотечественников, в начале 2005 г. был награждён орденом Грифона. Награждение состоялось в Лондоне в East India Club. Этот орден в виде мальтийского креста с изображением золотого грифона был утвержден в 1750 г. в Германии и со временем приобрёл международный статус. В XIX в. этой награды были удостоены композиторы М. Глинка, Р. Вагнер, И. Штраус-младший, знаменитый ученый А. фон Гумбольдт.

В 2006 г. Александру Ивановичу было присвоено звание заслуженного работника культуры Республики Бурятия за историко-культурно-религиоведческие публикации о Забайкалье — Бурятии.

Коллеги и друзья искренно поздравляют Александра Ивановича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия, энергии, новых творческих исканий и достижений.

Т. И. Юсупова

К 70-летию С. Г. Батыревой, доктора искусствоведения, почетного члена Российской академии художеств, заслуженного деятеля искусств Республики Калмыкии

DOI 10.25882/k3tw-sz62

5 мая 2019 г. исполняется 70 лет доктору искусствоведения Светлане Гарриевне Батыревой. Светлана Гарриевна родилась в г. Алма-Ате (Казахстан), получила блестящее образование в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (кафедра истории и теории изобразительного искусства (1980)). В активной научно-исследовательской работе она становится первым исследователем буддийской живописи и скульптуры Калмыкии, опубликовав в 1991 г. монографию «Старокалмыцкое искусство».

Светлана Гарриевна Батырева

Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по теме «Старокалмыцкое искусство. Из опыта историко-культурной реконструкции» в Государственном институте искусствознания (г. Москва) в 1997 г. В 2011 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора искусствоведения по теме «Калмыцкое изобразительное искусство XIX — начала XX в.» в Институте истории и теории изобразительного искусства Российской академии художеств (г. Москва). Искусствовед С. Г. Батырева в 2016 г. утверждена экспертом РАН (№ 2015–01–2949–2546).

Много лет проработав в Калмыцкой государственной картинной галерее, Светлана Гарриевна занималась организацией художественных выставок и исследованием современного искусства. Ею написаны многочисленные популярные статьи об изобразительном искусстве Калмыкии второй половины XX в. в республиканской периодической печати, обобщенные в научном исследовании «Изобразительное искусство Калмыкии (1956–2000) о современном художественном процессе республики».

Незаурядные организаторские способности, талант руководителя позволили С. Г. Батыревой создать музейно-выставочный комплекс в Центре образования одаренных детей «Элистинский лицей» (1992–1999), Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты в структуре Калмыцкого научного центра РАН (1999–2019). Велики ее заслуги в области музееведения. Авторская концепция Музея имени Зая-пандиты была реализована при поддержке РГНФ и Музейного совета РАН. С. Г. Батырева более 40 лет посвятила музейному делу, ею написано и опубликовано более 70 междисциплинарных исследований, связанных с фондами организованных ею музеев.

Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН функционирует в плодотворном сотрудничестве с Калмыцким государственным университетом как культурно-просветительское подразделение, иссле-

довательский и учебно-образовательный центр в преподавании дисциплин социально-культурной деятельности. С. Г. Батыревой опубликованы учебно-методические издания, а также статьи: «О программе буддийского изобразительного искусства Калмыкии в сфере высшего и среднего образования», «Основы буддизма и изобразительное искусство (Из опыта преподавания в образовательной системе Калмыкии)», «Изобразительное искусство в структуре высшего образования. Из опыта Калмыцкого государственного университета», «Народное декоративно-прикладное искусство в учебно-образовательной программе Калмыцкого государственного университета». Ее труды востребованы в научной и культурно-образовательной сфере не только в России (в частности, в преподавании культурологических дисциплин на кафедре социально-культурной деятельности Института калмыцкой филологии и востоковедения в Калмыцком государственном университете), но и за рубежом — в преподавании курсов по искусству и культуре монгольских народов (Северо-западный университет национальностей, г. Ланьчжоу, КНР). С. Г. Батырева является членом объединенного диссертационного совета Д 999.224.03 на базе ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Светлана Гарриевна Батырева является ведущим научным сотрудником отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук, где работает на протяжении двадцати лет, начиная с 1999 г. Принимает активное участие в научных мероприятиях различного масштаба; участвует в подготовке и проведении научно-практических конференций, международных форумов; выступает в качестве организатора, члена оргкомитета конференций; является членом редколлегии научных журналов.

Искусствовед С. Г. Батырева — автор более 200 научных публикаций. В их числе разделы по буддийскому изобразительному искусству, изобразительному и народному декоративно-прикладному искусству Калмыкии в книгах: «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «Калмыки», «Калмыцкий народный орнамент». С. Г. Батыревой опубликовано 9 монографий: «Старокалмыцкое искусство XVIII — нач. XX в. Опыт историко-культурной реконструкции», «Образная память предков», «Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX — нач. XX в.», «Музей традиционной культуры в системе науки и образования», «Изобразительное искусство Калмыкии (1957–2000)», «Путеводитель. Музей имени Зая-пандиты», «Буддийская коллекция музейного собрания КалмНИЦ РАН: изучение и составление каталога (2014–2016)» и др.

Многообразную деятельность С. Г. Батыревой отличают высокий профессионализм ученого-исследователя, просветителя и педагога. Талантливый педа-

гог и исследователь, она активно поддерживает молодых учёных, проводит рецензирование, выступает официальным оппонентом на защитах диссертаций. Так, в 2004 г. она выступила в качестве официального оппонента на защите диссертации Батчулуун Сэргэлэн (Монголия) на соискание ученой степени кандидата искусствоведения в Уральском государственном университете им. А. М. Горького по теме «Образ Цагаан эбугена — Хозяина земли в искусстве монгольских народов (Монголия, Калмыкия, Бурятия)»; в 2007 г. — в качестве официального оппонента на защите диссертации В. В. Деменовой на соискание ученой степени кандидата искусствоведения в Уральском государственном университете им. А. М. Горького по теме «Буддийская металлическая пластика как пространство Великой Пустоты». В 2017 г. автор выступила в качестве официального оппонента на защите диссертации Е. В. Асалхановой на соискание ученой степени кандидата искусствоведения в Саратовской государственной консерватории (академии) им. Л. В. Собинова по теме «Дацан Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранства».

Портрет Светланы Гарриевны будет неполным, если не сказать о ней как о человеке — добром, чутком, отзывчивом, настроенном на помощь, искреннем, принципиальном. С. Г. Батырева щедро делится своими глубокими знаниями и жизненным опытом с коллегами и молодыми исследователями. Любовь к культуре своего народа, его истории, конструктивный и взвешенный подход к предмету своего исследования снискали глубокое уважение как российских, так и зарубежных коллег. Общепризнаны её большие заслуги в научной деятельности, известен значительный вклад в образование и приобщение общества к культурному достоянию Калмыкии. С. Г. Батырева — почетный работник общего образования Российской Федерации, председатель Калмыцкого отделения Ассоциации искусствоведов России, уполномоченный эксперт Министерства культуры Российской Федерации.

За многолетнюю научную и культурно-просветительскую деятельность С. Г. Батырева награждена Золотой медалью и Почетной грамотой ТОО Союза художников России «За большой вклад в развитие изобразительного искусства России», Серебряной медалью Российской академии художеств за весомый вклад в исследование искусства (буддийское, декоративно-прикладное, современное изобразительное искусство Калмыкии) и заслуги в музееведении. В 2018 г. Светлана Гарриевна Батырева решением Президиума РАХ удостоена звания почетного члена Российской академии художеств. Ее научная деятельность является ярким ориентиром и благородным примером для российских исследователей следующих поколений.

Е. В. Асалханова,

Памяти Павла Леоновича Гроховского ¹

DOI 10.25882/bmc3-yw09

Восточный факультет с глубоким прискорбием сообщает, что 17 декабря 2018 г. скоропостижно скончался заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии, кандидат филологических наук **Павел Леонович Гроховский**.

Павел Леонович Гроховский
1972—2018

Павел Леонович Гроховский родился 11 апреля 1972 г. в Ленинграде.

В 1994 г. он закончил с отличием Восточный факультет СПбГУ по специальности «востоковед-филолог (монголо-тибетская филология)».

В 1994–1998 гг. П. Л. Гроховский обучался в очной аспирантуре Восточного факультета и в 2000 г. успешно защитил диссертацию «„Самадхираджа-

сутра“ как памятник буддийской канонической литературы» на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

С 1998 по 2001 г. П. Л. Гроховский работал на кафедре монгольской филологии в должности ассистента, с 2001 г. до своей безвременной кончины — в должности доцента. В 2000–2004 гг. П. Л. Гроховский был заместителем декана Восточного факультета по учебной работе, в 2003–2008 гг. — заведующим кафедрой монгольской филологии, а в 2008–2009 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии. С 2012 г. П. Л. Гроховский был председателем учебно-методической комиссии Восточного факультета. Решением Ученого совета СПбГУ с ноября 2016 г. П. Л. Гроховский был назначен заведующим кафедрой монголоведения и тибетологии СПбГУ.

Еще в студенческие годы П. Л. Гроховский проявил незаурядные способности к научной работе. Так, будучи студентом, он перевел ранее не переведенный на русский язык важный памятник монгольской историографии — «Биография Алтан-хана».

Область его научных интересов была связана с культурной историей Тибета и Монголии. В последние годы жизни значительное место в его научной работе занимало исследование традиционных буддийских наук, а также тибетской лингвистической традиции. Помимо собственных изысканий в этой области, П. Л. Гроховский осуществлял научное руководство студентами, магистрантами и аспирантами, работы которых посвящены рассмотрению аналогичных явлений тибетской культуры. Под его руководством была защищена одна кандидатская диссертация.

П. Л. Гроховский принимал активное участие в научных конференциях как в России, так и за рубежом. По инициативе П. Л. Гроховского в сентябре 2018 г. в СПбГУ успешно прошел Пятый Международный семинар молодых тибетологов, программный комитет которого он возглавил.

---

¹ Источник: URL:

<http://orient.spbu.ru/ru/novosti/vse-novosti/spisok-novostej/948-ushel-iz-zhizni-p-l-grokhovskij.html> (дата обращения: 01.08.2019)

П. Л. Гроховский являлся участником целого ряда научно-исследовательских проектов как СПбГУ, так и различных научных фондов.

Будучи энергичным и отзывчивым человеком, П. Л. Гроховский много сделал для обеспечения высокого уровня преподавания на Восточном факультете и для организации студенческой жизни.

Есть легенда, что академик И. А. Орбели говорил: «Востоковед начинается в сорок пять лет». И тем более горько осознавать, что смерть оборвала жизнен-

ный путь П. Л. Гроховского именно тогда, когда он шел по нему уже как зрелый ученый и опытный преподаватель.

Память о Павле Леоновиче Гроховском сохранится в сердцах не только его коллег, но и многочисленных студентов и выпускников Восточного факультета.

В. Л. Успенский

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI 10.25882/5zmd-3584; © Л. Г. Скородумова, 2019

Роман

Глава двенадцатая

Ветки ивы и голос иволги — символы красавицы-весны.

Увядавшие цветы и красные листья — символы красавицы-осени.

Ши Линъюнь так стремился к истинной красоте, что ни о чем другом не мог думать.

Он вошел в беседку, поднял руку и произнес:

— Почтеннейший, приветствую вас. Я — Ши Линъюнь из уезда Волин. Низко вам кланяюсь.

Юноша сидел неподвижно, даже руки не поднял. Только сверкнул глазами и спросил:

— Чем вы занимаетесь? В Ханчжоу я о вас ничего не слышал, даже фамилия ваша мне не известна.

— Я книжник, — ответил Ши Линъюнь. — Старина Ли меня давно знает.

— А я было подумал, что вам просто хочется выпить.

— Нет, уважаемый, я с детства пристрастился к книгам и, увидев, насколько свободно вы обращаетесь с кистью, дерзнул явиться сюда и выразить вам свой восторг.

— Можно подумать, что вы тоже умеете сочинять стихи! Я ведь имею в виду не то, что сочиняют рифмоплеты, вроде деревенских пастухов, а истинное искусство, такие стихи, как «За семь шагов» Цао Чжи или песни Ли Цинлянь, написанные после возлияний. Вы, вероятно, бедный ученый. Умеете рифмовать с ходу, что на ум взбредет. Но со мною вам не сравниться.

Ши Линъюнь сел на стул и, холодно усмехнувшись, промолвил:

— Чем попусту болтать, давайте посостязаемся, тогда и посмотрим, кто чего стоит.

— Ну, раз вы такой смелый, можно попробовать. Тому, кто замешкается или не сможет ничего придумать, предлагаю назначить штраф. Но кто нас рассудит? Учитель выпил лишнего и уснул!

— Со мной здесь мой друг, — ответил Ши Линъюнь, — он родом из Ханчжоу, если не возражаете, можно его пригласить.

Только он это сказал, как появился Юйхэ и с поклоном произнес:

— Если два мудреца задумали сражаться рифмами, я, с вашего позволения, охотно возьму на себя роль судьи.

— Тогда давайте выпьем вина, — предложил Пуюй, жестом приглашая Юйхэ сесть. — Вы хоть и не за этим пожаловали, но надо промочить горло.

Не успел Ши Линъюнь выпить два бокала, как почувствовал вдохновение и предложил выбрать тему.

— Иначе, — сказал он, — все мои Десять пальцев обернутся драконами и улетят.

— Пишите сами по себе, — проговорил юноша, — ведь вы уверены, что я преувеличиваю свои способности. Одну строку сочинять вдвоем невозможно.

Как только будет написана первая строка, один из нас поднимет наполненный вином кубок, а кто-нибудь из актрис споет. После этого надо будет осушить бокал и придумать рифму. У кого не получится, тот выпьет три чашки холодной воды. А получится — мы оба выпьем по бокалу вина. Если же рифма окажется грубой и никуда не годной, лицо сочинителя вымажем тушью, и он будет изгнан с позором. Только прошу без всяких обид. Так что вы, почтенный, подумайте и, положив руку на сердце, скажите, согласны вы или нет.

— Превосходно, лучше и не придумаешь! — смеясь, ответил Ши Линъюнь. — Меня еще никогда не мазали тушью. Так что разок можно и это стерпеть.

По крайней мере, будет забавно. Но разве можно ваш светлый лик мазать тушью, придется использовать киноварь. Выбирайте живее тему!

— А что выбирать? Сегодня мы слушали голос иволги в павильоне Десяти тысяч ив. Вот вам и тема, — сказал юноша и написал первую строку:

Слышны мне птичьи голоса весенним днем, средь ив
зеленых.

Он отложил кисть, девушка подняла бокал и за-
пела. Заиграли музыканты, и кисть взял Ши Линь-
юнь.

В объятии переплелись, друзьям подобно, тополь
с вязом.
Под теплым ветерком весны их листики трепещут
разом.

Пуюй кивнул головой, велел снова налить вина,
взял кисть и написал:

Умытые дождем весны, деревьев ветви заблестели.
За несколько последних дней они вовсю зазеленели.

Лицо Ши Линьюня озарилось радостью, и он на-
писал:

На ивах рощицы степной желтеет жаворонков стая.
Пронизывают синь небес они, над деревом взлетая.

Юноша наблюдал за ним и, не успев Ши Линь-
юнь дописать, начал его хвалить:

— Замечательные стихи! Особенно хороша стро-
ка: «Пронизывают синь небес они, над деревом взле-
тая».

— Если к этим словам подберете рифму, я буду
считать вас истинным поэтом, — сказал Ши Линь-
юнь и выпил вино.

Заиграла музыка, Пуюй взял кисть и написал:

Коль снизу, лежа, посмотреть — кружится белый снег,
порхая.
Шелк занавески на окне колышет ветерок, играя.

Ши Линьюнь одобрительно кивнул и произнес:

— Великолепная рифма! Особенно удачно соче-
тание белого снега с синими облаками. Эй, красави-
ца, всем по три бокала вина!

Тут вмешался Юйхэ:

— А по-моему, строка «пронизывают синь небес»
не вяжется со строкой «желтеет жаворонков стая». И
еще не пойму я, при чем тут снег.

— Как при чем? — рассмеялся Ши Линьюнь. —
Вот он, прямо перед глазами. — Он рукой показал на
летающий в воздухе пух, после чего взял кисть и на-
писал:

На ветке иволга видна — садясь и снова вверх взлетая,
С утра до вечера поет, щебечет птичка золотая.

— Хватит нам то и дело вскакивать с места, —
проговорил Пуюй, — лучше сразу все написать и
выпить вино.

— Именно это я и хочу, — сказал Ши Линьюнь.
Тогда Пуюй снова взял кисть и написал:

К востоку с запада легла и протянулась тень отвесно.
Прозрачная накидка — вот наряд красавицы
прелестной.

Ши Линьюнь продолжал:

Мотив чудесный уловить поэтам суждено не многим.

— Удивительный мастер, необыкновенный! — не
переставая восхищаться, захлопал в ладоши Пуюй.
Ши Линьюнь снова взялся за кисть:

Коляска прибыла почти и вдруг застряла на дороге.

Пуюй дописал:

Когда увидел я тебя — душа моя возликовала.
У балагура есть всегда словечко острое, как жало.

Снова стал писать Ши Линьюнь:

Тень красоты едва скользит — легла под тонкими
бровями.
Без устали могу смотреть на воду с первыми цветами.

Охваченный восторгом, Пуюй взял у Ши Линь-
юня кисть:

Веселый возглас прозвучал — великий праздник
для глухого.
Метнулась тень — как будто песнь оборвалась
на полуслове.

Ши Линьюнь рассмеялся:

— Забавная мысль! Сначала была ива как ива,
птица как птица, а в этой строке ива рифмуется с
птицей и наоборот. Кто, кроме меня, Ши Линьюня,
смог бы найти рифму к строке, где есть слова «тень»
и «песня».

И он уверенно написал:

Под звуки песни тень длинна — идет и движется
по кругу.
Друзья желанные сошлись и снова обрели друг друга.

Заключительную строку сочинил Пуюй:

И счастье обрели вполне
Прятели в хмельном вине.

Итак, завершив состязание, поэты радостно за-
смеялись, обнялись, поправили на себе одежды, до
самой земли поклонились друг другу и снова сели.

— Мне давно известно ваше драгоценное имя, —
промолвил юноша, — вы и в самом деле настоящий
поэт, без обмана.

— Нынче нас связали узы поэзии, и теперь я хотел бы услышать ваше славное имя, почтенный, — сказал Ши Линъюнь.

— Пусть останется оно для вас пока не известным, — ответил юноша.

— Как же так, — возразил Ши Линъюнь — Встретились родственные души, а как зовут друг друга, не знают!

— Если я назову вам свое имя, — с улыбкой произнес Пууюй, — станете меня презирать!

— Такой талант я не могу презирать, будь вы знатный богач или безродный бедняк — это не имеет никакого значения.

— Ну, если вы обещаете явить ко мне снисхождение, скажу вам всю правду, — согласился Пууюй. — Я тот самый молодой Бэнь, сын князя Бэня, о котором говорил вам Сяньчжан. Мое имя — Пууюй.

Тут Ши Линъюнь громко расхохотался:

— Ах, вот оно что! Оказывается, вы — княжеский сын! Но я давно мечтал с вами встретиться, — сказал он с поклоном.

Пууюй тоже хотел поклониться, но в это время Ли Сяньчжан громко зевнул, открыл глаза и поднялся с места. Он схватил Ши Линъюня за руку и закричал:

— А, Ши — третий! Помнишь, ты говорил, что в богатых домах не бывает талантов, что книги там не в чести, а потому ты не желаешь вести с ними дружбу? Сколько раз я предлагал тебе пойти вместе со мной к молодому господину, но ты под любым предлогом увивал. А сегодня вдруг сам заявился, без приглашения? Выходит, ты тоже заискиваешь перед богачами? Как и я?

— Я тогда не пошел из-за Чжэнь Гуана, — рассмеялся Ши Линъюнь. — Думал, этот юноша такой же мудрец, как он. Но ошибся. И все из-за тебя.

— В чем же моя вина? — спросил Ли Сяньчжан.

— Если бы не ты, я ни за что не пошел бы к Чжэнь Гуану и уже давно встретился бы с молодым князем.

— Да у тебя каждый день находилась причина, только бы не идти, — смеялся Ли.

— Не отчаивайся, само Небо отвело тебя от этого Чжэнь Гуана.

— Чем говорить о всякой чепухе, давайте лучше сядем за стол, — вмешался в разговор Пууюй, велел убрать стоявшую на столе еду и принести новую.

Ши Линъюнь встал и с поклоном проговорил:

— Очень рад был познакомиться. Но мне пора, дела не ждут. Пууюй взял его за руку:

— Почтенный, не каждый день бывают такие встречи. Посидите еще немного!

— Судя по приготовлениям, князь, вы ждете гостей, — отвечал Ши Линъюнь, — и я могу оказаться некстати.

— Почтенный, — ответил Пууюй, — отгадайте, кто будет нынче самым важным гостем?

— Откуда мне знать, — сказал Ши Линъюнь, — у вас все гости важные! Ваны да гуны.

— Ну, тогда я угадаю, — заявил тут Ли Сяньчжан. — Самым важным гостем будет брат Ши Линъюнь!

— Что за шутки, почтеннейший Ли. Скажи правду, кого ждут?

— А это не шутки, — промолвил Пууюй, — вы и есть важный гость.

Ши Линъюнь растерялся и говорит:

— Значит, пир был задуман давно. Не мог же я оказаться желанным гостем, да еще самым важным, если явился без приглашения!

— Скажу откровенно, — признался Пууюй. — Учитель Ли давно рассказал мне о ваших необыкновенных талантах и вашей учености. И с тех пор я лишился покоя. Сколько раз просил я учителя привести вас, но вы не верили, что богатый может быть умным и образованным, и потому не хотели идти. От учителя Ли я узнал, что вы как огня боитесь знатных домов и как жизнь цените талант и ученость. Вот и пришлось пуститься на хитрость, чтобы заполучить вас к себе. Я попросил господина Юя приготовить жидкое вино, чтобы «заманить рыбака цветами персика»¹. Мои незамысловатые строки вызвали у вас вдохновение, в этом я убедился воочию. Учитель Ли притворился пьяным, я сделал вид, что не знаю, кто вы. Словом, это была шутка! А чтобы загладить свою вину, мы устроили возлияние, потому что искренне и по-доброму к вам относимся. И конечно же, вы, почтенный Ши, наш самый дорогой гость.

Ши Линъюнь разразился хохотом:

— Любезный мой брат, так вот, оказывается, сколь велико и неотступно стремление познать новое! Но оно натолкнулось на мое упрямство. Мой же невольный порыв оказался на руку старому другу, он хотел сделать добро, старался всячески помочь князю, но это оказалось не в его силах. — И Ши Линъюнь повернулся к Юйхэ:

— Почему вы сразу мне не сказали, что молодой князь жаждет встречи со мной?

— Скажи я об этом, вы нашли бы предлог отказать.

Все рассмеялись и стали хлопать в ладоши. Потом снова началось возлияние, блюда с яствами сменяли друг друга, слух друзей услаждали нежные звуки флейты, чудесные песни.

Пууюй исподтишка рассматривал Ши Линъюня. Стройный, красивый, он был прекрасен, словно гора Сумэру. Излом бровей — очертания хребтов, дыхание легкое, глаза — осенние прозрачные воды.

Оба — и юноша, и зрелый муж — ученостью своей и талантами заслуживали уважения, от гнева и

¹ «...Заманить рыбака цветами персика». — Имеется в виду одно из самых известных произведений поэта Тао Юаньмина (365–427) «Персиковый источник», в котором рассказывается, как один рыбак однажды, следуя по реке на лодке, оказался в стране счастья, где люди живут в равенстве и труде и наслаждаются миром и весельем.

досады не осталось и следа, желание исполнилось, в душу снизошел покой.

Зал Десяти тысяч ив — прелестный уголок, одна из десяти достопримечательностей озера Сиху. Здесь любят густыми рощами и слушают пение иволги.

Миновало без малого полтора месяца с тех пор, как Пуюй обрел желанного друга. И если в какой-то день один не приходил, другой уже тревожился. Они вместе совершенствовались в стихосложении, и от этого дом обрел свою былую прелесть, а тоска по цитре и курильнице немного поутихла. Но однажды явились управляющие, которых посылали в Сучжоу, и рассказали следующее.

Князь Бэнь как раз уехал с чиновниками осматривать побережье, и княгиня Цзинь повела управляющих во внутренние покои, чтобы подробно их обо всем расспросить. На вопрос, когда приедет госпожа Бэнь, Гучжэнь ответил:

— Ваш слуга собственными глазами видел, что на ремонт потребуется по меньшей мере четыре месяца, это только чтобы привести в порядок то, что на виду, и главный павильон. Так что до зимы госпожа не приедет. — Сказав это, Гучжэнь передал подарки.

Княгиня Цзинь позвала Пуюя и велела ему прочесть письмо. Пуюй вскрыл пакет, на котором было написано: «Младшая сестра Бэньчжу шлет привет, опустив рукава, со всем почтением кланяется брату и невестке», и стал читать: «Мы родня, а как давно уже в разлуке. Как пара гусей, которых разлучили горы и реки. Смена времени года навевает печаль. После того, как мы, оплакав матушку и скорбя, расстались, на мою долю выпало много страданий. Слезы душат, стоит подумать, что матушки нет в живых, а брат собрался в дальние края. Еще прошлой весной, когда невестка навестила меня, мы сосватали наших детей. И теперь день и ночь я мечтаю о встрече с вами, но никак не могу отправиться в путь. Посылаю Ду Цзинчжуна привести в порядок старое родовое поместье, а заодно проведать вас и передать от меня поклон. Пусть явит брат снисхождение к моей слабости. Как только все будет готово и Ду Цзинчжун вернется, я к вам приеду. Бедная ваша сестра сто раз кланяется брату и невестке и припадает к вашим стопам. Кланяются вам низко дочь Шэнжу и сын Мэнжуй...»

Пуюй еще не дочитал до конца, а по щекам княгини покатались слезы, сердце сжалось от тоски. Звякнул колокольчик, возвестивший о том, что идет князь Бэнь. По дороге ему попались управляющие. Пуюй вышел навстречу отцу. Князь переоделся, выпил чаю, после чего княгиня показала ему письмо и подарки.

Прочитав письмо, князь потерял бороду, тяжело вздохнул, сказал что-то неопределенное и пошел к себе в кабинет, намереваясь поговорить с Гао Чжэнем. Княгиня Цзинь тем временем принялась рассматривать подарки. Там были всевозможные безделушки, рукодельные принадлежности, а также разная мелочь для служанок.

Фушоу сидела у окна с вышиваньем. Когда появился Пуюй, она оставила вышиванье и стала готовить чай. Вдруг прибежала девочка-служанка и крикнула в окно:

— Сестрица Фу, ты дома?

— Дома. А что случилось?

Девочка просунула сквозь бамбуковую занавеску сверток:

— Возьми! Это тебе подарок от новой госпожи.

— Ну что за озорная девчонка! — засмеялась Фушоу, беря сверток. — Какая еще новая госпожа? С какой стати ты прибежала?

Девочка ничего не ответила и умчалась.

— Ну-ка, покажи, — попросил Пуюй. — Это, наверное, от сестрицы Шэнжу. До чего же несносными стали эти девчонки!

Фушоу развязала узелок и вынула завернутое в красную бумагу бирюзовое колечко.

— Барышня Шэнжу меня не забыла, — промолвила Фушоу. — Хорошо помню, как в том году, летом, приехала барышня Цинь и привезла четыре колечка — малахитовое отдала сестрице Мяо-луань, бирюзовое — сестрице Сюфэн, агатовое — барышне Цзинь-пин, а совсем маленькое, из зеленого нефрита, оставила себе, оно ей очень понравилось. В Цветочном павильоне тогда было столько народу, такое веселье! Но за те несколько лет, что прошли после кончины молодой госпожи, все изменилось, одни уехали, других не стало. Много воды утекло, рассеялись облака. Стало скучно, безлюдно. Недаром говорят, у каждого своя судьба и никто не волен ею распоряжаться.

Пуюй тоже вспомнил былые времена и своих прежних друзей и, сдержав слезы, с улыбкой проговорил:

— Фушоу, а тебе, наверное, очень хотелось получить это колечко?

— Не только мне, и другим, что повыше меня, хотелось. Ведь в то время меня и человеком-то не считали! Только барышня Лу всегда обо мне заботилась!

— Мне надо было сказать, и ты получила бы колечко.

Фушоу, смеясь, поправила прическу.

— Спасибо за доброту! Но разве могла я тогда принять от тебя подарок?

Во время их разговора вдруг пришли слуги звать Пуюя к отцу.

— Напиши тете письмо, — приказал отец, — и сообщи, что мы пошлем человека с деньгами, чтобы поскорее закончить ремонт, и к концу лета она сможет переехать. А здесь до седьмого месяца надо оклеить стены. Напиши все подробно.

Пуюй кивнул, вышел в соседнюю комнату, написал письмо и принес отцу.

Князь Бэнь прочел, собственноручно поставил печать, заклеил конверт и, передавая его Гун Гао, велел сказать Ду, что ехать ему сюда незачем. Пусть побыстрее уладит дела и отправляется домой. Затем

князь приказал Пуую проследить за тем, как готовят подарки для родственников, и за сборами в дорогу.

Время летит быстро. Промелькнуло лето, подул западный ветер, полетели желтые листья, и незаметно подкралась осень. Однажды к Пуую пришел странник с мечом и подал красный листок бумаги.

Это было приглашение.

«Вот уже несколько дней дует западный ветер, я тоскую по другу. Завтра осеннее равноденствие. На горе Пиньшань, как обычно, я приготовил вина и приглашаю вас в гости. Приходите, если не поленились ступить лишних полшага, и возьмите с собой почтенного Ли. С глубоким поклоном и уважением, бедный ученик ваш».

Пуую улыбнулся:

— Приглашение, а какое занятное! Ведь и вправду, завтра девятое число девятого месяца. Говорят, горы Пиньшань и озеро Сиху особенно хороши осенью. Передай учителю Ли, что мы с ним завтра туда отправимся, только пусть не очень докучает почтенному Ши.

Слуга кивнул и пошел к учителю Ли.

На другой день, сразу же после завтрака, Пуую с Ли надели дорожное платье и не спеша вышли из города. И в самом деле, дул западный ветер, по высокому небу плыли редкие облака. Трава по обочинам дороги пожелтела, под ногами — красные листья. В горах Пиньшань на южном берегу озера Сиху стоит монастырь Драконов колодец. На горных склонах цветущие луга. Слух услаждает пенье птиц.

Ши Линъюнь уже был здесь, снял келью у одного монаха и вместе с Юйхэ и несколькими юными послушниками спустился на дорогу встречать гостей.

— Дорога неблизкая. Почему вы не верхом? — спросил Ши.

— Предпочитаю ходить пешком, — с улыбкой ответил Пуую, — гораздо полезнее. А вы давно здесь, почтенный Ши? Стоило ли так беспокоиться?

Ши Линъюнь с поклоном ответил:

— Со вчерашнего дня, приготовил угощение для уважаемого господина.

За разговором не заметили, как пришли в монастырь. Надпись на воротах стерлась и была едва различима:

Когда снисходит вдохновение, иду к воде
полюбоваться отражением луны.

Когда читать наскучит, поднимаюсь в горы послушать
колокольный звон.

Пуую подумал, что надпись эту сочинил человек, без сомнения, талантливый. Настоятель храма, преподобный Тао Чжао, не мог встретить гостя, и пригласить Пуую вышел старший монах.

Келья была чисто прибрана, пол подметен. Резьбу на ширмах нельзя было назвать искусной, зато расставлены они были со вкусом. На стене картина с изображением судьи подземного царства, в шапке и халате с драконами. Руки у судьи заложены за спину. За ним следует тощий черт, совершенно голый, с

зонтиком в руках. Идея картины — торжество справедливости. Пуую не мог скрыть своего восхищения:

— Кто автор этой картины? — спросил он.

— Местный художник, — ответил монах.

— А где он живет? Как его имя, в каком он звании?

— Он мой земляк, живет в монастыре «Убежище душ», звания не имеет. Молод еще, — сказал монах и добавил:

— Садитесь. Чай готов.

После взаимных поклонов все сели к столу. Восемь бессмертных, и каждый занял положенное ему место. Стол был уставлен всевозможными яствами и винами.

— Почему в этот день по обычаю поднимаются в горы, собирают и сушат траву, пьют вино? — поинтересовался Юйхэ.

— В книге «Необходимые познания о древних деяниях», — стал объяснять Ли Сяньчжан, — есть история о некоем Хуань Цзине и его учителе — волшебнике. Так вот, однажды волшебник сказал ученику: «В день двойной девятки (то есть девятого числа девятого месяца) у тебя случится несчастье. Чтобы избежать его, надо бы набрать в мешок травы чжужуй, отнести мешок на вершину высокой горы и выпить там желтого вина». Хуань Цзин все сделал, как сказал учитель, и с ним ничего не случилось, а вернувшись домой, нашел мертвыми свою собаку и кур. Впоследствии собирать траву и подниматься в горы вошло в обычай.

— Зачем же нам подражать этому юноше, если мы не ученики волшебника? — улыбнулся Пуую.

— А мы поднимаемся в горы не для того, чтобы избежать несчастья, — возразил Ши Линъюнь, — а чтобы подышать удивительным горным воздухом, который нам дарят Земля и Небо. Ведь без причины не станешь карабкаться в горы, а так есть повод. А какие стихи мы там сочиним! Они будут прекрасны, как распустившиеся цветы сливы.

— У меня дома не то что собак и кур, кошки и то нет, есть, правда, мыши, но если они передохнут, я буду только рад, — заметил Юйхэ под общий хохот.

— Как-то скучно сидеть и пить в тишине. Что, если придумать застольный указ? — произнес Ши Линъюнь.

— Мы — ваши гости, почтенный Ши, — сказал с улыбкой Пуую, — и ваше желание для нас — закон.

— Только надо придумать что-то новое, интересное. Почтенный Ли у нас самый старший... Он много видел, многое знает. Давайте сделаем его распорядителем пира!

— Сегодня главный гость — молодой князь, — возразил Ли Сяньчжан, — пусть он и будет распорядителем.

Пуую между тем не мог отвести глаз от картины и снова спросил, кто ее автор.

— Люди зовут его Юэй Цзян, — ответил монах, — он хоть и молод, но ни к чему земному не питает пристрастия. Он добр и великодушен.

Ши Линъюнь попросил Пуюя придумать указ, но Пуюй вежливо отказался и указал на Ли. Ли согласился, выпил вина и сказал: «Слушайте!»

Если вы хотите знать, какой указ придумал Ли Сяньчжан, прочтите следующую главу.

Глава тринадцатая

*Звонкий феникс взлетел и исчез в белых облаках.
Синяя дымка обволокла желтый холм.*

Затем Ли Сяньчжан сказал:

— Раз уж вы попросили меня придумать указ, слушайте внимательно! Первым делом надо перемешать костяшки так, чтобы они лежали вверх тыльной стороной. Один из нас вытаскивает костяшку, смотрит, что на ней изображено, и читает соответствующие изображению строки из танской поэзии. Таков будет застольный указ. Кто его нарушит, выпьет три штрафных бокала — соответственно трем строкам. Юйхэ, нахмурившись, сказал:

— Это очень трудно. Сколько надо знать назусть стихов?

Ши Линъюнь возразил:

— Лучше трудно, чем легко. По крайней мере, интересно. Есть над чем подумать!

— В таком случае, — добавил Пуюй, — надо еще кого-нибудь пригласить, чтобы мешал костяшки.

В это время настоятель монастыря, узнав о том, что пожаловали такие дорогие гости, прислал бутылку шаосинского вина, которое хранил много лет для самых почетных гостей, делающих пожертвования. Вино принес Чжучжи, его и попросили мешать костяшки. Он не стал отказываться, сел, взял ящик с костяшками, тщательно перемешал, вытащил две, которые в сочетании значили «бабье лето в октябре», и сказал:

— Итак: «В десятом месяце наступило бабье лето».

Ли Сяньчжан произнес:

— Утверждаю, что этот праздник самый веселый. В городе нет места, где бы не разносился пух.

— Должно быть «цветок», — возразил монах, — а ты говоришь «пух».

Ли Сяньчжан не задумываясь прочел:

Никто не может удержаться, чтобы не спросить
о цветах, что возле ворот.

И осушил бокал вина. Все стали его хвалить, а монах вытащил еще три костяшки и сказал:

— Растаял снег, и открылись проталины весной.

Настала очередь Пуюя. Он выпил вино и прочел такие стихи:

Восточный ветер гонит волны, переливается зелень.
Каждый уносит снег от своих дверей.

— Почему вместо «вылетает» ты прочел «уносит»? — спросил монах, и Пуюю пришлось прочесть еще строку:

Сколько раз звал слугу отмести снег — все бесполезно.

После этого он выпил вино, а монах снова вытащил костяшки и сказал:

— «Семь мудрецов из бамбуковой рощи».

Ши Линъюнь прочел:

Проезжая мимо бамбука и осоки, попал прямо на пир
монахам.

— Неправильно! — произнес монах, тогда Ши прочел:

Ученые мужи возвращались, и паланкин летел, словно
птица.

— Почему вместо «коня» «паланкин»?

— Дорогу занесло снегом, как поедешь на коне?

Монах опять смешал костяшки и с улыбкой проговорил:

— А теперь «Луна над макушкой сливы».

Подошла очередь Юйхэ, он выпил вино и сидел как ни в чем не бывало. Монах стал его торопить. Тогда Юйхэ, скорчив недовольную мину, сверкнул глазами и выпалил:

— Над деревом взошла луна, а я при чем? Что вы ко мне пристали?

Все стали смеяться, говоря:

— Ты должен прочесть из танской поэзии.

— Я вам сразу сказал. Никаких подходящих танских стихов я не знаю.

— Но ты согласился играть, а за нарушение правила штраф, — заявил Ли Сяньчжан, — но как бы там ни было, одну строку ты должен прочесть!

— Не просто строку, — пояснил монах, — а чтобы она соответствовала тому, что написано на костяшке.

Юйхэ растерялся:

— Ладно, учитель, вы не сердитесь, я постараюсь. — И он прочел:

Засияла луна, и буддийский монах постучал в ворота.

Все сразу поняли, что это он выдумал, и расхохотались. Монах тоже не удержался от смеха, наполнил большой бокал, подтащил Юйхэ за уши и хотел вылить вино ему в рот, но Юйхэ взмолился:

— Учитель, пощадите! Эту строку я и вправду не сам придумал. Рассказывают, что в давние времена один деревенский старик сел на осла и поехал в го-

род. По дороге стал сочинять стихи и наткнулся на повозку Ханьюя — литератора и сановника. Ханьюй велел стражникам схватить старика, и тот на вопрос Ханьюя ответил: «Я, пока ехал на осле, сочинил прекрасную строку: „Птица поселилась на дереве возле пруда“ — и стал подбирать к ней рифму. Подобрал: „Под луной толкается в ворота монах“. Затем я подумал, что „стучится“ больше подойдет, чем „толкается“, и стал размахивать руками, чтобы представить себе, как это будет. И так увлекся, что не заметил вашей повозки». Ханьюй, очень довольный, объявил старика своим другом. Эту самую строчку я и прочел.

— Допустим, — сказал Ши Линьюнь, — но по уговору в строке должно быть пять слов, а у тебя получилось семь. Так что придется тебе выпить штрафной.

Он стал просить Ши Линьюня прочесть вместо него стихи, но тот отказался.

— Раньше выпей свои три штрафных, а уж потом я за тебя прочту, — заявил он. Пришлось Юйхэ выпить, и Ши Линьюнь выполнил свое обещание, прочтя такую строку:

Цветок распространяет аромат, а луна — сияние.

Но монах не унимался, требуя, чтобы Юйхэ сам прочел стихи. Добрых полчаса Юйхэ думал, а потом прочел:

Легкие облака, ласковый ветер принес зимний иней.

Опять раздался смех.

— Оштрафовать его! Ничего похожего ни на луну, ни на цветок. И ритм стиха нарушен — первое слово никак не сочетается с последним.

Юйхэ рассердился:

— Что за люди! Все им не так. С таким трудом я вспомнил строку, а вы говорите, что не годится!

— «Легкие облака и ласковый ветер», — принялся объяснять Ли Сяньчжан, — символизируют весну, хорошую погоду. А «зимний иней» как раз наоборот. Так что пить тебе штрафной!

Пришлось Юйхэ согласиться, после чего Ши Линьюнь снова прочел вместо него стихи:

Гость, пододвинув чашку чая, выпил,
Чтоб собеседнику напомнить о себе.

Но тут Юйхэ вдруг закричал:

— Вы только послушайте! Ведь ни цветов, ни луны в его строке нет!

Ши Линьюнь замаха л руками:

— Помолчи лучше и послушай следующую строку. В разговор вмешался монах.

— У нас вино и закуски, при чем же здесь чай? — спросил он.

Тогда Ши Линьюнь прочел такую строку:

Холодной ночью пришел гость, и вместо вина пили чай.

Охваченные восторгом, все захлопали ладонями по коленкам и принялись возносить хвалу Ши Линьюню: «ночь» сочетается с «луной». Все четыре строки будто связаны живой нитью. Стихи старые, но как прекрасно подобраны по смыслу! Господин Ши — истинный поэт!

Юйхэ закатал рукава и с громкими возгласами стал «выбрасывать» пальцы. Он был уже изрядно навеселе, но продолжал пить. Неожиданно за Пууюем явился слуга. Он сказал, что из Сучжоу вернулся Гун Гао. Пууй, опасаясь вызвать отцовский гнев, не стал задерживаться, извинился, вместе с Ли они сели в лодку и отправились в обратный путь.

А Юйхэ, хотя едва держался на ногах от выпитого вина, пошел с Ши Линьюнем в горы.

Расскажем теперь о Гун Гао. В начале лета он отправился по приказу князя Бэня в Сучжоу, а княгине Бэнь отправил письмо и подарки. Вместе с Ду Цзиньчжуном они занялись ремонтом дома, который закончили в Среднем осеннем месяце. После этого дней через десять приехала княгиня Бэнь с сыном, отправила людей поблагодарить брата за помощь, а также передать, что все здоровы. В пути задержало одно забавное происшествие.

Княгиня Бэнь была в полном отчаянии, когда вдруг получила письмо от брата. Начались сборы в дорогу. В три лодки погрузили имущество, а также слуг, мамок, нянек, всего человек пятнадцать. Поплыли на юг. Стояла осень, дул западный ветер, лодки шли быстро. Но неожиданно ветер утих, наступила жара, и на воде, пожалуй, было хуже, чем на суше. Шэнжу велела Чжисян достать веер из багажа.

— И в самом деле, очень жарко, — заметила княгиня. — Такая резкая перемена погоды! Вряд ли веер поможет. Лучше одеться полегче.

— Конечно, — сказал Мэнжуй. — Видите, ма тушка, на том берегу рыбацкую лодку? Там все разделись. Кто пьет вино, кто рыбу чистит, а один парень обмахивается соломенной шляпой, как веером. — Мэнжуй рассмеялся. Княгине Бэнь хоть и было грустно, но она радовалась, глядя на детей.

Однажды в полдень лодка пристала к берегу Хуачжоу. Вдруг с северо-запада надвинулась туча, стало греметь, засверкали молнии. Налетел ураган — будто тысячи всадников мчались с криками верхом на конях. Огромные волны закрыли тучи. Ветер, казалось, вот-вот сорвет с лодки навес. Все смешалось: север, юг, запад, восток.

Волны, кипя и пенясь, швыряли лодку из стороны в сторону. Княгиня с детьми забила в угол и, сложив ладони, взывала к Будде. Вдруг лодка накренилась, и ее бросило в узкий проток.

Лодка, где находился сосуд с прахом господина Мэна, вертелась на середине реки, словно молитвенное колесо, и вдруг, подхваченная ветром, устремилась вниз. Гребцы закричали, налегли на весла, но сделать ничего не могли. Лодка врезалась носом в берег, корма треснула. К счастью, задняя часть уцелела, и волнами ее тоже унесло в проток. Хлынул ливень, ветер немного утих.

Княгине Бэнь стало дурно, голова кружилась, сердце бешено стучало. Перепуганные служанки побежали к гребцам.

— Нет ли где-нибудь поблизости селения? — спросили они. — Княгине необходимо передохнуть.

Гребцы охотно согласились сделать остановку, тем более что лодка требовала починки.

— Здесь неподалеку есть женский монастырь Белых облаков. Вы с госпожой можете там передохнуть.

Дождь тем временем перестал, тучи ушли на восток. Служанки еще из лодки увидели вблизи от берега рошу, между деревьев виднелись бамбуковые изгороди, домики, мазанки с маленькими красными дверьми. Служанки пошли к госпоже. Юаньсяо сказала:

— Госпожа, вы плохо себя чувствуете, почему бы вам не отдохнуть немного на берегу? А гребцы пока починят лодку. Это займет немного времени.

Княгиня Бэнь, услышав это, вначале рассердилась, а потом, скрепя сердце, поддавалась на уговоры. Но прежде чем сойти на берег, она вместе с младшими служанками пошла на лодку, где была урна, поставила ее на прежнее место и лишь после этого сошла на берег. Лодку починили очень быстро, и слуга пришел об этом доложить.

Мэнжуй, едва кончился дождь и стих ветер, решил прогуляться по берегу. Воздух был чистым, дышалось легко. Пошла вместе с ним и княгиня, наслаждаясь тишиной и свежестью. Она сразу почувствовала себя лучше. Поросшие лесом горы вокруг казались синими. Подобную красоту можно было увидеть лишь на картине. Они прошли через рошу, миновали поле и вскоре очутились у ворот монастыря. Здесь росли раскидистые деревья, кронами уходившие в самое небо. За монастырем была бамбуковая роща. Приветствовать княгиню вышла настоятельница с двумя юными послушницами. Она была в накидке из журавлиного пуха. Волос на голове — не больше, чем у младенца. Княгиня с улыбкой отвесила поклон, и все вместе они вошли в маленькую калитку. Здесь они первым делом поклонились изображению бодисатвы Гуаньинь, обошли его и оказались перед главным храмом, где по обеим сторонам галереи росли четыре огромных куста черемухи, а вокруг множество разноцветных лотосов, которые блестели и переливались, словно шелк. Справа и слева крышу храма украшали козырьки, за храмом, окруженные изгородью, виднелись домики, дополняя эту живописную картину. На воротах главного двора висела доска с надписью из четырех иероглифов: «Среди аромата белых облаков», а по бокам парные надписи:

Ущербная луна, холодный ветер.

Утром — колокол, вечером — барабан.

В прекрасных травах и чудесных цветах —
ароматы души и светильника.

Княгиня вздохнула, зажгла ароматические свечи перед святыми с четырех сторон и помолилась. Затем настоятельница ударила в колокол, слуга передал деньги на свечи и светильники, и княгиню пригласили пройти в зал. Когда все расселись, настоятельница позвала:

— Фэйтан!

Тотчас явилась младшая послушница, коротко остриженная, с живыми, веселыми глазами.

— Принеси чашку твоей наставницы и угости госпожу чаем, — приказала настоятельница.

Когда девочка ушла, княгиня спросила:

— В этом монастыре, почтеннейшая, кроме вас есть еще наставницы?

— Ее наставница — тоже моя ученица, — с улыбкой ответила настоятельница, — в прошлом году поселилась в монастыре. Совсем молодая, очень красивая и необыкновенно умная. Не знаю, что заставило ее уйти в монастырь. На все вопросы отвечает одно — что хочет избавиться от страданий. Что с ней случилось, не говорит, только плачет. Судя по всему, она если не из княжеского дома, то наверняка из знатного и богатого. Я сделала ее своей помощницей, экономкой и поселила во флигеле. Ведет она себя как-то странно. За ворота никогда не выходит, а если услышит, что явились пожертвователи, запирается у себя. Лишь изредка я беру ее с собой на молебен — когда из города Ян приходят княгини и барышни.

Пока они беседовали, Фэйтан принесла на маленьком подносе два бокала. Монашенка, которая шла следом за ней, увидев княгиню Бэнь, остановилась как вкопанная. А Шэнжу, в свою очередь, впиалась взглядом в монашку. Ее черные волосы, разделенные на две прядки, свободно свисали из-под маленькой шапочки, завязанный сзади пояс спускался двумя концами. Поверх кофты цвета осеннего бамбука была надета длинная безрукавка с синей и белой отделкой. Лицо белое, чистое, без единого пятнышка. Во взгляде кротость, нос точеный, прямой, брови — два молодых месяца, живые, с поволокой глаза, белые зубы — как у Шиши, изящные плечи и стройный стан, как у Ван Чжаоцзюнь¹. Губы — алые, в каждом движении — грация. Глаза нельзя было отвести от этой монашки, до того она была хо-

¹ Чжаоцзюнь (Ван Чжаоцзюнь; I в. до н. э.) — красавица из дворцов китайского императора Юаньди, которую император отдал в жены князю гуннов. Согласно известной легенде, Чжаоцзюнь, красавицу из гарема, император никогда не призывал к себе, так как каждый выбирал очередную подругу по портретам, а придворный художник, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее уродливой. Как самую некрасивую император и отдал ее в жены князю гуннов. О красоте Ван Чжаоцзюнь император узнал лишь на прощальной аудиенции, устроенной по случаю отъезда князя, и тут же влюбился в нее. Но договор был заключен, и Ван Чжаоцзюнь пришлось уехать на север, где она вскоре умерла, тоскуя по родине.

роша. Шэнжу ее лицо показалось знакомым. На кого же эта монашка похожа? И вдруг Юаньсяо воскликнула:

— Ой! Да это же сестрица Мяо-Луань из дворца Бэней! Разве не так? Как же она сюда попала?

Тут лицо молодой монашки озарилось радостью, и она вбежала в комнату. Княгиня Бэнь расчувствовалась, как говорится, «при виде цветка вспомнила о вазе». Ведь Мяо-Луань была в услужении у ее покойной матери. Слезы полились из глаз княгини, а Мяо-Луань подбежала, обняла ее колени и тоже заплакала.

Шэнжу подошла к Мяо-Луань, взяла ее за руки, и они долго плакали, утешая друг друга.

— Девочка, почему ты здесь, что случилось? — спросила княгиня.

— Долго рассказывать. Да и не место здесь для таких разговоров. Пойдемте ко мне! — предложила Мяо-Луань.

Княгиня согласилась, и они пришли к небольшому домику, слева от главного дворца. Дворик был очень уютный, густо засаженный деревьями и цветами. Среди зелени выделялась выложенная белым камнем дорожка, слева росла старая слива с погнутыми и покореженными ветвями, справа был маленький пруд, у подножья скалы цвело коричневое дерево, распространяя вокруг нежный аромат. Войдя в дом, княгиня и Шэнжу увидели на стенах картины и парные надписи, на столе — тонкой работы курильницу и деревянные молоточки. Во всем царил порядок.

— Не зря этот монастырь называют храмом Белых облаков, — с улыбкой сказала Шэнжу.

Мяо-Луань провела гостей в комнаты, усадила. Настоятельница, чтобы не мешать их беседе, удалилась, сославшись на то, что ей надо готовить чай.

Княгиня велела Мяо-Луань сесть на низенький стульчик и принялась расспрашивать, что да как. Мяо-Луань вздохнула, из глаз полились слезы.

— Все мои страдания, и настоящие, и по пустякам, госпоже известны, — промолвила девушка. — В этот год младший господин захотел взять меня в наложницы, но я заплакала и ехать с ним отказалась. Тогда жива еще была моя благодетельница, и они не посмели ничего со мной сделать. После ее кончины мой брат смилостивился и взял меня к себе. Но младший господин стал требовать, чтобы он отдал меня ему. Я уговорила брата подождать двадцать семь месяцев, пока кончится траур по госпоже. Прошлой весной траур кончился, а наш господин Бэнь уехал на юг. Вступить за меня было некому, и я не знала, как быть. Попросила княгиню взять меня с собой на юг, но она, опасаясь пересудов, наотрез отказалась. Мой брат тоже уехал. Я решила воспользоваться случаем, собрала вещи, наняла лодку и поехала следом за госпожой. По дороге узнала, что в здешнем монастыре есть девочка, которую я когда-то опекала у госпожи, и теперь она заболела. Я пошла к настоятельнице, попросила меня принять, она сжалилась и оставила меня здесь. Она добрая, забот-

ливая. Древние говорили: «Где тебе добро сделали, там и живи до смерти». С детства я была благодетельствована щедрой, словно обильный дождь, милостью почтенной госпожи. Я ни капельки не преувеличиваю. И одета была, и накормлена, ничуть не хуже господ из богатых и знатных домов. Мне скоро тридцать исполнится. Я больше не мечтаю встретить умного и красивого юношу. Одна радость у меня теперь: утром слушать колокол, а вечером — барабан.

Сказав это, Мяо-Луань снова заплакала. У Шэнжу тоже полились из глаз слезы.

— А ты упрямая, — с горечью глядя на Мяо-Луань, промолвила княгиня. — Почему отказалась стать наложницей господина? — И сыта была бы, и одета, и обута.

Мяо-Луань со вздохом сказала:

— Как я могла решиться пойти в этот ад? — И стала спрашивать княгиню о ее жизни, поинтересовалась, почему Шэнжу носит траур. Княгиня рассказала обо всем по порядку.

Недаром говорят: «Враги встречаются друг друга шипами, друзья — яблоками».

Шэнжу и Мяо-Луань всегда были дружны и сейчас не могли нарадоваться этой встрече в чужом краю. Вскоре настоятельница принесла чай, после чая поели и продолжили разговор. Вспомнили былые времена. Мяо-Луань, не переставая вздыхать, с грустью произнесла:

— Все красавицы из нашего дворца рассыпались по белу свету, как звезды по небу, а следом за ними — служанки, их словно ветром сдуло, смыло дождем. А какое было веселье, когда три сестрицы — Шэнжу, Циньмо и Лумэй и обе барышни Бэнь жили вместе. Не успели оглянуться, как все разлетелись в разные стороны. Этой весной я гостила на горе Пиншань. Там свежая могилка барышни Циньмо с надгробной плитой. До чего же коротка жизнь! Кто мог подумать, что барышня Циньмо так рано от нас уйдет!

Эти слова заставили вздрогнуть Шэнжу и княгиню Бэнь.

— Это правда? Она умерла? Что с ней случилось? Мы ничего не знаем.

— Почему она умерла, я тоже не знаю, — отвечала Мяо-Луань, — только на плите видела ее имя и фамилию. До горы Пиншань отсюда рукой подать. Можно сходить, тогда сами увидите!

Княгиня Бэнь помолилась, вздохнула, а Шэнжу заплакала. Тут в монастырь пришли слуги и сказали княгине:

— Лодка с прахом господина Мэна требует серьезной починки, хозяин требует возместить ему ее полную стоимость. А другую нанять невозможно, никто не сдает, боятся продешевить. Так что придется заняться починкой. Если даже работать без отдыха, на это уйдет не меньше пяти-шести дней.

Княгиня не знала, что делать. А старая монахиня, никогда не упускавшая случая получить деньги, принялась уговаривать княгиню оставить прах в монастыре. Пришлось княгине согласиться. Она велела

принести урну с прахом. Урну установили в молельном зале, сожгли бумажные деньги, покропили вином. Вечером Шэнжу снова завела разговор о сестрах.

— Вон там, на стене, — Мяо-Луань куда-то в сторону махнула рукой, — висит пейзаж — его дала мне перед отъездом барышня Лу. Я не могла с ним расстаться и привезла сюда. На нем стихи, собственноручно написанные барышней.

Шэнжу подошла ближе и увидела рисунок тушью «Дождь и дымка» Ми Сяньян. На рисунке деревья, бамбук, горы, скалы во время дождя. А рядом рукой Лумэй написано:

Как во сне промчались годы.
Каждый год в день весны грущу от ветра и дождя.
Этот печальный день в году словно проклят.
В сердце еще больше жалости.

Шэнжу вздохнула:

— Не знаю, сколько слез пролила барышня Лу, когда писала эти стихи.

Мяо-Луань рассмеялась:

— Плакала ли тогда барышня, неизвестно, а вот стихи нашего Пуюя она омыла слезами, для которых не хватило бы и котла.

— А ответных стихов Пуюя ты не видела? — спросила Цюй-фан. — Здесь их нет. Почему — не знаю.

— Нет, ответных стихов младшего господина я не видела. А вот его рисунок «Пейзаж» и рисунок барышни Цинь «Цветок и бабочка» у меня, я привезла их с собой.

— Можно посмотреть? — спросила Цюйфан.

— Они там, в комнате, висят на стене.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*

Информация об авторах

Асалханова Екатерина Владимировна — кандидат искусствоведения, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета. Член Иркутского регионального отделения «Союз художников России». Иркутск.
asalhane@yandex.ru

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, Калмыцкий Государственный Университет им. Б. Б. Городовикова. Зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве». Элиста.
basangova49@yandex.ru

Ермакова Татьяна Викторовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
taersu@yandex.ru

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН. Санкт-Петербург.
kawi@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, завсектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
kulgan@inbox.ru

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ.
kuraslv@yandex.ru

Лундышева Ольга Владимировна — младший научный сотрудник Лаборатории «Сериндика» (отдел рукописей и документов ИВР РАН). Санкт-Петербург.

Носов Дмитрий Алексеевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
dnosov@mail.ru

Островская Елена Петровна — доктор философских наук, завсектором Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
ost-alex@yandex.ru

Сизова Алла Алексеевна — младший научный сотрудник ИВР РАН. Санкт-Петербург.
al.la.sizova@yandex.ru

Скородумова Лидия Григорьевна — доктор филологических наук, профессор Института восточных культур и античности РГГУ. Москва.
lidiaskorodumova@yandex.ru

Успенский Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург.
v.uspensky@orient.spbu.ru

Цыремпилова Ирина Семеновна — доктор исторических наук, профессор, и. о. проректора по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры. Улан-Удэ.
nauka_vsgaki@mail.ru

Юсупова Татьяна Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН. Санкт-Петербург.
ti-yusupova@mail.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
nyakhontova@mail.ru

Information about the authors

Asalkhanova Ekaterina Vladimirovna — Cand. Sc. (Art), Associate Professor, Department of Monumental Art and Design named after V. G. Smagin, Faculty of Architecture, Civil Engineering and Design of the National Research Technology University. Irkutsk, Russia.

asalhane@yandex.ru

Basangova Tamara Goryaevna — Dr. Sc. (Philology), Kalmyk State University named after B. B. Goro-dovikov.

basangova49@yandex.ru

Ermakova Tatiana V. — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of the Central and South Asia, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

taersu@yandex.ru

Kulganek Irina Vladimirovna — Dr. Sc. (Philology). Head of the Section of Central Asian Studies at the IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kulgan@inbox.ru

Kuras Leonid Vladimirovich — Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Associate Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. Ulan-Ude.

kuraslv@yandex.ru

Lundysheva Olga Vladimirovna — Junior researcher of the Serindica Laboratory (the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS).

Nosov Dmitrii Alekseevitch — Cand. Sc. (Philology), Researcher, Sector of Central Asia, Department of Central and Southern Asia IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

dnosov@mail.ru

Ostrovskaya Helena P. — Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Head of the South Asian Section of the Department of Central and South Asia Studies, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

ost-alex@yandex.ru

Sizova Alla Alekseevna — Junior Researcher at the IOM RAS.

al.la.sizova@yandex.ru

Skorodumova Lidia Grigor'evna — Chief Researcher of the Institute for Classical Oriental and Antiquities. Higher School of Economics. Moscow.

lidiaskorodumova@yandex.ru

Tsyrempilova Irina Semenovna — Dr. Sc. (History), Professor, Vice-Rector of Research, East Siberian State Institute of Culture. Ulan-Ude.

nauka_vsgaki@mail.ru

Uspenskiy Vladimir Leonidovich — Dr. Sc. (History), Associate Professor, Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies, SPbSU. Saint-Petersburg, Russia.

v.uspensky@orient.spbu.ru

Yakhontova Natalia Sergeevna — Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

nyakhontova@mail.ru

Yusupova Tatiana Ivanovna — Dr. Sc. (History), Leading Researcher at Saint-Petersburg Branch of IHST, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

ti-yusupova@mail.ru

Zorin Aleksandr Valerievich — Cand. Sc. (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kawi@yandex.ru